

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ СБОРНИК

ПО МАТЕРИАЛАМ XXIV МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 31 МАРТА 2017 Г.

2017
№ 3-8

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2017 • № 3, часть 8

Периодический научный сборник

*по материалам
XXIV Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 31 марта 2017 г.*

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2017 • № 3-8

Периодический научный сборник

Выходит 12 раз в год

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-65905 от 06 июня 2016 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель и издатель:

ИП Ткачева Екатерина Петровна

Главный редактор: Ткачева Е.П.

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Телефон: +7 (919) 222 96 60

Официальный сайт: issledo.ru

E-mail: mail@issledo.ru

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.issledo.ru

По материалам XXIV Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 31 марта 2017 г.).

Редакционная коллегия

Духно Н.А., д.ю.н., проф. (Москва); *Васильев Ф.П.*, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (Москва); *Винаров А.Ю.*, д.т.н., проф. (Москва); *Датий А.В.*, д.м.н. (Москва); *Кондрашихин А.Б.*, д.э.н., к.т.н., проф. (Севастополь); *Котович Т.В.*, д-р искусствоведения, проф. (Витебск); *Креймер В.Д.*, д.м.н., академик РАЕ (Москва); *Кумехов К.К.*, д.э.н., проф. (Москва); *Радина О.И.*, д.э.н., проф., Почетный работник ВПО РФ, Заслуженный деятель науки и образования РФ (Шахты); *Тихомирова Е.И.*, д.п.н., проф., академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ (Самара); *Алиев З.Г.*, к.с.-х.н., с.н.с., доц. (Баку); *Стариков Н.В.*, к.с.н. (Белгород); *Таджибоев Ш.Г.*, к.филол.н., доц. (Худжанд); *Ткачева А.А.*, к.с.н. (Белгород); *Шановал Ж.А.*, к.с.н. (Белгород)

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»	6
<i>Агамиров К.В.</i> ПРАВО НА ЭВТАНАЗИЮ: ЗА И ПРОТИВ	6
<i>Арзамаская Я.В.</i> ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	10
<i>Арсентьева Д.Д.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ И КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ	13
<i>Баласанян Ж.С., Слепенко Ю.Н.</i> ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАЙМА	16
<i>Баласанян Ж.С., Слепенко Ю.Н.</i> СУЩЕСТВЕННЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАЙМА	20
<i>Баранов В.А., Приженникова А.Н.</i> АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРУДОВЫХ ПРАВ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ	24
<i>Битаев А.М.</i> ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ НА КОНТИНЕНТАЛЬНОМ ШЕЛЬФЕ РОССИИ.....	31
<i>Бодаевский В.П., Кадыкова В.Н.</i> О ПРОБЛЕМЕ ПОНЯТИЯ ОБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ	33
<i>Булгаков В.В., Горнов А.И.</i> К ВОПРОСУ О ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ И НАКАЗАНИЯХ ЗА НИХ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНУ	38
<i>Булгаков В.В., Корчагина О.В.</i> ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ 1906-1907 ГГ.....	40
<i>Булгаков В.В., Маркова О.В.</i> ПРИНЦИП ОХРАНЫ ЗЕМЛИ В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА.....	42
<i>Галуцких В.Д.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА СВИДЕТЕЛЯ	44
<i>Гордейчик С.А.</i> СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ УГОЛОВНО НАКАЗУЕМЫХ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ ПРАВОМ.....	46
<i>Гузоев О.И.</i> ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН ЗА НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ КОНТРАКТУ	55
<i>Елагин Р.И.</i> МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОСНОВЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛЕГАЛЬНОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ.....	58

Емельянова О.А. УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ	61
Емельянчик М.И. ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПОНЯТЫХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	64
Иваненко А.В., Шмалько Е.А. МИРОВАЯ ЭКОЛОГИЯ И ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ УЛУЧШЕНИЯ ЖИЗНИ БЕЗДОМНЫХ ЖИВОТНЫХ.....	66
Иванова К.Д., Жилкина П.Г., Руденок В.П. РОЛЬ ДОСМОТРОВОЙ РЕНТГЕННОТЕЛЕВИЗИОННОЙ ТЕХНИКИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ.....	70
Исаева Н.В. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА НЕОБХОДИМУЮ ОБОРОНУ	73
Карасевич Е.Ю. ПРИМЕНЕНИЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ.....	77
Карпенко А.А. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СУДА	81
Кузнецов С.Д. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	85
Кузьмина В.С., Булгаков В.В. ЗЕМЕЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И ЕГО ВИДЫ.....	88
Кулешова Н.В., Корнюкова Д.В. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ПОЛУЧЕНИЕ БЕСПЛАТНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ	93
Лягин К.А., Сафина Э.И. ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ СИЛА ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ТЕОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	96
Маяковский О.А. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НОТАРИАЛЬНОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ СДЕЛОК С ЗЕМЕЛЬНЫМИ УЧАСТКАМИ	99
Михеев Д.Ю. ВОЕННЫЕ ТРИБУНАЛЫ В СИБИРИ (1920-1930 гг.)	105
Нарижний А.А. АНАЛИЗ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА.....	107
Порохнявая Е.Л. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ САНИТАРНО- ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ	111
Рыбак С.В., Гончаренко И.А. АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ	114

Саушкин С.А. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОНФЛИКТА НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ (МУНИЦИПАЛЬНОЙ) СЛУЖБЕ	119
Симонова Е.С. ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПУТЕМ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	122
Тарапата В.Г. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА.....	127
Уракчеева Д.Р. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА, ЕЕ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА МИРОВЫХ СУДЕЙ	130
Федоренко Н.В., Дзюба Л.М., Фатыхова Е.М. МЕДИАЦИЯ И ИНСТИТУТ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА).....	133
Шепелин И.В. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ В ДОКТРИНЕ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА И РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	136
Шурдумов А.Х., Степанова Л.П. РОЛЬ НЕТИПИЧНЫХ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	139
Юн Л.В. МОРАЛЬ И ПРАВО КАК СОЦИАЛЬНЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ ОБЩЕСТВА	143
Яковлева Т.А. АКТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ РОССИЙСКОГО ПРАВА.....	146

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ПРАВО НА ЭВТАНАЗИЮ: ЗА И ПРОТИВ

Агамиров К.В.

канд. юрид. наук, доцент,

Сетевое СМИ «Политика и право с Карэном Агамировым»,
стажер Института государства и права Российской академии наук,
Россия, г. Москва

В статье рассматриваются проблемные вопросы добровольного ухода из жизни при помощи врачей. В ряде стран право на эвтаназию признано в качестве одного из фундаментальных прав человека. Автор приходит к выводу, что вначале надо обеспечить реализацию права на достойную жизнь, а потом уже разрабатывать проекты достойного ухода из нее.

Ключевые слова: право на жизнь, эвтаназия, права и свободы человека и гражданина, хосписное движение, право на достойную жизнь.

Один из центральных вопросов права на жизнь связан с эвтаназией. Эвтаназия происходит от греческого «euthanasia» – хорошая смерть, спокойная, легкая смерть, смерть без страданий. Этот термин ввел в оборот английский философ Френсис Бэкон. Законодательно эвтаназия в России запрещена. Статья 45 Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» запрещает медицинским работникам осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента, а ч. 1 ст. 71, воспроизводящая основные постулаты Клятвы Гиппократова, наставляет на проявлении высочайшего уважения к жизни человека, никогда не прибегать к осуществлению эвтаназии [8].

Статья 14 Этического кодекса российского врача указывает, что эвтаназия как акт преднамеренного лишения жизни пациента по его просьбе или по просьбе его близких недопустима, в том числе и в форме пассивной эвтаназии. Под пассивной эвтаназией понимается прекращение лечебных действий у постели умирающего больного. Врач обязан облегчить страдания умирающего всеми доступными легальными способами [9].

Тем не менее, в ряде стран эвтаназия признана правом человека, между ней и достойным уходом в мир иной поставлен знак равенства. Среди таких государств – Голландия, Франция, Бельгия. В американском штате Калифорния эвтаназия тоже узаконена, в Швейцарии, Дании, Германии помощь врача в легком уходе смертельно больного из жизни не рассматривается судами в качестве преступления.

Англичанка Диана Претти 21 декабря 2001 г. подала в Европейский суд по правам человека в Страсбурге жалобу с требованием обеспечить ей право

на эвтаназию, которое она трактует как «достойный уход из жизни с помощью врачей или родных», так как верховный судебный орган Великобритании – Палата лордов – отказал ей в этом [10].

В противовес эвтаназии существует хосписное движение. Хосписы – это медико-социальные учреждения для неизлечимо больных граждан, в которых они, находясь под опекой и заботой персонала, встречают свой смертный час.

Основатель московского и российского хосписного движения В.В. Миллионщикова – противник эвтаназии. Тем не менее, она полагает, что эта тема имеет право на существование, но только по отношению к обреченным онкологическим больным. И то, за многолетнюю практику, работая с безнадежными онкологическими больными, она только один раз столкнулась с просьбой об эвтаназии, которая была отклонена: не мы эту жизнь даем, не мы ее имеем право отнимать.

В.В. Миллионщикова полагает, что легализация эвтаназии приведет к злоупотреблениям со стороны недобросовестных врачей и родственников, которые будут поддерживать умерщвление граждан по имущественным соображениям: из-за выделенных (для врачей) на проведение эвтаназии денежных средств и возможности (для родственников) завладеть квартирой и пр. [11].

А вот секретарь движения «Российские радикалы» Н.Е. Храмов настаивает на том что право на эвтаназию должно быть узаконено. По его мнению, смертельно больной человек должен иметь право выбора – бороться ли ему до конца, воспользовавшись услугами хосписа и помощью врачей, или принять решение не мучить ни себя, ни других, и уйти в иной мир. Н.Е. Храмов обосновывает это, среди прочего, тем, что и в больницах, и в хосписах зачастую не хватает наркотических препаратов для облегчения страданий человека. Необходимо разработать и принять федеральный закон об эвтаназии, который детально регламентировал бы, каким образом пациент должен выразить свою волю [11].

А каково мнение общественности на этот счет?

«Я считаю, что принятие такого закона будет способствовать наращиванию прав, гарантий тому человеку, который не может больше существовать в этих адских условиях, в адских мучениях, когда ни врачи, ни государство, никто не может их ему облегчить, предоставить такое лечение, которое сможет его избавить от этого. Система гарантий и прав».

«Эвтаназия нужна в России. Смертельно больные раком испытывают невыносимую боль, которая купируется только морфином. Паралич, кома – человек-растение. Закон надо писать без дыр».

«Я пенсионер, я много видел, как у меня умирают друзья. Это были скелеты, державшиеся на морфии».

«Я против эвтаназии» [11].

Автор провел собственное социологическое исследование на эту тему. На вопрос «Оправдали бы вы человека, совершившего акт эвтаназии по отношению к вашему близкому человеку», положительно ответили 865 (86 %), отрицательно – 141 (14 %). Другие исследования также показывают скорее готовность общества к принятию закона об эвтаназии, чем отказу от него [12].

Более того, в недрах Совета Федерации был подготовлен законопроект о легализации эвтаназии, но противникам «благой смерти» удалось заморозить его движение [13].

Встает вопрос – не является ли хоспис лишь продлением мучений неизлечимо больного, которому жить уже невозможно? Не пришла ли пора законодателю вновь вернуться к рассмотрению этой проблемы и признать эвтаназию правом человека? Автор полагает, что аргументы «против» перевешивают.

Во-первых, не мы сами вошли в эту жизнь, и не нам ею распоряжаться. Надо пройти весь путь до конца. Во-вторых, «неизлечимо больной» может вдруг пойти на поправку. Таких случаев много. Старшему коллеге автора, известному ученому, доктору наук и профессору, поставили в свое время диагноз «неоперабельный рак». Он уже совсем было раскис и собрался умирать, как вдруг дело пошло на поправку! И «неизлечимо больной» прожил еще долгие годы. В-третьих, хотя социологические исследования и показывают, что большинство – за эвтаназию, но ведь у нас большинство, согласно результатам опросов, и за смертную казнь. И что она дает? В американских штатах, где смертная казнь применяется, убийств на душу населения больше, где она не применяется. Так что это скорее акт мести, чем профилактика тяжких преступлений. Поэтому далеко не всегда мнение населения отражает действительное положение вещей. И, наконец, в-четвертых, прежде чем рассуждать о «благой смерти», следует позаботиться о достойной жизни.

Могут возразить, что ч. 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации включает реализацию этой задачи в число приоритетных функций социального государства, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Представляется, что эта формулировка страдает размытостью. Достойная жизнь человека не должна зависеть от воли государства, она является неотъемлемым правом от рождения [1, с. 118; 2, с. 111; 3, с. 103; 4, с. 104]. Заметим, что и Всеобщая декларация прав человека тоже не упоминает об этом праве, ограничиваясь в преамбуле признанием достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, верой в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности; в ст.ст. 22 и 23 – признанием права члена общества на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях, права работающего на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи, и дополняемое, при необходимости, другими средствами социального обеспечения [14].

Между тем именно право на достойную жизнь является основополагающим. Можно сколько угодно вменить в обязанность государства обеспечение достойной жизни человека (ч. 1 ст. 7 Конституции), но без фиксации этого права в перечне основных прав и свобод подобные призывы остаются благими

намерениями. Что же касается т. н. «достойного существования» (ч. 3 ст. 23 Всеобщей декларации прав человека), то между ним и достойной жизнью существует большая разница. Достойное существование – это исправное отправление стандартных жизненных функций, и не более того. А вот достойная жизнь представляет собой активный и насыщенный жизненный процесс.

Достойно жить – не красивые слова. За ними – свобода от изнурительного труда и несоответствующего ему вознаграждения. И если ч. 3 ст. 37 Конституции провозглашает вознаграждение за труд без какой бы, то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а ч. 3 ст. 23 Всеобщей декларации прав человека – право каждого работающего на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, то следует выяснить, в какой степени минимальный размер оплаты труда отвечает справедливому вознаграждению.

С 1 июля 2016 года минимальный размер оплаты труда (МРОТ) составляет 7500 рублей [15]. И это «справедливое вознаграждение»? На столь скудные средства и до финансово-экономического кризиса и введения санкций в отношении Российской Федерации выжить было очень непросто, а сегодня и вовсе нереально. Здесь идет речь уже не о достойной жизни или достойном существовании, а об элементарном выживании. При этом законодатель ведет отсчет МРОТ от прожиточного минимума трудоспособного населения [16], который, в свою очередь, основывается на стоимости потребительской корзины [17]. Стандарты, заложенные в указанных нормативных правовых актах, рассчитаны скорее на прирожденного аскета, чем на обычного человека. Необходимо их пересмотреть, ориентируясь на международные социальные стандарты качества и уровня жизни [18], и чем скорее, тем лучше, не провоцируя рост и без того серьезной социальной напряженности в обществе.

И разве можно признать нормальным положение тех же тяжело больных граждан, которым на лечение отпускаются сущие гроши? В Испании действует закон, по которому им выделяется 400 евро ежемесячно в среднем независимо от наличия родственников. В Российской Федерации ЕДВ (ежемесячная денежная выплата) инвалиду 1-ой группы составляет всего лишь 3137,60 руб. [19].

Так что надо сначала обеспечить действительно достойную жизнь человека, а уже потом разрабатывать проекты об эвтаназии.

Список литературы

1. Агамиров К.В. Проблемы юридического прогнозирования: методология, теория, практика. М., 2015. С. 118.
2. Агамиров К.В. Юридическое прогнозирование как фундамент развития правовой системы. М., 2015. С. 111.
3. Агамиров К. В. Прогностические проблемы совершенствования правовой системы, законотворчества и социального механизма правореализации. М., 2016. С. 103.
4. Агамиров К.В. Прогнозирование правового поведения. М., 2017. С. 104.
5. Агамиров К.В. Матрица правового хаоса // Евразийский юридический журнал. 2017. № 1. С. 94-97.
6. Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление. М., 2006.

7. Капинус О.С. Эвтаназия в свете права на жизнь. М., 2006.
8. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ // Российская газета. Федеральный выпуск № 5639. 23.11.2011; <http://www.rg.ru/2011/11/23/zdorovie-dok.html>; <http://base.garant.ru/12191967/>.
9. Этический кодекс российского врача: Утвержден 4-ой Конференцией Ассоциации врачей России, ноябрь 1994 // <http://www.med-pravo.ru/Ethics/EthCodRF.htm>.
10. http://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Pretty_v_the_United_Kingdom_29_04_2002.pdf.
11. <http://www.svoboda.org/content/transcript/161934.html>.
12. <http://www.ibl.ru/konf/041208/73.html>; <http://droplak.ru/?p=4037>.
13. <http://www.rosbalt.ru/main/2007/04/17/293524.html>.
14. Всеобщая декларация прав человека: Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.
15. О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»: Федеральный закон от 2 июня 2016 г. N 164-ФЗ // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=198850&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.05880320561482444>.
16. О прожиточном минимуме в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 октября 1997 г. N 134-ФЗ // <http://base.garant.ru/172780/>; <http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=138624>.
17. О потребительской корзине в целом по Российской Федерации: Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. N 227-ФЗ // Российская газета. Федеральный выпуск № 5956. 07.12.2012; <http://www.rg.ru/2012/12/07/korzina-dok.html>; <http://base.garant.ru/70271718/>.
18. <http://www.domeuropa.eu/leys/jobs-ley/4-salari-minim>.
19. <http://subsidi.net/льготы-и-пособия-инвалидам/item/436-пенсия-по-инвалидности.html>.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Арзамаская Я.В.

магистрант кафедры конституционного и международного права,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина
РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, г. Саратов

В статье анализируется актуальность обеспечения национальной безопасности современной России. В свете сложившейся политической ситуации и вооруженных конфликтов в мире именно защита территориальной и государственной целостности, конституционного строя и суверенитета являются стратегическими целями национальной безопасности.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, государство, угрозы безопасности.

Заместитель Министра иностранных дел России Богданов М.Л. на VI конференции Ближневосточного диалога Международного дискуссионного клуба «Валдай» отметил, что в нынешнем, 2017 году обеспечение безопасности стало определяющим фактором мировой политики [1]. Ещё в 2007 году

Путин В.В. выступал на Мюнхенской конференции по вопросам политики и безопасности, где говорил о том, что появились принципиально новые угрозы, которые и раньше были известны, но сегодня приобретают глобальный характер [2]. Поэтому следует полностью согласиться с мыслями Президента Российской Федерации, что «в этих условиях мы вынуждены задуматься об обеспечении своей собственной безопасности». В контексте современной российской действительности эта тема до сих пор остается наиболее актуальной.

В соответствии с Указом Президента РФ от 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» под национальной безопасностью понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации [3].

Статья 51 Устава ООН гласит, что государства вынуждены обращаться к неотъемлемому праву индивидуальной или коллективной самообороны для отражения «вооруженного нападения» [4]. Но, несмотря на существование установленной Уставом ООН системы обеспечения коллективной безопасности, государства практически всегда остаются один на один со своими проблемами. Поэтому вопросы национальной безопасности Российской Федерации необходимо рассматривать в рамках коллективной безопасности. Тем более что любой конфликт внутри страны может «перекинуться» на территорию другого государства, локальный конфликт – перерасти в мировую войну [5, с. 40].

Каждое государство и нация имеют свои особые, неповторимые потребности и интересы, реализация которых может вступать в противоречие с интересами других социальных и институциональных образований. Это значит, что наряду с важностью международной и региональной безопасности усиливается значение национальной безопасности.

Стратегия национальной безопасности является базовым документом стратегического планирования, который определяет национальные интересы и приоритеты России, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны.

Современная ситуация в мире характеризуется стремительным изменением структуры вызовов и угроз, их транснациональной природой. К застарелым конфликтам добавляются новые опасные очаги напряженности [6]. В настоящее время, национальная безопасность отталкивается в первую очередь от внешних угроз, но внутренние угрозы приобретают большую остроту (усиление степени дифференциации уровня жизни и доходов населения и неравномерности экономического развития регионов; усиление межэтнической и межнациональной напряженности; наркомания и другие антисоциальные явления).

Внешние же угрозы национальной безопасности пытаются ослабить Россию и навязать невыгодные для нее условия межгосударственных отношений. К таким угрозам на 2017 год можно отнести: снижение роли России в мировой экономике вследствие целенаправленных действий отдельных государств и межгосударственных объединений (ООН, ОБСЕ); усиление масштабов и влияния международных объединений (НАТО); тенденции к размещению около границ России военных сил иностранных государств; распространение оружия массового уничтожения и др.

Также, учитывая современные политические реалии наибольшую угрозу национальным интересам представляют не рядовые правонарушения и прогрессирующая криминогенная ситуация внутри государства, скорее преступление более масштабного характера, названное экологическим терроризмом [7, с. 418].

Хотелось бы отметить, что именно терроризм выступает одним из наиболее криминальных явлений. Особого внимания заслуживает самая молодая и при этом прогрессивная террористическая группа – «Исламское государство Ирака и Леванта» [8, с. 5]. К нашему сожалению, терроризм стал угрозой не только национального, но мирового масштаба. Важнейшей задачей против совершенно реальных вызовов, среди которых главным является сегодня террористическая агрессия считается объединение усилий [9].

Таким образом, для укрепления национальной безопасности Российской Федерации необходимо:

1. Повысить эффективность работы по патриотическому воспитанию населения, которая на основе формирования патриотических чувств и сознания поддерживает общественную и экономическую стабильность России;

2. Разработать и внедрить новые подходы к обеспечению информационной безопасности (недопущение любой информационной пропаганды в СМИ), что поможет усилить борьбу с главной мировой угрозой – терроризмом, а также вовремя выявлять, предупреждать, пресекать и раскрывать преступления террористического характера;

3. Поддерживать высочайшую степень боевой готовности на случай отражения нападения на государство.

Все эти шаги, безусловно, важны и одновременно указывают на те направления совместной деятельности государств, следование которым позволит усовершенствовать систему обеспечения коллективной безопасности и вывести её на принципиально новый уровень.

Список литературы

1. Выступление спецпредставителя Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки М.Л.Богданова на VI конференции Ближневосточного диалога Международного дискуссионного клуба «Валдай» «Ближний Восток: когда наступит завтра», Москва, 27 февраля 2017 года// URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2659405 (дата обращения: 28.02.2017).

2. Выступление и дискуссия В. В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля 2007 года. Мюнхен// URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 28.02.2017).

3. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.
4. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945)// Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. – М., 1956. – С. 14 – 47.
5. Осавелюк А. М. Система коллективной безопасности как основа национальной безопасности России// Журнал: «Экономика И Право. XXI Век», М.: Юркомпани, 2013. – №1. – С. 39-46.
6. Выступление заместителя Министра иностранных дел России Г.М.Гатилова в ходе сегмента высокого уровня 34-й сессии Совета ООН по правам человека, Женева, 28 февраля 2017 года // URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2660340 (дата обращения: 28. 02. 2017)
7. Алихаджиева А.С. Экологический терроризм, как угроза национальной безопасности России// Сборник статей «Безопасность в современном мире: Всероссийская научно-практическая конференция». – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2016. – С. 418-421.
8. Шегаев И.С. Игил и национальная безопасность России: оценка рисков и угроз// Электронный журнал «Вестник МГОУ» / www.evestnik-mgou.ru. М.: Московский государственный областной университет – 2015. – № 1. – С. 1-7.
9. Статья Министра иностранных дел России С.В.Лаврова «Историческая перспектива внешней политики России», опубликованная в журнале «Россия в глобальной политике» 3 марта 2016 года// URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2124391 (дата обращения 28. 02. 2017).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ И КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ

Арсентьева Д.Д.

аспирант, Байкальский государственный университет,
Россия, г. Иркутск

В статье на основе анализа нормативно-правовых актов федерального и регионального значения рассмотрены особенности взаимодействия общеобразовательных школ и комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Ключевые слова: комиссии по делам несовершеннолетних, преступность несовершеннолетних, общеобразовательные школы.

Изменения, происходящие в социальной, экономической, культурной жизни общества нередко имеют негативные тенденции. Такие тенденции в первую очередь отражаются на одной из самых незащищенных групп населения – несовершеннолетних, что приводит к росту безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних, росту количества преступлений, совершенных несовершеннолетними [6, с. 115].

Следует отметить, что ежегодно в России около 100 тыс. несовершеннолетних, не достигших 14 лет, совершают деяния, содержащие признаки состава преступления. Доля подростков в возрасте от 14 до 15 лет среди совер-

шивших преступления постоянно увеличивается и составляет около 30%. Статистические данные свидетельствуют не только об общем омоложении преступности, но и об изменении в структуре преступности несовершеннолетних [1, с. 32].

В данной ситуации приобретает особую значимость не только деятельность специальных государственных органов по предупреждению преступности несовершеннолетних, но и организация всестороннего взаимодействия между ними.

Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав занимают особое место среди субъектов системы профилактики.

Согласно ч.1 ст. 11 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав создаются в целях координации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по предупреждению безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявлению и устранению причин и условий, способствующих этому, обеспечению защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, социально-педагогической реабилитации несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, выявлению и пресечению случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий [7, ст. 11].

На комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН) возложен достаточно широкий круг задач по предупреждению преступности несовершеннолетних, выявлению причин и условий, способствующих совершению несовершеннолетними правонарушений.

Однако, сотрудники КДН зачастую не имеют постоянного контакта с несовершеннолетними, находящимся в социально опасном положении, что препятствует эффективной работе по предупреждению преступности несовершеннолетних. В данном случае возникает острая необходимость в организации взаимодействия с органами и учреждениями, находящимися в постоянном и более близком контакте с несовершеннолетними. К таким учреждениям следует отнести и образовательные учреждения (школы).

О необходимости установления и регламентации тесного взаимодействия между школьными педагогами и сотрудниками КДН уже неоднократно упоминалось в научной сфере. Так, Дорфман И.А. в качестве одного из направлений профилактической деятельности КДН выделял осуществление ранней профилактики противоправного поведения подростков в процессе совместной деятельности педагогов (руководителей) общеобразовательных учреждений и специалистов КДН с учетом особенностей той территории, где расположена конкретная школа, район, в которых обучаются и проживают учащиеся. При этом отмечалось, что осуществление такой деятельности необходимо уже в начальных классах общеобразовательной школы [2, с. 168].

Также о необходимости педагогической работы совместно с КДН упоминал и М.В. Медведев, указывая на тот факт, что в настоящий момент КДН ставят своей основной задачей реагирование уже на совершившиеся факты нарушения прав детей или совершения ими правонарушений. Однако, одной из ведущих функций комиссий является выявление и устранение причин и условий, способствующих правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних. И в данном случае наиболее важным аспектом выступает взаимодействие с педагогами общеобразовательных школ [4, с. 118].

Несмотря на имеющуюся необходимость в регламентации взаимодействия между общеобразовательными школами и КДН, федеральное законодательство не регламентирует порядок и особенности такого сотрудничества.

Однако на уровне субъектов Российской Федерации фактически устанавливается такое сотрудничество и проводится совместная работа педагогов и специалистов КДН.

Так, в Волгоградской области создана функционирует сеть из более ста школьных служб примирения и отработана региональная модель сотрудничества между КДН и школьными службами примирения. Суть волгоградской региональной модели заключается в том, что КДН сопровождает случай с совершением несовершеннолетним правонарушения на всем протяжении восстановительной работы, которую организует школьная служба примирения при поддержке КДН. В итоге в подавляющем большинстве случаев (пять из семи) восстановительные программы закончились примирением сторон с подписанием примирительного договора, заглаживанием морального вреда, возмещением материального ущерба [3, с. 26].

В Иркутской области осуществляются иные формы сотрудничества между школами и КДН. Так, согласно Отчету о работе по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на территории Иркутской области в 2015 г., в общеобразовательных организациях организован постоянный контроль за посещаемостью обучающимися занятий, предусмотренных учебным планом, своевременное информирование районных (городских) комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и органов внутренних дел (полиции) о непосещении несовершеннолетними учебных занятий без уважительных причин. В 2015 г. Областной комиссией по делам несовершеннолетних организован областной конкурс образовательных организаций на лучшую систему профилактики асоциальных проявлений детей и подростков [5].

Так или иначе, сотрудничество между КДН и общеобразовательными школами на уровне субъектов Российской Федерации осуществляется, внедряются новые способы взаимодействия. Однако, отсутствует единообразная система взаимодействия между КДН и общеобразовательными школами. Разработка и регламентация единой системы взаимодействия во многом может способствовать ранней профилактике преступности несовершеннолетних, а, следовательно, и снижению уровня преступности несовершеннолетних в Российской Федерации.

Список литературы

1. Дорошков В.В. Профилактика подростковой преступности как составная часть уголовной политики на современном этапе / В. В. Дорошков, Д. А. Потапов// Российская юстиция. – 2014. № 6. С. 31-34.
2. Дорфман И.А. Компетенции правовой и педагогической профилактики в деятельности комиссии по делам несовершеннолетних // Вестник ВЭГУ. № 6 (80). 2015. С. 167-173.
3. Маловичко И.С. Развитие межведомственного взаимодействия комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав со школьными службами примирения (медиации) по реализации восстановительного правосудия в отношении детей в Волгоградской области // Вестник восстановительной юстиции. № 13. 2016. С. 23-31.
4. Медведев М.В. Комиссии по делам несовершеннолетних: современное состояние института // Поволжский педагогический поиск. № 3 (9). 2014. С. 117-119.
5. Отчет о работе по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на территории Иркутской области в 2015 г. [Электронный ресурс] // Правительство Иркутской области. 2010-2017. Режим доступа: <http://irkobl.ru/sites/kdnizp/doc/report/?type=special> (Дата обращения 17.03.2017)
6. Пархоменко С.В. Наемничество в отношении несовершеннолетнего/ С.В. Пархоменко, А.А. Литвинцев// Несовершеннолетний как субъект права. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Министерство образования и науки РФ, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Юридический институт. 2015. С. 115-118.
7. Постановление администрации Иркутской области от 26 марта 2008 г. № 64-ПА "О комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Иркутской области" // Газета "Областная". 23 апреля 2008 г. № 42(317).
8. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних"// Собрание законодательства Российской Федерации. 28 июня 1999 г. № 26. ст. 3177.

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ
К ЗАКЛЮЧЕНИЮ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАЙМА**

Баласаян Ж.С.

магистрант группы П-ЮРП-м-о-151, Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета, Россия, г. Пятигорск

Слепенюк Ю.Н.

доцент кафедры ГПП, кандидат юридических наук, Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета, Россия, г. Пятигорск

Статья посвящена исследованию предварительных требований, предъявляемых к заключению договора международного займа. Проанализированы предварительные требования заключения договора международного займа. Автор приходит к выводу, что сфера предварительных требований должным образом не изучена отечественными правоведомы, что обуславливает присутствие различных точек зрения российских ученых.

Ключевые слова: договор международного займа; предварительные требования.

Сущность предварительных требований заключается в том, что заемщик, перед получением права требования от займодавца предоставления де-

нежной суммы, обязан реализовать конкретные условия. Подтверждение дееспособности заемщика на заключение договора международного займа и надлежащего осуществления по нему обязательств есть первостепенная цель предварительных требований. В предоставлении конкретных документов заемщиком либо третьими лицами отражаются предварительные требования, например:

- документов, имеющих отношение к передаваемым в обеспечение объектам (например, выписки из государственных реестров прав на движимое и недвижимое имущество);

- документов, касающихся дееспособности заемщика либо третьих лиц (например, учредительные документы, внутренние документы, выписки из государственных реестров, подтверждающие полномочия представителей доверенности, разрешения государственных органов, корпоративные одобрения);

- документов, заключенных относительно целей и особенностей займа, а также по взаимной договоренности (например, документы, подтверждающие изменение структуры собственности заемщика конкретным способом);

- документов, подтверждающих возникновение залога, ипотеки либо других обязательств, гарантирующих обязательства по договору международного займа (например, подтверждающее возникшее обременение свидетельство о праве собственности на недвижимое имущество, договор ипотеки с проставленным штампом регистрирующего органа).

Предоставление подобных документов заемщиком свидетельствует о подтверждении информации, необходимой займодавцу для оценки всех имеющихся на время предоставления займа обстоятельств, либо о заключении между заемщиком и займодавцем, либо третьими лицами подобных договоров.

Таким образом, появление взаимных прав и обязанностей по договору займа зависит от формы документов, в которую облакаются подобные обстоятельства.

Иногда участниками указанных ранее правоотношений может быть предусмотрено условие о том, что основанием вступления в силу конкретной части обязательств по договору является реализация тех либо других предварительных требований, и, одновременно, другой части обязательств – исполнение оставшихся предварительных требований. К примеру, участниками может быть предусмотрено, что заемщик приобретает право получить одну часть займа после предоставления абсолютно всех имеющих отношение к дееспособности документов, а после получения займодавцем подтверждения того, что обязательства, обеспечивающие заём, уже возникли – оставшуюся.

В российской литературе не изучена должным образом проблема юридической природы предварительных требований договора международного займа. Я.С. Акимов указывает, что договор займа вступает в силу с момента подписания, но «средства поступают только после выполнения предварительных условий» [2, с. 25]. А.В. Шамраев и О.В. Попова же обращают вни-

мание на то обстоятельство, что обязательства кредитора по предоставлению кредита обычно вызваны соблюдением заёмщиком предварительных требований [3, с. 14]. Другие авторы, напротив, утверждают, что кредитный договор в принципе не может существовать в режиме условной сделки – срок его действия характеризуется конкретными параметрами: либо датой, либо периодом (установление срока действия кредитного договора иным способом противоречит и закону, и существу такого договора). Тем не менее, юридическая природа предварительных условий соответствующим образом не проанализирована в трудах российских ученых-правоведов, что, следовательно, обуславливает присутствие различных точек зрения российских правоведов.

Возникновение предварительных требований, их юридический смысл обнаруживается в английском праве, согласно которому соответствующие требования представляют собой особую систему соглашения, определяющий зарождение либо завершение обязательств участников по договору путем наступления конкретных событий, либо реализации конкретных действий.

Применение данной системы предварительных требований связано со сроками возникновения обязательств. Поскольку участники договора международного займа зачастую располагаются на территории различных государств, становится затруднительным заблаговременно спрогнозировать сроки возникновения соответствующих правоотношений. В связи с данным обстоятельством, с помощью системы предварительных требований участники договора международного займа устанавливают свободу своих действий и не ограничивают себя какими-то сроками.

Необходимо акцентировать внимание на том, что, сравнивая с отечественным законодательством по своей юридической сущности предварительные требования тождественны сделкам, осуществляемым по предусмотренным ст. 157 ГК РФ требованиям. Однако требования отечественного законодательства к обстоятельствам, от которых зависит будущее соответствующих сделок, имеют свою специфику. Осуществленные под отлагательным условием и осуществленные под отменительным условием сделки представляют собой два типа условных сделок, предусмотренные ст. 157 ГК РФ. В первом случае наступление обстоятельства, предусмотренного сделкой, порождает обязательство между сторонами, а во втором – прекращает.

Отечественным гражданским законодательством не решена проблема зависимости предусмотренных сделками под условиями обстоятельств от воли сторон либо нет. Судебная практика и отечественная концепция демонстрируют некое решение данной проблемы.

На основании арбитражной практики В.В. Рублев, например, заявляет, что при совершении сделки под «отлагательным условием» должно пониматься событие, не зависящее от воли сторон сделки [4, с. 9-10]. Позицию В.В. Рублева разделяет также и А.И. Абузов, который в дополнение к указанному выделяет пять признаков отменительного или отлагательного условия [1, с. 28-30]:

- оно должно относиться к будущему;

- относительно условия не должно быть известно, наступит оно или нет;
- наступление условия должно быть возможным;
- условие не должно зависеть от действия (бездействия) сторон;
- условие не должно зависеть от воли одного из участников сделки;
- условие не должно противоречить императивным нормам законодательства.

Примеры использования условий в разных типах обязательств могут быть продемонстрированы отечественной судебной практикой. Например, от таких требований, как трансформация органов управления общества-поручителя или должника либо количества участников, заключение кредиторов с третьими лицами либо должником обеспечительных сделок (к примеру, договора ипотеки), зависят обязательства в договорах поручительства. Признание или прекращение недействительными или незаключенными иных заключенных кредитором и должником обеспечительных сделок может быть отмечено, в том числе, как отменительное требование в договоре поручительства. В некоторых ситуациях неисполнение должником своих обязанностей по обеспечиваемому поручительством обязательству признается ВАС РФ как отлагательное требование договора поручительства. Согласно статье 157 ГК РФ другие условные сделки могут содержать:

- обязательство по переводу долга, зависящее от предоставления банковских гарантий, обеспечивающих исполнение обязательств новым должником перед кредитором в полном объеме и в течение срока действия соответствующего обязательства;
- обязательство по оплате товара, поставленное в зависимость от реализации товара;
- обязательства по договору залога будущей вещи, зависящие от возникновения собственности залогодателя на соответствующую вещь.

Необходимо указать, что в процессе формирования отечественной судебной практики есть риск признания ничтожными предусматривающих вступление в силу (прекращение) лишь одной части сделки предварительных требований. К примеру, ВАС РФ, рассматривая в одном из дел жалобу по возникшему из договора об оказании автотранспортных услуг спору, отметил, что п. 1 ст. 157 ГК РФ предоставляет возможность обуславливать возникновение прав и обязанностей по сделке в целом. В том случае, если обязательством представляется исключительно встречное требование оплаты, то заключенная сделка становится алеаторной, как следствие, данное обстоятельство противоречит возмездному характеру договоров подобного вида.

Основываясь на отечественной судебной практике, можно сделать вывод о том, что обуславливающие прекращение или возникновение обязательств требования могут быть поставлены и не поставлены в зависимость от воли сторон.

Зачастую, зависящими и не зависящими от заемщика обстоятельствами обусловлены международные заёмные обязательства. Затруднительным является вопрос о том, следует ли признавать обязательством предварительные

требования в виде, в котором они, как правило, зафиксированы в договоре международного займа. Предмет данного обязательства является недостаточно определенным в связи с тем, что список предварительных требований определяется по усмотрению займодавца и, в конечном итоге, является открытым и неполным. При отмеченных условиях по своему усмотрению займодавец может без конца переносить момент реализации предварительных требований, указывая на тот факт, заёмщик не отвечает предъявляемым к нему требованиям и не может предоставить необходимые документы.

Заемщик имеет право, в соответствии с положением п. 3 ст. 157 ГК РФ, обратиться в суд и заставить займодавца выдать займ, сославшись на тот факт, что займодавец избегает осуществления заемного обязательства. Заемщик вправе рассчитывать на возмещение убытков в случае, если суд признает право требовать выдачи займа за заёмщиком.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сфера предварительных требований должным образом не изучена отечественными правоведами, что обуславливает присутствие различных точек зрения российских ученых. Кроме того, существуют коллизии в российском и зарубежном праве относительно данной области.

Список литературы

1. Абузов А.И. Какие обстоятельства можно предусмотреть в качестве условий для сделки под условием? // Право и экономика. 2008. № 9. 45 с.
2. Акимов Я.С. Правовые аспекты синдицированного кредитования // Юридическая работа в кредитной организации. 2006. № 5. 53 с.
3. Попова О.В. Сроки в кредитном договоре // Финансовая газета. Региональный выпуск. 2005. № 2. 288 с.
4. Рублев В.В. Понятие и правовая характеристика акционерного соглашения как гражданско-правового договора, регулируемого гражданским законодательством Российской Федерации // Адвокат. 2010. № 10. 55 с.

СУЩЕСТВЕННЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАЙМА

Баласанян Ж.С.

магистрант группы П-ЮРП-м-о-151, Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета, Россия, г. Пятигорск

Слепенюк Ю.Н.

доцент кафедры ГПП, кандидат юридических наук, Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета, Россия, г. Пятигорск

Статья посвящена исследованию главных условий заключения договора международного займа. Проанализированы основные положения заключения договора международного займа. Автор приходит к выводу, что не существует однозначной точки зрения

ученых-правоведов относительно главных условий заключения договора международного займа.

Ключевые слова: договор международного займа, условия заключения.

Под договором международного займа подразумевается разновидность договора займа на возвратной основе, ставка по которому динамична (колеблется) и участники которого являются находящиеся в разных странах лица.

Содержание договора международного займа в отечественной и иностранной практике достаточно дифференцируется, что является актуальной проблемой в указанной области. В российской практике принято, в первую очередь, определять предмет договора, права и обязанности сторон договора, а затем другие условия: условия платежей, вступления договора в силу, форс-мажора и др. [2, с. 25]. Преамбула, понятия и определения, представляющие собой общие положения, предмет, заверения и гарантии, взаимные права и обязанности сторон, положения об исполнении и ответственность за нарушение обязательств представляют собой наиболее часто встречающиеся и, следовательно, важные положения заключения указанной разновидности договора займа.

Преамбула – есть одна из спорных, но в то же время, первостепенных сегментов любого договора международного займа. В некоторых ситуациях она может стать причиной конкретных юридических последствий. В ней отражена сущность взаимовлияния и взаимодействия правоотношений сторон, таких, как кредитор и заемщик. Предварительные обсуждения, деловая переписка и ознакомление со списком положений, свершившиеся в конкретное время, – это те предпосылки заключения договора, которые могут быть отмечены в качестве примера сторонами. Помимо этого, такие ссылки способствуют наиболее конкретному определению всей структуры и взаимообусловленности сложившихся правоотношений, тем самым уменьшая риск недобросовестного злоупотребления и оспаривания связанных с займом сделок со стороны заёмщика.

Договоры международного займа содержат крупные суммы, из-за чего любой подобный договор является многостраничным документом, включающим большое количество правовых положений. Первостепенное значение приобретает наличие понятий и их определений, поскольку некоторые термины в данных договорах встречаются многократно и консервируют свое значение на протяжении всего текста договора и сопутствующих ему сделках. В связи с данным обстоятельством в договоре международного займа указываются наиболее используемые и употребимые в положениях договора понятия и их определения. В данном случае поясняются значения наиболее употребимых в тексте договора понятий.

Такие понятия, как «лицо», «законодательство», «государственный орган», «рабочий день», «обременение» также широко употребляются. Участники договора международного займа, определяя подобные понятия, стараются интерпретировать подобные термины обширно и не ограничиваются

использованием юридического определения, принятого в одной стране (например, кредитора). Указанное обстоятельство связано с тем, что участники связанных с договором международного займа правоотношений находятся в разных странах и, в свою очередь, ограниченная интерпретация отмеченных терминов может стать причиной ослабленных правоотношений, недопустимых относительно сделок, которые заключаются с помощью крупных финансовых ресурсов.

Предмет также представляется главным сегментом договора международного займа. Из определения термина «договор международного займа» следует его предмет – денежная сумма. Объем обязательств, принимаемых на себя сторонами (займодавец и заемщик) указанных правоотношений содержится в предмете договора, то есть в денежной сумме, в процентах, ее сроке и других платежах. Как правило, процентная ставка по международному займу определяется как плавающая и состоит из суммы фиксированной ставки (так называемой маржи), а также одной или нескольких рыночных ставок (например, упомянутые выше ЛИБОР, ЕВРИБОР или МОСПРАЙМ).

Кроме того, большую популярность в международной практике договоров международного займа представляют заверения и гарантии. Как правило, под гарантиями и заверениями, в договорах займа, понимают предоставляемые заемщиком займодавцу утверждения, относящиеся к информации и документам, касающиеся и заемщика, и лиц, предоставляющих гарантию.

Среди наиболее часто встречающихся заверений и гарантий можно встретить следующие [3, с. 133-134]:

- несостоятельность (*insolvency*): данное заверение предоставляется с целью подтверждения того, что заемщик или лицо, предоставляющее соответствующее обеспечение, не является несостоятельным и не находится в процедуре несостоятельности (банкротства);

- отсутствие информации, вводящей в заблуждение (*no misleading information*): данное заверение относится ко всем документам и информации, предоставленной займодавцу в рамках правоотношений, возникающих из договора международного займа;

- финансовая отчетность (*financial statements*): данное заверение касается финансовой отчетности, а также иных финансовых документов и бизнес-планов, предоставленной займодавцу в рамках правоотношений, возникающих из договора международного займа;

- отсутствие нарушения законов (*no breach of laws*): данное заверение предоставляется с целью подтверждения того, что заемщик и лица, предоставляющие обеспечение, не нарушают законодательные предписания и не участвуют в судебных разбирательствах;

- законы о защите окружающей среды (*environmental laws*): данное заверение аналогично указанному выше, но призвано сделать акцент на соблюдении заемщиком законов о защите окружающей среды, которые находят все большее применение в странах с развивающейся экономикой;

- налогообложение (taxation): данное заверение относится к налоговому статусу заёмщика и лиц, предоставляющих обеспечение, а также призвано подтвердить то обстоятельство, что в отношении указанных лиц не проводится никаких налоговых проверок или судебных разбирательств.

Безусловно, список отмеченных выше гарантий и заверений будет зависеть от договоренностей сторон и конкретных обстоятельств сделки, следовательно, является неполным.

Важнейшим для указанного договора являются положения о взаимных правах и обязанностях сторон. Право на приобретение займа представлено главным правом заемщика. После отправки уведомления о выборке заемщик приобретает право на получение займа. Осуществив все предварительные требования, у заёмщика возникает право на направление уведомления о выборке. И в любой момент действия заёмного обязательства, и в конкретные его периоды, относительно договоренностей участников правоотношений, заёмщик имеет право приобрести как всю сумму, так и конкретные ее части.

Международной практикой предусмотрено, что займодавец должен дать согласие на сделку при намерении заемщика отдать все свое имущество либо какую-то его часть в залог. Кроме того, существуют информационные обязательства, призванные предоставить займодавцу максимальный объем информации о юридическом и экономическом положении заемщика и об употреблении заемных средств на отмеченные цели – относительно целевого займа.

Финансовые обязательства представляют еще один раздел обязательств и заключаются в обязанности заёмщика поддерживать такой уровень ежемесячного (квартального, годового) дохода, который был бы выше уплачиваемых ежемесячно (в квартал, год) процентов по займу.

Положение, по которому в случае несостоятельности заемщика денежные требования займодавца к заёмщику следует удовлетворять в одинаковой пропорции к необеспеченным требованиям иных кредиторов заёмщика – есть еще одно популярное в договорах международного займа обязательство.

Обстоятельства, при которых заёмщик будет признан неисполнившим либо ненадлежащим образом исполнившим свои обязательства из договора займа, или при которых займодавец вправе требовать досрочного возврата займа и соответствующих платежей представляют собой случаи неисполнения обязательств.

Обстоятельства, независящие от воли сторон по договору (изменение законодательства страны, экспроприация, национализация), также относятся к случаям неисполнения обязательств.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что не существует однозначной точки зрения ученых-правоведов относительно главных условий заключения договора международного займа. Решение данной проблемы отечественными и зарубежными авторами дифференцируется. Наиболее общими существенными положениями заключения договора международного займа являются преамбула, понятия и определения, представляющие

собой общие положения, предмет, заверения и гарантии, взаимные права и обязанности сторон, положения об исполнении и ответственность за нарушение обязательств.

Список литературы

1. Бандурина Н.В. Кредитный договор с участием юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. 189 с.
2. Гришаев С.П. Кредитный договор – содержание, виды, исполнение. М.: Гарант, 2015. 116 с.
3. Вишневский П.Н. Правовое регулирование договора международного займа: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. 233 с.
4. Шамраев А.В. Международное и зарубежное финансовое регулирование: институты, сделки, инфраструктура: монография: в 2 ч. / под ред. А.В. Шамраева. М.: КНОРУС, ЦИПСИР, 2014. Ч. 2. 230 с.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРУДОВЫХ ПРАВ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Баранов В.А.

декан юридического факультета, канд. юрид. наук, доцент,
Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, г. Москва

Приженникова А.Н.

доцент Департамента «Правовое регулирование экономической деятельности»,
канд. юрид. наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ,
Россия, г. Москва

В статье рассматриваются аспекты административных правонарушений, связанных с нарушением трудовых прав иностранных граждан и лиц без гражданства, а также законодательства о трудовой миграции.

Ключевые слова: административная ответственность, юридическая ответственность, трудовое законодательство, миграционное законодательство, разрешение на работу, патент, административное выдворение, административное правонарушение.

Вопросы административной юрисдикционной деятельности в сфере трудовой миграции иностранных граждан и лиц без гражданства носят актуальный характер, в связи с растущим числом мигрантов в Российской Федерации. Так, в 2016 году число иностранных граждан, въехавших на территорию Российской Федерации для получения постоянного места жительства, составил 6 млн. человек. Из них, около 60% попали в страну нелегально или у них уже истек срок действия разрешающей документации [8].

Огромную роль в защите интересов трудящихся граждан, а также трудовых мигрантов, на рынке труда, играет административная преюдициальная деятельность уполномоченных органов исполнительной власти.

Проблемным вопросам политики Российской Федерации в сфере трудовой миграции авторы статьи уже уделяли внимание [1, 2]. Исследуя вопро-

сы правового регулирования труда работников-иностранцев авторы статьи пришли к выводу о необходимости качественного совершенствования действующего миграционного законодательства с целью более четкой регламентации миграционной политики в соответствии с основными международными договорами и другими документами нормативного характера, принятыми в данной сфере деятельности и направленными, прежде всего, на легализацию трудовой деятельности мигрантов, защиту законных прав.

Трудовая деятельность иностранного гражданина – это его работа в Российской Федерации на основании трудового договора или договора гражданско-правового характера на выполнение работ (оказание услуг), при наличии у иностранного гражданина разрешения на работу или патента [12].

Административная ответственность, является одним из видов родового понятия «юридическая ответственность».

Ответственность – сложное и многостороннее понятие. Оно имеет несколько значений. В правовой науке до сих пор отсутствует общепризнанное мнение о понятии и сущности юридической ответственности, нет единства у ученых и в общей трактовке дефиниции юридической ответственности. Так, одна группа ученых считает, что юридическая ответственность есть санкция за правонарушение [5, с. 15].

В свою очередь, ряд авторов определяет санкцию как указание на меру принуждения, которая должна быть применена судом или иным уполномоченным на то органом к нарушителю нормативного акта [7, с. 28]. Полагаем, что такое понимание юридической ответственности слишком узко в силу того, что она не может ограничиваться лишь мерами принуждения [18]. Тархов В.А. признает санкциями и те правовые последствия, надлежаще установленные на случай правонарушения, которые не являются мерами принуждения [16, с. 13].

Вторая группа ученых рассматривает юридическую ответственность как обязанность правонарушителя отвечать за совершенное правонарушение. По мнению Л.А. Сыроватской, юридическая ответственность наступает не с момента применения санкции к правонарушителю, а с момента установления правонарушения [15, с. 10]. Братусь С.Н. считает, что: «юридическая ответственность – это та же обязанность, но принудительно исполняемая, если лицо (гражданин или организация), на котором эта обязанность лежит, не исполняет ее добровольно» [4, с. 4].

Исходя из анализа приведенных высказываний, можно согласиться с распространенной позицией, что юридическая ответственность – это мера государственного принуждения за совершенное правонарушение.

Относительно административной ответственности, в научной литературе, под нею понимается: «важное средство правовой охраны, борьбы с особым видом нарушений – административными правонарушениями, опасность которых заключается в их значительной распространенности» [17]; «реализация административно-правовых санкций, применение уполномоченным органом или должностным лицом административных санкций к гражданам и

юридическим лицам, совершившим правонарушение» [6]; «применение органами управления (а в отдельных случаях – судьями, судами) к правонарушителям принудительных мер в порядке, установленном нормами административного права» [3, с. 21]; «комплексная правовая реакция государства на проявление административной противоправности, содержащей материально-правовые основания и процессуальный порядок возбуждения, рассмотрения дел об административных правонарушениях, назначения и исполнения административных наказаний в целях возложения на правонарушителя обязанности претерпеть неблагоприятные последствия, установленные законодателем, или прекращения производства по делу в определенных законом случаях» [14, с. 24].

Отличие административной ответственности от других видов юридической ответственности заключается в том, что для привлечения к административной ответственности необходимо наличие состава административного проступка и соблюдение установленной процедуры, т. е. совокупности специфических признаков. Такими специфическими признаками административной ответственности являются:

1) Фактическим основанием административной ответственности служит административное правонарушение (проступок). В соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее КоАП РФ), административное правонарушение – это противоправное, виновное действие (бездействие), за которое КоАП РФ или законы субъектов РФ об административных правонарушениях устанавливают административную ответственность (ст. 2.1 КоАП РФ);

2) к виновному лицу применяется мера государственного принуждения, которое должно претерпеть лицо в качестве наказания за совершенное правонарушение;

3) правовым основанием административной ответственности являются КоАП РФ и законы субъектов Российской Федерации;

4) строго определен круг органов (должностных лиц) правомочных налагать административные взыскания;

5) административную ответственность отличает порядок ее применения.

В КоАП РФ (ст. 2.1), закреплено понятие административного правонарушения. Так, административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица.

Важной гарантией реализации прав и обязанностей субъектов трудовых отношений является взаимная ответственность сторон трудового договора. Ответственность за правонарушения в трудовой деятельности предусмотрена нормами трудового законодательства РФ. В соответствии со ст. 419 Трудового Кодекса РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (далее ТК РФ) лица, виновные в нарушении трудового законодательства, привлекаются к дисциплинарной и материальной, а также к гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности.

Представляется актуальным рассмотреть судебную статистику правонарушений в области трудового законодательства за первое полугодие 2016 года. Так, за нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права (ст. 5.27 КоАП РФ) было осуждено 2685 человек. За нарушение государственных нормативных требований охраны труда, содержащихся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации (ст. 18.8 КоАП РФ), к административной ответственности судами привлечено 128 человек, из 132, в отношении которых были составлены протоколы о правонарушениях. Что касается иностранных граждан и лиц без гражданства, то за нарушение этими лицами правил въезда в Российскую Федерацию (ст. 18.8 КоАП РФ) осуждено 81 312 человек из 88 312, в отношении которых были составлены протоколы о правонарушениях. При официальной миграции иностранных граждан 16290031 человек (18), количество выявленных нарушений, составляя 0,5 % является незначительным, однако эти цифры можно трактовать, как и о высокой латентности этого вида административных правонарушений. При этом, число лиц, привлеченных к ответственности за незаконное осуществление иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности (ст. 18.10 КоАП РФ) составляет 12 697 человек из 14 168, в отношении которых были составлены протоколы о правонарушениях. К этому надо добавить количество осужденных за незаконное привлечение к трудовой деятельности, нарушение правил привлечения в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства (ст. 18.15- ст.18.16 КоАП РФ), что составляет 11 233 человека из 19 752, в отношении которых были составлены протоколы о правонарушениях [13].

За нарушение трудовых прав работников в КоАП РФ закреплены следующие составы административных правонарушений:

- нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов (ст. 5.27);
- нарушение требований охраны труда, содержащихся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации (ст. 5.27.1);
- нарушение прав работников, закрепленных в соглашениях, коллективных договорах, локальных нормативных актах (ст. ст. 5.28 – 5.34);
- незаконное осуществление иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации (ст. 18.10);
- незаконное привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства (ст. 18.15);
- нарушение правил привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства к трудовой деятельности, осуществляемой на торговых объектах (в том числе в торговых комплексах (ст. 18.16);
- несоблюдение установленных в соответствии с федеральным законом в отношении иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных

организаций ограничений на осуществление отдельных видов деятельности (ст. 18.17).

Порядок осуществления иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации урегулирован как на федеральном, так и на уровне субъектов Российской Федерации. Ранее уже отмечалось, что в соответствии со ст. 2 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», иностранному гражданину необходимо иметь разрешение на работу или патент. Отличия между этими понятиями заключаются в следующем.

Разрешение на работу – документ, подтверждающий право иностранного работника на временное осуществление на территории РФ трудовой деятельности или право иностранного гражданина, зарегистрированного в РФ в качестве индивидуального предпринимателя, на осуществление предпринимательской деятельности (п.1 ст.2 Федерального закона N 115-ФЗ).

Работодатель и заказчик работ (услуг, по гражданско-правовому договору) имеют право привлекать и использовать иностранных работников без разрешения на привлечение и использование иностранных работников в случае, если иностранные граждане:

1) прибыли в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы;

2) являются высококвалифицированными специалистами и привлекаются к трудовой деятельности в Российской Федерации в соответствии со статьей 13.2 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ;

3) являются членами семьи высококвалифицированного специалиста, привлеченного к трудовой деятельности в Российской Федерации в соответствии со статьей 13.2 ранее указанного федерального закона;

4) обучаются в Российской Федерации по очной форме в профессиональной образовательной организации или образовательной организации высшего образования по основной профессиональной образовательной программе, имеющей государственную аккредитацию;

5) привлекаются к трудовой деятельности в Российской Федерации в соответствии со статьей 13.5 ранее указанного федерального закона (п. 4.5 ст. 13 ФЗ от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»). Патент – документ, подтверждающий в соответствии с ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» право иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, за исключением отдельных категорий иностранных граждан в случаях, предусмотренных Федеральным законом, на временное осуществление на территории субъекта Российской Федерации трудовой деятельности. Необходимо обратить внимание на то, что если иностранный гражданин, прибывший в РФ для осуществления временной работы на территории субъекта РФ, то ему необходимо обратиться за оформлением патента в течение 30 календарных дней. Если иностранный гражданин получил патент на террито-

рии одного субъекта РФ, то для осуществления трудовой деятельности на территории другого субъекта РФ он обязан вновь обратиться за получением патента в территориальный орган соответствующего субъекта. Срок действия патента, выданного в другом регионе, не может превышать срок действия первоначально выданного документа.

Анализируя судебную практику, например, в Верховном Суде Республики Саха (Якутия) [8] в порядке пересмотра постановлений по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 18.8, 18.10, ч.2 ст. 18.17 КоАП РФ в 2013 году всего рассмотрено 163 судебных постановления, их них: по ст. 18.8 КоАП РФ – 142 судебных постановления, из которых по ч. 1 – 95, по ч. 1.1 – 43, ч. 2 – 4; по ч. 1 ст. 18.10 КоАП РФ – 16; по ч. 2 ст. 18.17 КоАП РФ – 3; по ч. 2 ст. 6.9 КоАП РФ – 1; ч. 3 ст. 20.25 КоАП РФ – 1.

Из числа рассмотренных: – оставлено без изменения – 73; – отменено с направлением дела на новое рассмотрение – 7; – отменено с прекращением производства по делу – 43; – изменено – 40.

За пять месяцев 2014 года всего рассмотрено 48 судебных постановлений, из них по ст. 18.8 КоАП РФ – 45 судебных постановления; по ст. 18.10 КоАП РФ – 3. Из числа рассмотренных: – оставлено без изменения – 19; – отменено с направлением дела на новое рассмотрение – 1; – отменено с прекращением производства по делу – 8; – изменено – 20.

Анализ судебной практики по Республике Саха (Якутия) демонстрирует, что большую часть дел об административных правонарушениях, по которым наряду с административным штрафом применяется административное наказание в виде выдворения за пределы РФ, составляют дела по нарушениям установленного порядка режима пребывания, правил въезда иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ (ст. 18.8 КоАП РФ), а также поступление иностранного гражданина или лица без гражданства на работу или заключения им договора на выполнение работы (услуг) при отсутствии надлежащего разрешения, выданного на его имя (ст. 18.10 КоАП РФ).

Как показывает судебная практика, возникают вопросы по поводу определения правильности и полноты оформления материалов дела об административном правонарушении, верной квалификацией действий лица, привлекаемого к административной ответственности. Также при назначении наказания в виде административного выдворения за пределы РФ нередко возникает проблема соблюдения прав человека как по отношению к иностранному гражданину и лицу без гражданства, которое подвергается административному выдворению, так и по отношению к членам их семей.

В этой связи заслуживает внимания позиция Верховного Суда Российской Федерации, изложенная в п. 23.1 Постановления Пленума от 24 марта 2005 г. N 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Суть заключается в том, что при назначении наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации судья должен исходить из действительной необходимости применения к иностранному

гражданину или лицу без гражданства такой меры ответственности, а также из ее соразмерности целям административного наказания, с тем чтобы обеспечить достижение справедливого баланса публичных и частных интересов в рамках производства по делу об административном правонарушении [11].

В заключении можно сделать следующие выводы. Необходимо развивать правовую и институциональную инфраструктуры в целях осуществления административного выдворения за пределы страны; создать единую систему учета обработки и анализа данных по мигрантам, что будет способствовать обеспечению бесперебойному получению текущей статистической информации для объективной оценки ситуации и прогнозирования перспектив ее развития.

Список литературы

1. Баранов В.А., Приженникова А.Н. Особенности регулирования рынка труда иностранных работников: актуальные вопросы // Zbiór artykułów naukowych «Economy. Państwo i Prawo. Dyskusje o współczesnej nauce». Люблин, 30.08.2015-31.08.2015.
2. Баранов В.А., Приженникова А.Н. Трудовая миграция: актуальные вопросы // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки, 2016. – № 4.
3. Бахрах Д.Н. Административная ответственность. Пермь, 1966. 193 с.
4. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 1976. 215 с.
5. Кленов Е.А., Малов В.Г. Материальная ответственность рабочих и служащих на предприятии. М., 1968. 152 с.
6. Козлов Ю.М., Попов Л.Л. Административное право. М.: Юристъ, 2000, 728 с.
7. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М., 1962. 238 с.
8. Новости России и СНГ (официальное издательство)//Rusdni.RU//URL: <http://obschestvo/migraciya/migraciya-v-Rossii-2015.html> (дата обращения 19.03.2017).
9. Обобщение практики рассмотрения Верховным Судом Республики Саха (Якутия) дел об административных правонарушениях, по которым судами было назначено наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации // [Электронный ресурс] URL: <http://files.sudrf.ru> (дата обращения 21.07.2016).
10. Отчет о деятельности Государственной инспекции труда в Ленинградской области в 2015 году // [Электронный ресурс]URL: <http://git47rostrud.ru> (дата обращения 20.07.2016).
11. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005г. N 5//Российская газета, № 80, 19 апреля 2005 г.
12. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ, принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 21 июня 2002 г.: одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 10 июля 2002 г.// Собрание законодательства Российской Федерации, 29 июля 2002 г., № 30, Ст. 3032.
13. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за шесть месяцев 2016 года (утвержден приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 30.06.2016 г. № 141) // Официальный сайт Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации//URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3577>.(дата обращения 18 марта 2017 г.).
14. Серков П.П. Административная ответственность: проблемы и пути совершенствования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 45 с.
15. Сыроватская Л.А. Ответственность по советскому трудовому праву. М., Юрид. лит. 1974. 184 с.

16. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. 456 с.

17. Хаматова С.Х. Административно-правовое регулирование в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 27 с.

18. Цит. по: Кейзеров Д.М. Материальная ответственность работников в условиях рыночной экономики Современной России: некоторые проблемы теории и практики: дисс. ... канд. юрид. наук. Пермский гос. ун-т. Пермь, 2005. 151 с.

19. Я – МИГРАНТ. Информационная поддержка мигрантов // URL: <http://yamigrant.ru/svodka-po-migratsionnoj-situasii-v-rossii-za-2016-god.html>.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ НА КОНТИНЕНТАЛЬНОМ ШЕЛЬФЕ РОССИИ

Битаев А.М.

магистрант 2 курса заочной формы обучения,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, Россия, г. Саратов

В статье рассматриваются вопросы, посвященные аспектам правового регулирования природопользования на континентальном шельфе Российской Федерации, приводится система нормативного правового регулирования и управления в данной области. Осуществление человеческой деятельности на континентальном шельфе должно иметь определенные границы в целях охраны и рационального использования ресурсов континентального шельфа.

Ключевые слова: континентальный шельф, обеспечение экологической безопасности, правовое регулирование природопользования на континентальном шельфе.

Исследование и освоение российского континентального шельфа является стратегическим направлением дальнейшего развития России. Активное использование природных ресурсов, которое ведет к их постепенному истощению, в большинстве случаев вызывает экологические кризисы, которые возникая локально, могут перерасти в кризисы межрегиональные, а иногда и в кризисы глобального значения. Согласно современному российскому законодательству при использовании природных ресурсов континентального шельфа нашего государства, в том числе и при использовании живых ресурсов континентального шельфа должны соблюдаться экологические требования: охрана окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов, не причинение экологического ущерба. Эти требования содержатся в Законе об охране окружающей природной среды, в Законе о территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации, внутренних морских ресурсах.

Сравнительно недавно стали решаться проблемы правового регулирования отношений, появляющихся при добыче полезных ископаемых, в равной степени как и разработки нормативно-правовых актов о соблюдении экологической безопасности при осуществлении разработки природных ресурсов континентального шельфа Российской Федерации. На сегодняшний

день не накоплен достаточный опыт для успешной реализации норм законодательства о континентальном шельфе РФ, в нормативно-правовом регулировании данной области общественных отношений имеются определенные пробелы.

Следует согласиться с мнением А.С. Алихаджиевой о том, что «Россия, большая часть территории которой по-прежнему остается резервом устойчивости биосферы, будет продолжать играть ведущую роль в международном процессе по решению глобальных экологических проблем, а проводимая руководством страны политика экоустойчивости должна содействовать привлечению иностранных вложений в экологоориентированные проекты» [1, с. 7].

Наша страна обладает значительными правами на континентальном шельфе. А именно, она осуществляет: суверенные права в целях разведки и разработки континентального шельфа и его минеральных и живых ресурсов, обладает правом разрешать и регулировать буровые работы на континентальном шельфе для любых целей, а также разрешать и регулировать создание, эксплуатацию и использование установок и сооружений. Российская Федерация осуществляет юрисдикцию над такими искусственными островами, установками и сооружениями, в том числе юрисдикцию в отношении таможенных, фискальных, санитарных и иммиграционных законов и правил, а также законов и правил, касающихся безопасности.

В Российской Федерации основными нормативно-правовыми актами, регулирующими обозначенную сферу отношений, являются Федеральный закон «О континентальном шельфе Российской Федерации» [2], закон «О недрах» [3], а также Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» [4] и ряд других подзаконных нормативных актов. Специфика правового регулирования экологических отношений в России заключается в повышенном влиянии международного права на формирование внутригосударственного законодательства, в определяющем значении международного права окружающей среды для экологического законодательства России. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы [5].

В Законе РФ "О континентальном шельфе Российской Федерации" указывается, что нарушение пределов компетенции и установленного порядка управления в сфере использования минеральных и живых ресурсов континентального шельфа влечет за собой административную ответственность должностных лиц федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Таким образом, законодательство о континентальном шельфе является самой молодой отраслью законодательства (регулирующей отношения недропользования), при этом весьма активно развивающейся, а учитывая относительно малую изученность недр континентального шельфа и их предполагаемый потенциал, правовое регулирование отношений по добыче углево-

дородного сырья на континентальном шельфе в обозримом будущем будет оказывать весьма серьезное влияние на социально-экономическое положение государства. Стоит обратить внимание на богатейший опыт экологического законодательства и правоприменения норм о безопасности работ на континентальном шельфе таких стран, как США, Норвегия, Канада. Необходимо изучать и в дальнейшем грамотно использовать этот опыт для успешного сотрудничества России с зарубежными странами для обеспечения экологической безопасности работ на континентальном шельфе, развития и совершенствования законодательства об экологической безопасности аналогичных работ в Российской Федерации.

Список литературы

1. Алихаджиева А.С. Экологическая политика Российского государства (Перспективы развития) // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке. Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции курсантов и слушателей вузов МВД России, студентов гуманитарных вузов, адъюнктов, аспирантов и соискателей: в 2 частях. 2015. С. 5-9.
2. О континентальном шельфе Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1995 N 187-ФЗ // СЗ РФ, 04.12.1995, N 49, ст. 4694.
3. О недрах: Федеральный закон РФ от 21.02.1992 N 2395-1 (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ, 06.03.1995, N 52, ст. 823.
4. О промышленной безопасности опасных производственных объектов: Федеральный закон от 21.07.1997 N 116-ФЗ // СЗ РФ, 28.07.1997, N 30, ст. 3588.
5. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (ред. от 21.07.2014) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

О ПРОБЛЕМЕ ПОНЯТИЯ ОБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Бодаевский В.П.

доцент кафедры уголовного права, канд. юрид. наук,
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия,
Россия, г. Симферополь

Кадыкова В.Н.

магистрант, Крымский филиал Российского государственного
университета правосудия, Россия, г. Симферополь

В статье исследуются понятия родового, видового и непосредственного объектов преступлений против собственности. Проведен анализ юридического значения словосочетаний «преступления в сфере экономики» и «преступления против собственности», а также рассматриваются актуальные аспекты его влияния на квалификацию этих преступлений. Предлагаются пути совершенствования уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за преступления против собственности.

Ключевые слова: преступления против собственности, преступления в сфере экономики, родовой объект состава преступления, видовой объект состава преступления, непосредственный объект состава преступления, общественные отношения.

В российском уголовном законодательстве фактически традиционной стала позиция законодателя относительно того, что преступления, предусмотренные главой 21 «Преступления против собственности» УК РФ, посягают на собственность, как видовой и непосредственный объекты этих преступлений [9, с. 399-400]. Данная глава включена в раздел VIII, под названием «Преступления в сфере экономики» [12], поэтому их родовым объектом является сфера экономики. То есть, с точки зрения законодателя, категории «сфера экономики» и «собственность» соотносятся между собой, как целое и его элемент.

Надо отметить, что указанные термины не раскрываются ни уголовным, ни другими отраслями законодательства РФ, что значительно усложняет определение объектов данных преступлений.

Смысловое значение словосочетания «сфера экономики» определено на теоретическом уровне экономическими науками. Как указывают В. Коноплицкий и А. Филина, под данной сферой понимается хозяйственная деятельность общества, связанная с производством материальных благ, их распределением, обменом и потреблением [5]. С позиции права, на что обратил внимание В.В. Лаптев, хозяйственная деятельность представляет собой общественные отношения по производству продукции, осуществлению работ и оказанию услуг. В условиях рыночной экономики эта деятельность, как правило, направлена на получение прибыли и становится предпринимательской. Порядок ее осуществления и организации определяется предпринимательским (хозяйственным) правом [7, с. 5; 17]. Согласно ч. 1 ст. 2 ГК РФ, под предпринимательской деятельностью понимается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными, как предприниматели [2].

Из приведенных определений следует, что общественные отношения, представляющие собой родовой объект преступлений, предусмотренных разделом VIII УК РФ, по своей сути являются предпринимательскими (хозяйственными), а их основными субъектами, соответственно, должны быть лица, осуществляющие такую деятельность. Они, выступая в роли потерпевших от преступлений в сфере экономики, образуют, так называемый, факультативный признак родового объекта указанных преступлений. Для последних, данный признак является обязательным, поскольку его отсутствие предпринимательские (хозяйственные) отношения не возникают, а значит, отсутствует и родовой объект этих преступлений. Поэтому, на наш взгляд, включение в раздел VIII УК РФ главы 21 недопустимо сужает охрану собственности до общественных отношений, в которых обязательными участниками являются исключительно субъекты предпринимательской (хозяйственной) деятельности. В этом случае, без охраны уголовного закона необоснованно остаются общественные отношения, субъектами которых являются лица, не осуществляющие предпринимательскую (хозяйственную) деятельность.

Как и категория «сфера экономики» понятие «собственность» имеет в российском гражданском праве близкий по смыслу аналог, обозначаемый термином «право собственности». Гражданский кодекс РФ в ч. 1 ст. 209 определяет его содержание: «Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом». Перечень форм собственности определяется ч. 2 ст. 8 Конституции РФ [1].

Для того чтобы понять сходство и различие категорий «собственность» и «право собственности», рассмотрим их смысловое содержание.

В научной литературе эти термины встречаются довольно часто. Общепризнанным является мнение о том, что они тесно связаны друг с другом, но представляют собой разные категории. Понятие «собственность», так же как и «сфера экономики» является экономической категорией. В наиболее обобщенной форме «собственность» в литературе определяется как отношения между людьми по поводу присвоения материальных благ и установления власти над ними, принадлежности их конкретному лицу, со всеми возможными правами и полномочиями [3, с. 258-262]. С помощью же юридического понятия «право собственности» утверждаются господство собственника над принадлежащими ему вещами, его полномочия по владению, пользованию и распоряжению ими. В науке гражданского права выделяют право собственности в объективном и субъективном понимании. Право собственности в объективном смысле – это совокупность правовых норм, которые регулируют отношения права собственности в обществе. Право собственности в субъективном значении составляют его правомочности, перечисленные выше. Субъективное право носит абсолютный характер [3, с. 258-262]. Это означает, что собственнику противостоит неограниченное и непосредственно неопределенное количество лиц, которым запрещается нарушать такое субъективное право и создавать препятствия для его осуществления. Данная юридическая категория выражает статику отношений права собственности, то есть состояние принадлежности материальных благ индивидам [3, с. 258-265]. В свою очередь, экономическая категория «собственность» шире по своему содержанию юридической категории «право собственности». Это означает, что содержание первого понятия, в отличие от второго, как указывалось, не ограничивается конкретным кругом полномочий относительно имущества.

По-нашему мнению, использование в уголовном праве экономических терминов для обозначения объектов состава преступлений противоречит основам уголовного права, запрещающим применять положения, которые прямо не предусмотрены законодательством, следовательно, для установления содержания уголовного закона правовое значение должны иметь только юридические категории, в данном случае, – «право собственности».

Вместе с тем, применение этой правовой категории (прежде всего, в субъективном ее значении) для отображения видового и непосредственного объектов преступлений, предусмотренных главою 21 УК РФ, также влечет за собой неоправданное ограничение охраны уголовным законом обще-

ственных отношений, вытекающих из других вещных прав. К таким правам, в частности, относятся: право пожизненного наследуемого владения земельным участком; право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком; права хозяйственного ведения и оперативного управления имуществом, а также сервитутное право (ст. 216 ГК РФ).

Видимо стремясь выйти из создавшейся тупиковой ситуации, законодатель ввел в понятие хищения, которое образуют ряд преступлений против собственности, такой его признак, как: «причинение ущерба собственнику или иному владельцу этого имущества» (п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ). В нем заложена ссылка на общественные отношения по осуществлению права владения.

Вместе с тем, для преступлений против собственности не образующих хищения эта задача так и осталась не решенной.

Кроме того, законодателю необходимо определиться и с проблемой того, что необходимо понимать под объектом состава преступления, – общественные отношения, блага, интересы или чье-либо право и т.д. В данном случае, трудно не согласиться с теми учеными (в частности, с Г.Н. Борзенковым и А.И. Чучаевым), которые отстаивают концепцию о том, что нельзя считать видовым и непосредственным объектом преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ, субъективное право собственности, индивидуальный имущественный интерес и т.д. «... С точки зрения теории уголовного права объектом преступления не может быть право ни в объективном, ни в субъективном смысле. Такая роль отводится только общественным отношениям. Право собственности не прекращается в результате хищения вещи, которую собственник может истребовать из чужого незаконного владения и даже от добросовестного приобретателя. На практике признание индивидуального имущественного интереса объектом преступления приводит «в тупик», поскольку не позволяет считать преступлением против собственности некоторые ситуации, когда этот интерес либо вообще не страдает, либо не подлежит правовой защите» [6, с. 239-240; 11, с. 84-85]. Иными словами, сказанное означает, что в результате совершения преступления, скажем хищения, вред причиняется не праву собственности, а общественным отношениям, основанным на нем.

Как представляется, чтобы понять пути преодоления указанных противоречий в определении видового и непосредственных объектов преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ, необходимо обратиться к сути составляющих их общественных отношений. По этому поводу, выражая общепризнанную в отечественной теории уголовного права позицию, Ф.Р. Сундуров отметил, что все общественные отношения в зависимости от особенностей их предмета необходимо делить на две группы – материальные (в основе которых лежат ценности в виде вещей, денег, социальных благ, социально полезной деятельности) и не материальные (честь и достоинство личности, авторитет государственной власти и др.). По его мнению: «В основе ... любого общественного отношения лежат те или иные ценности, выступающие в

качестве материальной или иной предпосылки их возникновения и развития [8, с. 200-201]. Из этого утверждения следует вывод, что общественные отношения на которые посягают преступления, предусмотренные главой 21 УК РФ, складываются по поводу присвоения и обращения материальных (точнее – имущественных, т.е. оцениваемых деньгами) благ [4, с. 571]. В современной терминологии гражданского права указанные отношения называются вещными, поскольку определяющим критерием отнесения их к данной категории отношений является, как указывает Н.А. Лопашенко, фактическая и юридическая присвоенность вещей [10, с. 92]. Наряду с другими элементами данных общественных отношений присвоенность позволяет отграничивать их от смежных материальных отношений, например, от предпринимательских (хозяйственных), экологических и т.д. На основании изложенного, мы можем утверждать, что и преступления, которые посягают на указанные общественные отношения, также являются вещными (имущественными).

Следует отметить, что под таким названием данные преступления были предусмотрены в ранее действующих актах уголовного законодательства: Руководящих началах по уголовному праву РСФСР от 12.12.1919 г.; УК РСФСР от 01.06.1922 г.; Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 31.10.1924 г.; УК РСФСР от 22.11.1926 г. и т.д. Все они включали соответствующую главу под названием «Имущественные преступления».

Таким образом, подводя итоги изложенному, мы можем констатировать, что проблема определения объектов преступлений, предусмотренных главой 21 «Преступления против собственности» УК РФ, до сих пор остается открытой и требует тщательного исследования.

В качестве предмета научной дискуссии, с целью устранения перечисленных противоречий, нами выносятся на всеобщее обсуждение предложение признать вещные (имущественные) общественные отношения родовым объектом этих преступлений. В связи с чем, также предлагается выделить данные преступления в отдельный раздел уголовного закона под названием «Вещные преступления».

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г., по состоянию на 27 мая 2016 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. М.: Проспект, КноРус. 2014. 640 с.
3. Гражданское право. Учебник. Т. 1 / Под ред. Е.А. Суанова. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Изд-во «Волтерс Клувер», 2004. 720 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков [и др.]; под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. 792 с.
5. Коноплицкий В., Филина А. Это – бизнес. Толковый словарь экономических терминов / В. Коноплицкий, А. Филина. М.: изд-во «Альтерпресс». 1996 Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/biznes-15>.
6. Курс уголовного права. Том 3. Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. 468 с.

7. Предпринимательское (хозяйственное) право: учебник / [Вознесенская Н.Н. и др.]; под ред. В.В. Лаптева, С.С. Занковского. М.: Волтерс Клувер, 2006. 548 с.
8. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2009. 751 с.
9. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части / Под ред. проф. А.И. Чучаева. М.: КОН ТРАКТ: ИНФРА-М, 2013. 704 с.
10. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М.: ИНФРА-М, 2013. 516 с.
11. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / Под ред. А.И. Чучаева. 2-е изд. перераб и доп. М.: Проспект, 2015. 456 с.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ, в редакции от 6 июля 2016 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

К ВОПРОСУ О ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ И НАКАЗАНИЯХ ЗА НИХ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНУ

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук, доцент,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

Горнов А.И.

студент Института права и национальной безопасности,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

В статье проанализированы виды юридической ответственности за земельные нарушения, сделан акцент на регулировании таких нарушений уголовным законодательством.

Ключевые слова: земельные правонарушения, юридическая ответственность, справедливость, земельные правоотношения, уголовная ответственность за нарушение земельного законодательства.

На сегодняшний день количество правонарушений в области российского земельного законодательства увеличивается. Действующим законодательством Российской Федерации предусмотрены все виды юридической ответственности за нарушения в вышеуказанной области, а именно такие виды ответственности, как уголовная, административная, материальная, дисциплинарная, земельно-правовая (специальная).

Статья 9 действующей Конституции РФ 1993 г. регулирует вопрос об охране земель: «Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». Охрана земли и её разумное и рациональное использование является основообразующей задачей правового регулирования земельных правоотношений, так как Конституция РФ обладает высшей юридической силой и верховенством на всей территории России. (ст. 4 Конституции РФ) [1].

Одним из способов правовой охраны земли является уголовная ответственность. Субъектами уголовной ответственности могут являться лишь физические лица, которые в уголовном праве разделены на должностных лиц и граждан. Только в судебном порядке возможна реализация уголовной ответственности в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Такой вид ответственности применяется лишь тогда, когда нарушение земельного законодательства несёт признаки состава преступления.

Земельным преступлением признаётся виновно совершаемое, общественно опасное деяние, которое запрещено уголовным законодательством под угрозой наказания.

Совершение земельных преступлений может повлечь за собой применение таких наказаний, как штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы, ограничение свободы, обязательные работы, лишение свободы [4, с. 55].

Уголовный кодекс Российской Федерации регулирует преступления, которые связаны с земельными либо экологическими правоотношениями, за которые, безусловно, предусмотрена соответствующая санкция. К таким преступлениям относят: нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ (статья 246 Уголовного кодекса Российской Федерации), нарушения правил обращения экологически опасных веществ и отходов (статья 247 Уголовного кодекса Российской Федерации), загрязнение вод (статья 249 Уголовного кодекса Российской Федерации) и другие виды [2].

На практике наступление уголовной ответственности за земельные преступления встречается довольно редко. В общем, экологические преступления не считают общественно опасными, поэтому к ним относятся довольно скептически. В основном, при загрязнении земель чаще всего применяется гражданско-правовая, либо административно-правовая ответственность. Обнаружение и выявление земельных преступлений осуществляется довольно-таки трудно, что влечёт за собой случаи ухода наказания лиц, их совершающих и чувства у них безнаказанности за подобные действия. На наш взгляд, подобные случаи воздействуют на общественное сознание, а именно плане того, что у граждан будет отсутствовать ощущение защищённости законом и наличием справедливости. Поэтому вполне объясним общественный интерес к правотворчеству, позволяющему создать правовые акты. Любое государство исходит из того, что всякий нормативно-правовой акт должен быть воплощением справедливости. Поэтому проблема обеспечения справедливости правовых норм приобрела широкое социальное значение [3, с. 15].

В заключение, отметим, что меры юридической ответственности имеют высокое значение в сфере земельных и экологических правоотношений. Применение таких мер позволяет уменьшить количество нарушений в области в области земельного законодательства. Однако, нельзя не отметить, что зачастую земельные и иные экологические преступления доказать достаточно трудно, что влечёт за собой негативное воздействие на общество, снижение уровня справедливости, законности и правопорядка.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 25.03.2017 г.) Ст. 4, 9.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.05.2016) Ст. 170, 246, 247, 249. Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.03.2017 г.).
3. Булгаков В. В. Концепция справедливости в праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2001. 170 с.
4. Булгаков В.В., Силяева Т.Ю. Уголовная ответственность за нарушение земельного законодательства // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 5-5. С. 54-56.

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ
ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ 1906-1907 гг.*****Булгаков В.В.***

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук, доцент,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

Корчагина О.В.

студентка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

В данной статье рассматривается история развития земельного права в России в периоде 1906-1907 года. Вопрос о земле всегда был актуален для России. Земля всегда была одним из основных источников благосостояния страны. Землей владели широкие социальные слои населения вплоть до времен Петра Первого. Основой земельных отношений всегда было и являлось рациональное использование земли, а также её охрана и бережное отношение.

Ключевые слова: реформа, земля, режим, субъекты, хозяйство.

Одно из главных юридических оформлений земельного права считается 1861 год, когда крестьяне освободились от крепостной зависимости. В результате этого исторического события произошли большие изменения в земельно- правовом строе. Это была первая в нашей стране земельная реформа, которая положила дальнейшее развитие земельного права России. Вторым этапом развития земельного права стала реформа П. А. Столыпина (1906 – 1914). Главная суть этой реформы была – отмена выкупных платежей за наделные земли и провозглашение для крестьян – членов общины права свободного выхода из нее с закреплением в собственность участка из мирского надела со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями, а именно правом продавать эту землю и сдавать ее в аренду. Благодаря Столыпинской реформе в Российской империи окончательно сложился земельный правопорядок, который затем существовал до 1917 года.

По правовому режиму земельный фонд России того периода включал в себя:

1. Государственные земли
2. Частновладельческие земли
3. Монастырские земли
4. Посессионные земли
5. Общественные земли
6. Майоратские земли

К государственным землям относились земли, которые не принадлежали никому в собственности, в том числе реки, леса, озера, морские берега и т.д. Частновладельческие земли принадлежали дворянам – помещикам до Столыпинской реформы, но после Указа 9 ноября 1906г. субъектом права собственности на надельную землю был признан и крестьянин. Крестьянам было предоставлено право закладывать Крестьянскому банку не только принадлежащие им, но и приобретенные ими от поселенцев надельные земли. Продажа частновладельческой земли в 1906 году было усилено, но не достигла максимума в ряду предшествующих лет. Многие крупные землевладельцы хотели ликвидировать хозяйство. Это было известно из отчетов Крестьянского банка. Развитие церковного и особенно монастырского землевладения в России происходило достаточно болезненно в социальном плане, не вызывая серьезных протестов со стороны крестьянства. Православному духовенству отводились лучшие земли в увеличенном размере. Субъектами права собственности посессионных земель были владельцы посессионных заводов. К имуществам городов и городских обществ, принадлежали: городские земли, мельницы и другие угодья, как внутри города, так и вне города, отведенные городам выгоны и городские доходы. Земли и другие угодья, принадлежащие майоратским именьям, составляют собственность владельца. Владелец имеет право передавать принадлежащие ему именья, наследникам по мужской линии.

В этом периоде все владения делились на:

1. Законные
2. Незаконные
3. Добросовестные
4. Недобросовестные

Владение считалось законным, когда имущество приобретено способами, в законах дозволенными. Владения незаконные могут быть подложными, насильственными и самовольными. Подложным владением считалось, если оно было составлено владельцем обманным путем. Насильственное владение признается, когда оно было отнято, захвачено или соединено какими либо насильственными способами. Самовольное владение, когда кто-то хотя и без насилия, но вопреки закону, владеет или пользуется чужим имуществом.

Проводимые Правительством Столыпина преобразований вызвали подъем развития всего народного хозяйства. Возросла урожайность в стране, хлебный вывоз увеличился почти вдвое. Воздействие этой реформы на обще-

ственную жизнь превзошло ожидания. Такого взлета сельское хозяйство страны не знало ни до, ни после реформы. В 1911 году реформатор был убит, после его смерти реформа продолжалась до начала мировой войны.

Список литературы

1. Жаворонкова Н.Г., Краснова И.О. Земельное право : учебник для бакалавров / Н.Г. Жаворонкова., И.О. Краснова. – М.: Издательство Юрайт, 2004. – 580 с.
2. Свод Законов Российской Империи Том X.
3. Сухова Е.А. Земельное право: Курс лекций / Е. А. Сухова – М.: Экзамен, 2006. – 252 с.
4. Казарезов В.В. О Петре Аркадьевиче Столыпине / В.В. Казарезов – М.: Агропромиздат, 1991 г.

ПРИНЦИП ОХРАНЫ ЗЕМЛИ В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук, доцент,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

Маркова О.В.

студентка Института права и национальной безопасности,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

В статье рассматриваются система принципов земельного права и место принципа охраны земли в данной системе. Приоритет охраны земли, закрепленный в ЗК РФ, отражает первостепенную роль экологических интересов в регулировании земельных отношений.

Ключевые слова: принципы земельного права, система принципов земельного права, принцип охраны земли, приоритет охраны земли.

Понятие принципа имеет римское происхождение: термин «*principium*», или «принцип», переводится с латинского языка как закон, основа, первоначало [6, с. 4]. Данное значение наиболее соответствует понятию «принципы права».

Под принципами права понимается его руководящие положения, основные и важнейшие начала, выражающие объективные закономерности и потребности общества и имеющие в случае их правового закрепления обязательное значение. Особенность принципов права в том, что в них содержится огромный идейный потенциал, который направлен на обеспечение соответствия правовых норм и практики их применения потребностям общественного развития. [1, с. 89]. Принципы права служат ориентиром правотворческой и правоприменительной деятельности государственных органов. Их соблюдение обеспечивает нормальное и единообразное развитие и функционирование правовой системы [1, с. 3].

Относительно земельного права, под его принципами современная наука понимает основополагающие начала, на которых базируется правовое регулирование земельных отношений.

Система принципов земельного права обеспечивает целостность принципов в земельном праве, их взаимосвязанность при регулировании земельных отношений, позволяет осуществить правильное применение как норм земельного права, так и норм смежного законодательства [4, с. 96].

Принципы земельного законодательства, содержащие положения об охране земель и закрепленные в ст. 1 ЗК РФ, составляют систему взаимосвязанных принципов, среди которых центральное место занимает принцип приоритета охраны земли как важнейшего компонента окружающей среды и средства производства в сельском и лесном хозяйстве перед использованием земли в качестве недвижимого имущества, при котором владение, пользование и распоряжение землей осуществляется собственниками свободно, если это не наносит ущерб окружающей среде [2].

Провозглашая как принцип земельного законодательства приоритет охраны земли, законодатель подчеркивает важность охраны земли над её использованием, указывая на необходимое ограничение хозяйственной свободы собственников земельных участков в целях охраны окружающей среды. Это означает, что каждый обладатель земли (собственник, землепользователь, землевладелец, арендатор), организуя свою хозяйственную деятельность на земле, должен прежде всего предусмотреть конкретные эффективные меры по её охране. Эти меры могут быть разными, так как они устанавливаются в соответствии с особенностями категорий земель и той или иной хозяйственной деятельности, находя отражение в соответствующих статьях ЗК РФ [4, с. 79].

Стоит также отметить, что принцип приоритета охраны земли по своей сути является комплексным принципом. Он охватывает остальные принципы, является их основой. Так, следующий принцип земельного права предусматривает учет значения земли как основы жизни и деятельности человека, согласно которому регулирование земельных отношений исходит из представлений о земле как о природном объекте, природном ресурсе, охраняемом в качестве важнейшей части природы и используемом в осуществлении хозяйственной деятельности, также в качестве объекта недвижимости, объекта права собственности и иных вещных прав.

Таким образом, приоритет охраны земли является одним из важнейших принципов российского земельного права и представляет собой совокупность положений ряда принципов земельного права, которые направлены на сохранение земли как основы жизни и хозяйственной деятельности человека, на обеспечение сохранения земли как природного объекта, на сохранение особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий.

Список литературы

1. Булгаков В.В. Концепция справедливости в праве: дис. ... к.ю.н. Тамбов, 2001. 169 с.

2. Земельный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 25.10.2001. №136-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // «Российская газета» от 30 октября 2001 г. № 211-212.

3. Тютюник А. С. Принцип охраны земли как комплексный принцип земельного права // Юридическая наука. 2016. №2. С. 79-87.

4. Тютюник А.С. Система принципов земельного права в современных условиях // Юридическая наука. 2014. №3. С. 91-96.

5. Земельное право: учебник / В.Х. Улюкаев, В.Э. Чуркин, В.В. Нахратов и др. М.: Частное право, 2010. 344 с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА СВИДЕТЕЛЯ

Галуцких В.Д.

студентка 3 курса Юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, г. Белгород

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права и процесса НИУ «БелГУ», к.ю.н. Лукьянчикова Е.Ф.

В данной статье рассматриваются некоторые проблемы процессуального статуса свидетеля как одной из ключевых фигур уголовного процесса. В частности, акцент делается на перечне тех лиц, которые не могут быть по различным основаниям допрошены в качестве свидетелей и высказываются мысли относительно расширения этого списка, закрепленного в ч. 3 ст. 56 УПК РФ.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, свидетель.

Следует начать с того, что согласно ст. 56 УПК РФ свидетелем является «лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний» [1]. Отметим, что несмотря на кажущуюся простоту толкования данной категории лиц-участников уголовного процесса, их процессуальный статус имеет некоторые особенности. В частности, основные дискуссии вызывает вопрос о субъектах, которые могут быть допрошены в качестве свидетелей. Несмотря на то, что исчерпывающий перечень имеется в уголовно-процессуальном законе, он вызывает определенные споры.

Так, согласно ч. 3 ст. 56 УПК РФ не подлежат допросу в качестве свидетелей: судья, присяжный заседатель, адвокат, защитник подозреваемого или обвиняемого, священнослужитель, член Совета Федерации, депутат Государственной Думы, должностное лицо налогового органа, арбитр (третейский судья). Однако стоит ли рассматривать данный перечень в качестве исчерпывающего? Мы полагаем, что нет. Например, под вопрос можно поставить недопустимость допроса в качестве свидетеля помощника или стажера адвоката, а также сотрудников адвокатских образований. Так как данные лица в ст. 56 УПК РФ отсутствуют, то исходя из логики закона, они могут быть

допрошены в качестве свидетелей по обстоятельствам, ставшим им известными в процессе осуществления своей деятельности. При этом нельзя не учитывать и ст. 27,28 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» в соответствии с которыми на указанных лиц распространяется обязанность хранения адвокатской тайны [2]. Таким образом, на лицо явная коллизия правовых норм, которая не нашла своего единого разрешения. В частности, Конституционный Суд РФ в Постановлении №13-П от 29 июня 2004 указал, что приоритетом обладает тот закон, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений. То есть в данном случае, исходя из логики данного Постановления, приоритетным будет ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре».

С другой стороны, ст. 7 УПК РФ провозглашает приоритет УПК РФ над всеми федеральными законами по вопросам, связанным с уголовным судопроизводством. Следовательно, вне зависимости от того, какие иммунитеты предоставляются адвокату или его помощнику (стажеру, сотруднику адвокатского образования и пр.), приоритетными являются нормы УПК РФ [5, с. 46]. Таким образом, стажеры, помощники и иные лица, не являющиеся адвокатами или защитниками, могут быть допрошены в качестве свидетелей в случае необходимости.

На наш взгляд, это недопустимо, так как передача следователю и дознавателю права допроса указанных категорий лиц является узурпацией следственной власти. Кроме того, это прямое нарушение адвокатской тайны, что неизменно влечет за собой ущемление прав и свобод иных участников уголовно процесса, и в первую очередь подозреваемого и обвиняемого.

Кроме того, мы считаем, что данный перечень нуждается в более существенном разрешении по аналогии с законодательством стран ближнего зарубежья. Например, если мы обратимся к УПК Республики Молдова, то обнаружим, что не могут быть допрошены в качестве свидетелей:

1. Лица, которые в силу наличия физических или психических недостатков не способны правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение по делу;
2. Защитники, сотрудники адвокатских бюро;
3. Лица, участвующие в качестве представителей сторон;
4. Судья, прокурор, представитель органа уголовного преследования, секретарь судебного заседания;
5. Журналист (если необходимо выяснить информацию о лице, представившем ему сведения в условиях анонимности);
6. Священнослужители (тайна исповеди);
7. Семейный врач и другие лица, которые осуществляли уход за больным [4, с. 35].

Не менее интересной представляется позиция законодателя ФРГ. Так, немецкий УПК достаточно подробно детализирует перечень лиц, не подлежащих допросу в качестве свидетелей в зависимости от их групповой принадлежности. Например, по личным основаниям к таким субъектам относят-

ся не только супруги обвиняемого или подозреваемого, но также и жених, невеста, бывшие супруги. По профессиональным основаниям помимо ранее указанных не могут быть допрошены в качестве свидетелей нотариусы, ревизоры по экономическим вопросам [3, с. 4].

Мы считаем, что отечественному необходимо брать «на вооружение» опыт иностранного законодателя, вследствие чего мы предлагаем включить в перечень ч. 3 ст. 56 УПК РФ следующих субъектов: помощников адвокатов и защитников, стажеров и сотрудников адвокатских образований, журналистов и семейных врачей. Кроме того, мы считаем необходимым включить в перечень бывших супругов и обрученных с обвиняемым или подозреваемым, так как несмотря на отсутствие юридического основания рассматривать их в качестве супругов, между ними могут сохраняться социальные связи, которые необходимо учитывать суду. В противном случае, указанные лица могут дать намеренно ложные показания.

Резюмируя вышеизложенное, мы полагаем, что данные преобразования в большей степени помогут гарантировать право гражданина на неприкосновенность частной жизни, и, соответственно, в большей степени защитить его права в процессе производства по делу. Кроме того, это позволит сделать порядок допроса свидетелей более эффективным и практически искоренить узурпацию власти сотрудниками правоохранительных органов.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.12.2016) // Российская газета. – 2001, 22 декабря.
2. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 02.06.2016) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Парламентская газета. – 2002, 5 июня.
3. Арабули Д.Т. Свидетель в уголовном процессе // Юрист. 2011. № 3. С. 2-13.
4. Гарисов С.М. К вопросу о статусе свидетеля в уголовном судопроизводстве // Бизнес в законе. 2014. № 3. С. 32-37.
5. Новиков С.А. Институт показаний свидетеля в уголовном процессе // Евразийская адвокатура. 2013. № 7. С. 45-51.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ УГОЛОВНО НАКАЗУЕМЫХ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ ПРАВОМ

Гордейчик С.А.

судья, кандидат юридических наук,
Волгоградский областной суд, Россия, г. Волгоград

Статья посвящена специальному субъекту уголовно наказуемых злоупотреблений правом. Автор приходит к выводу, что не все лица, осуществляющие управленческие функции, злоупотребляющие своими полномочиями, могут быть привлечены к уголовной ответственности. Высказываются предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: должностное лицо, лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, фактический и номинальный руководитель.

Понятие злоупотребления правом раскрывается в ст. 10 ГК РФ как осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Злоупотребление правом также выражается в совершении действий в обход закона с противоправной целью,

Отдельные виды злоупотреблений криминализированы в рамках ст. 201, 285 УК. Данные преступления могут быть совершены специальным субъектом – должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации. Однако в теории и на практике возникает ряд проблем при оценке содеянного указанными лицами.

Ранее существовало единое понятие должностного лица для всех субъектов злоупотреблений [10, с. 6; 29, с. 34; 13, с. 41-42; 11, с. 32; 23, с. 37; 19, с. 5-8; 14, с. 10-11]. По словам Б.В. Волженкина, закреплённое в примечании к ст. 170 УК РСФСР определение должностного лица отражало произошедшее «огосударствление» всех предприятий, учреждений и организаций (за исключением религиозных объединений), которые были либо государственными, либо общественными [6, с. 45]. В 90-е годы XX в. ситуация изменилась, что привело к изменениям в законодательстве.

Понятия должностного лица и лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, закреплены в примечании соответственно к ст. 285 УК и ст. 201 УК. Сравнивая их, легко заметить сходство в трактовке организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций. В связи с этим В.Е. Мельникова, С.М. Астанкина, С.В. Максимов предлагали распространить понятия должностного лица на представителей управленческого персонала негосударственных организаций [15, с. 130; 2, с. 36].

По мысли А.В. Шнитенкова, сущность организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций не меняется в зависимости от того, в какой организации (например, в коммерческой или государственном учреждении) они исполняются [27, с. 82-83]. В связи с этим он считает целесообразным сформулировать единое понятие должностного лица [26, с. 102-103].

Более того, А.В. Шнитенков полагает необходимым предусмотреть в УК России единую главу о преступлениях против интересов службы, отказавшись, таким образом, от различной уголовно-правовой оценки деяний лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, и должностных лиц [28, с. 39].

Напротив, Р.Ф. Асанов и С.В. Изосимов считают, что указанные функции с учётом положения выполняющих их лиц нельзя рассматривать по аналогии [1, с. 38-39]. По справедливому замечанию И.А. Клепицкого, «участника современных хозяйственных отношений нельзя рассматривать в качестве чиновника. Такой подход, нашедший выражение в советской доктрине «хозяйственно-должностных преступлений», совершенно неприемлем в

условиях рыночной экономики, движущей силой которого является не властное распоряжение государства, а частный интерес» [12, с. 83-84].

Последовательным сторонником разграничения ответственности должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, выступал Б.В. Волженкин, который считал, что «злоупотребления должностных лиц посягают на интересы службы, нарушают нормальную деятельность государственных аппаратов законодательной, исполнительной и судебной власти, подрывают их авторитет, в то время как ничего подобного не происходит при злоупотреблении служащих коммерческих и иных организаций» [6, с. 53-54].

Полагаем, что следует согласиться с точкой зрения Б.В. Волженкина, поскольку должностное лицо и лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, совершая злоупотребления, посягают на разные объекты уголовно-правовой охраны, а потому не имеется достаточных правовых оснований для выработки единого понятия субъекта для должностных преступлений и преступлений управленческого персонала коммерческих или иных организаций.

Теоретически обоснованные различия в вопросах уголовной ответственности должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, на практике иногда ведут к непоследовательности в квалификации действий виновных лиц.

Традиционная трактовка понятия должностного лица вызвала критику в юридической литературе. По мнению С.М. Будатарова, «термин «функции» был удачной находкой советской судебной-следственной практики 1935-1940-х гг., позволившей выделить руководителей предприятий, учреждений и организаций из общего числа служащих, которые подвергались наказанию по УК РФ 1926 г. Очевидно, что советский уголовный закон считал субъектами должностных преступлений руководителей всех социалистических организаций независимо от того, кем и чем они управляли. Данный подход был обусловлен тем, что объектом должностных преступлений являлись не только отношения в сфере управления советским обществом, но и отношения по управлению социалистическим имуществом. Вряд ли такой подход можно признать уместным в современных общественных отношениях. Государство отказалось от тотального контроля над материальными ресурсами; многие сферы жизнедеятельности общества управляются частными лицами или частными организациями. Из этого следует, что законодателю необходимо четче проводить грань между имущественными и должностными преступлениями» [3].

С.М. Будатаров настаивает на том, что функции как признак субъекта должностных преступлений размывают границы применения уголовно-правовых норм об ответственности за должностные преступления, являются причиной путаницы, возникающей при отграничении должностных преступлений от имущественных преступлений. Автор приходит к выводу о том, что субъект должностных преступлений – это лицо, наделенное властью и упол-

номоченное в установленном законом порядке совершать действия и принимать решения в интересах российского общества [3].

Такая позиция заслуживает поддержки. В настоящее время управленцы муниципальных и унитарных предприятий, а также государственных и муниципальных учреждений считаются должностными лицами, что вряд ли оправданно. Деятельность далеко не всех предприятий и учреждений связано с выполнением государственных и муниципальных функций (управляющие компании жилищно-коммунального хозяйства, детские дошкольные учреждения, школы, вузы, театры, музеи и т.д.) В этой связи представляется целесообразным относить управленцев указанных предприятий и учреждений к лицам, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Далеко не все управленцы в коммерческих или иных организациях могут быть привлечены к уголовной ответственности за злоупотребления. Следует согласиться с Э. Скрыбиным о том, что «лица, работающие у индивидуального предпринимателя по трудовому договору, могут выполнять отдельные управленческие функции, но, строго следуя букве закона, уголовную ответственность по ст. 201 УК РФ они нести не могут» [20, с. 33-35].

Злоупотреблять также могут не только лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, (руководитель и иные служащие организации), но и управленцы, которые не могут быть отнесены к названным лицам (акционеры, учредители и иные участники юридического лица). Данные лица не могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 201 УК. Однако их злоупотребления (например, корпоративный шантаж) требуют реакции со стороны государства, причём мерами уголовно-правового воздействия, поскольку обладают повышенной общественной опасностью.

В юридической литературе обращено внимание, что иногда функции представителя власти выполняют негосударственные служащие, либо функции должностных лиц, совпадают с аналогичными функциями негосударственных служащих. Однако указанные лица не всегда могут быть привлечены к ответственности за должностные злоупотребления.

«Сравнивая полномочия государственного инспектора труда (ст. 357 ТК РФ) и полномочия профсоюзных инспекторов труда (ст. 370 ТК РФ), несложно сделать вывод, что они по своей сути идентичны. В частности, профсоюзные инспекторы труда вправе осуществлять контроль за соблюдением работодателем трудового законодательства, предъявлять работодателям требования о приостановке работ в случаях непосредственной угрозы жизни и здоровью работников, направлять работодателю представления об устранении выявленных нарушений законодательства и иных нормативных актов, содержащих нормы трудового права, обязательные для рассмотрения» [25, с. 112-113].

Аналогичная ситуация наблюдается при сравнении полномочий государственных и частных нотариусов. Несмотря на тождественность полномо-

чий, частный нотариус не несет уголовной ответственности за халатность или превышение полномочий.

Судьи третейского суда за злоупотребления, связанные с их деятельностью, могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 201 УК РФ – как лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации. Но не вызывает сомнений, что деятельность названных лиц является властной, так как «обязательность их решения для сторон подкрепляется принудительной силой государства в лице компетентного суда, который уполномочен выдавать исполнительный лист» [25, с. 113].

Спорной представляется позиция законодателя, который относит управленцев политических партий (некоммерческих организаций) к числу субъектов преступлений, предусмотренных главой 23 УК РФ. А.В. Наумов, ссылаясь на опыт американского уголовного права, справедливо отмечает, что «партийные должностные лица должны отвечать за коррупционные преступления наряду с государственными служащими. Деятельность политических партий – это не сфера частного бизнеса. А сфера общественных интересов, тесно переплетённых (подчас неразделимых) с государственными интересами. Известно, что от парламентских фракций, построенных по партийному принципу, зависит решение важнейших вопросов (например, принятие важнейших законов)» [16; 24, с. 228].

Представляется, что существующие пробелы в законодательстве должны быть устранены, а негосударственные служащие, в случае совершения злоупотребления при выполнении государственных функций должны отвечать как должностные лица.

Понятия должностного лица и лица, выполняющего управленческие функции, тесно смыкается с понятием служащего. По мнению Н.А. Егоровой, служащим «признается физическое лицо, осуществляющее управленческую либо иную юридически значимую деятельность, непосредственно не связанную с производством материальных благ или оказанием материальных услуг, а также лицо, осуществляющее интеллектуальное и документальное обслуживание управленческой или иной деятельности» [8, с. 27].

Уточнение Н.А. Егоровой важно в следующем аспекте. Осуществление управленческих функций и принятие соответствующих решений невозможно без предварительного получения информации. Последняя, как правило, готовится в виде определенных отчетов лицами, не наделенными должностными (управленческими) полномочиями. Во многом от того, какая представляется информация, зависит принятие или непринятие того или иного решения, соответственно у лица, которое представляет информацию, имеется возможность злоупотреблять своим правом. Это же лицо может организовать утечку информации или «лжеутечку», что способно привести к определенным неблагоприятным последствиям. В результате должностное лицо принимает решение, которое наносит вред правоохраняемым интересам. В этом случае допустимо ставить вопрос об ответственности должностного лица за злоупотребление полномочиями или халатность. Однако привлечение к уголовной

ответственности лица, умышленно предоставившего соответствующую информацию, невозможно, поскольку это лицо, как правило, не является должностным, а потому не может нести ответственность за должностное преступление. Для таких лиц необходимо предусмотреть уголовную ответственность за злоупотребление правом предоставления информации для принятия властного решения.

Актуален вопрос о надлежащем оформлении полномочий лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях. Заинтересованные в совершении злоупотреблений участники юридических лиц, их руководители могут поручать совершение тех или иных противоправных действий лицам, специальные полномочия которых не оформлены письменно.

Вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности лица, выполняющего управленческие функции, фактически без надлежащего (письменного) оформления полномочий является спорным. По мнению одних авторов, необходимо наличие письменного документа, наделяющего лицо управленческими полномочиями [6, с. 115]. С точки зрения других исследователей, несоблюдение письменной формы наделения лица управленческими полномочиями нельзя считать препятствием для признания такого лица специальным субъектом преступления [9, с. 18, 22, с. 93].

П.С. Яни отмечает, что «в негосударственных организациях не всегда соблюдаются правила делопроизводства, поэтому отсутствие письменного документа: распоряжения, приказа или даже в ряде случаев договора (трудового в частности), в соответствии с которым лицо наделяется в организации особыми полномочиями, относящимися к организационно-распорядительными и административно-хозяйственным, не может явиться основанием для непризнания его субъектом служебного преступления в коммерческих и иных организациях, если фактически в результате волеизъявления уполномоченного на это представителя организации соответствующие функции лицом фактически осуществлялись» [30, с. 105].

А.В. Шнитенков, не соглашаясь с П.С. Яни, полагает, что наличие подобного документа обязательно. «Чёткая организация служебных отношений, конечно же, предполагает строгое соблюдение правил наделения лица различными полномочиями. При этом важно отметить, что управленец, как и любой другой служащий, в обязательном порядке должен быть ознакомлен со своими должностными полномочиями... Соблюдение этих процедурных моментов позволяет, в конечном счёте, установить виновность лица в совершении преступления (при наличии всех других признаков состава) [27, с. 82].

По нашему мнению, точка зрения авторов, не считающих несоблюдение письменной формы наделения лица управленческими полномочиями препятствием для привлечения к ответственности, более последовательна. Поскольку выполнение формальных требований о наделении полномочиями целиком зависит от лиц, заинтересованных в совершении злоупотреблений, нетрудно предугадать, что эти требования будут проигнорированы.

Из проблемы надлежащего оформления полномочий вытекает проблема «фактического руководителя» – эта ситуация возникает, когда формально (номинально) руководит одно лицо, а реально – другое без какого бы то ни было оформления.

Применительно к ст. 193 УК И. Пастухов и П. Яни полагают, что «к ответственности необходимо привлекать фактического, а не юридического руководителя» [17, с. 36].

В п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. № 64 "О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления" отмечается, что в тех случаях, когда лицо, фактически осуществляющее свою предпринимательскую деятельность через подставное лицо (например, безработного, который формально был зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя), уклонялось при этом от уплаты налогов (сборов), его действия следует квалифицировать по ст. 198 УК РФ как исполнителя данного преступления, а действия иного лица в силу ч. 4 ст. 34 УК РФ – как его пособника при условии, если оно сознавало, что участвует в уклонении от уплаты налогов (сборов), и его умыслом охватывалось совершение этого преступления [18].

Подобные рекомендации по квалификации вызывали возражения у специалистов. Так, по мнению Б.В. Волженкина, «вопреки изложенной позиции Пленума Верховного Суда РФ, такие лица могут нести ответственность за незаконное предпринимательство либо как члены организованной группы, если таковая имела, либо как соучастники преступления (организаторы, подстрекатели, пособники), но не как руководители» [5, с. 214-215].

С.С. Витвицкая еще более категорична. По ее мнению, «лицо, фактически осуществлявшее руководство или фактически занимавшееся предпринимательской деятельностью, не становится от этого специальным субъектом – руководителем или предпринимателем. Это означает, что здесь нельзя усмотреть ни посредственное исполнение, ни тем более исполнение преступления неспециальным субъектом при пособничестве специального» [4].

Верной представляется мысль Н.А. Егоровой о том, что «если нормативный правовой акт допускает возможность фактического (без надлежащего оформления) выполнения управленческой функции, то юридическим основанием её выполнения может быть устное распоряжение уполномоченного лица, договор в устной форме или само выполнение управленческой функции как управленческое поведение» [9, с. 18].

Подобный подход наблюдается в зарубежном уголовном праве. Например, по французскому законодательству наряду с юридическими руководителями за злоупотребления с имуществом и кредитом общества несут ответственность и «фактические» руководители общества («теневые директора»). Аккумуляция в «чёрной кассе» доходов общества даже в интересах его участников может рассматриваться в качестве злоупотребления с имуществом общества [12, с. 183].

Полагаем, что фактические и юридические руководители должны нести уголовную ответственность как соучастники, так как именно они являются движущей силой совершения преступления.

Важной является проблема уголовной ответственности лица, которое незаконно завладело полномочиями руководителя организации, в ходе, например, рейдерского захвата. Справедливо отмечается, что «привлечь самозванца (незаконно назначенного директора) (в ходе рейдерского захвата) по ст. 201 УК РФ невозможно, так как у него никогда не было законных полномочий, которыми можно было злоупотребить» [7, 21].

Представляется, что необходимо установить уголовную ответственность названных лиц по специальной статье УК.

Таким образом, представляется обоснованной позиция законодателя, предусмотревшего отдельно уголовную ответственность должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации. Необходимо устранить пробелы в законодательстве в части привлечения к уголовной ответственности за злоупотребления управленцев коммерческой или иной организации (управленцев индивидуального предпринимателя, участников юридических лиц). Негосударственные служащие, совершившие злоупотребления при выполнении государственных функций, должны отвечать как должностные лица. Отсутствие надлежащего оформления полномочий специального субъекта не должно являться препятствием для привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Список литературы

1. Асанов Р.Ф., Изосимов С.В. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые служащими коммерческих или иных организаций. Уфа. 2001. 182 с.
2. Астанкина С.М., Максимов С.В. Криминальные расчеты, уголовно-правовая охрана инвестиций. М., 1995. 128 с.
3. Будатаров С.М. Субъект должностных преступлений: понятие, проблемы определения // Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (19 апреля 2013 г., г. Хабаровск) / В.А. Авдеев, О.А. Авдеева, В.В. Агильдин и др.; под ред. Т.Б. Басовой, К.А. Волкова; Хабаровский краевой суд, Дальневосточный филиал Российской академии правосудия. Хабаровск: ООО Издательство "Юрист", 2013. (СПС "Консультант-Плюс").
4. Витвицкая С.С. Уголовная ответственность за экономические преступления специальных и неспециальных субъектов (проблема "фактического" исполнителя) // Российский следователь. 2007. № 20. С. 17-19. (СПС «Консультант-плюс»).
5. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности. Санкт-Петербург. Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс». 2007. 765 с.
6. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000. 368 с.
7. Добровольский В.И. Ответственность рейдера по российскому законодательству. М.: Волтерс Клувер, 2010. 158 с. (СПС "Консультант-Плюс").
8. Егорова Н.А. Служащий как специальный субъект преступления в уголовном праве России // Уголовное право. 2004. № 2. С. 26-28.

9. Егорова Н.А. Юридические основания осуществления управленческих функций специальным субъектом преступления // Уголовное право. 2005. № 5. С. 16-19.
10. Жижиленко А.А. Должностные (служебные) преступления. М., 1927. 100 с.
11. Кириченко В.Ф. Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву. М., 1956. 132 с.
12. Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М.: Статут. 2005. 572 с.
13. Кожевников М., Ланговиер Н. Должностные преступления и борьба с ними. М., 1926. 72 с.
14. Коржанский Н. Понятие должностного лица // Советская юстиция. 1970. № 21. С. 10-11.
15. Мельникова В.Е. Хозяйственно-должностные преступления. Проблемы криминализации и декриминализации. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 317 с.
16. Наумов А.В. Ответственность за коррупционные преступления // Чиновник. 2000. № 3 (9).
17. Пастухов И., Яни П. Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте. Проблемы квалификации. Лекция. М., 1999. 50 с.
18. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. № 64 "О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления" // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 12. (СПС «Консультант-Плюс»).
19. Прокопович Е. Понятие и квалификация должностных преступлений // Советская юстиция. 1976. № 17. С. 5-8.
20. Скрыбин Э. Субъект злоупотребления полномочиями и коммерческого подкупа // Законность. 1999. № 12. С. 33-35.
21. Смирнов Г. Проблемы разграничения преступлений в сфере корпоративного управления и учета прав на ценные бумаги (статьи 170.1, 185.2, 185.5 УК РФ) и иных преступлений // Уголовное право. 2010. № 6. С. 51-58. (СПС "Консультант-Плюс").
22. Солдатова Л.А. Ответственность за злоупотребление полномочиями или превышение полномочий служащими коммерческих или иных организаций. (Вопросы истории, теории и законодательного регулирования). Казань. 2002. 152 с.
23. Соловьев В.И. Борьба с должностными злоупотреблениями, обманом государства, приписками. М., 1963. 144 с.
24. Фомичев Н.Я. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты. Пятигорск. 2009. 339 с.
25. Чирков А. Проблемы определения субъекта преступлений коррупционной направленности // Уголовное право. 2013. № 5. С. 112-113.
26. Шнитенков А. Понятие должностного лица в УК и КоАП России. // Уголовное право. 2002. № 3. С. 102-103.
27. Шнитенков А. Спорные вопросы регламентации в УК РФ понятия лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации // Уголовное право. 2004. № 2. С. 82-83.
28. Шнитенков А.В. Ответственность за преступления против интересов государственной службы и интересов службы в коммерческих и иных организациях. Санкт-Петербург. Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс». 2006. 311 с.
29. Эстрин А. Должностные преступления. М., 1928. 108 с.
30. Яни П.С. Экономические и служебные преступления. М., 1997. 201 с.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН ЗА НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ КОНТРАКТУ

Гузоев О.И.

магистрант, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина,
Россия, г. Саратов

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся правовой природы государственного контракта в российской научной юридической литературе. Следует отметить, что в государственный контракт в обязательном порядке должны включаться условия об ответственности сторон за нарушения обязательств. Одним из способов обеспечения исполнения обязательств, как известно, является неустойка. Условие о неустойке немаловажно для государственных (муниципальных) контрактов.

Ключевые слова: государственный контракт, заказчик, неустойка, пени, штраф.

Ряд исследователей полагают возможным рассматривать государственный контракт с точки зрения его публичной природы как административно-правовой акт, лежащий в основе административного механизма регулирования государственного заказа [1], и обосновывают тезис о том, что нормы административного права имеют главенствующее положение по отношению гражданско-правовым нормам, регулирующим отношения на стадии размещения и исполнения государственного заказа [2].

Однако в научной юридической литературе представлена точка зрения о том, что государственный контракт является сугубо гражданско-правовым договором и не обладает свойствами, позволяющими охарактеризовать его комплексно-правовую юридическую природу [3].

На наш взгляд, анализ действующего законодательства и судебной практики позволяет утверждать, что к особенностям, отличающим государственный контракт от гражданско-правового договора, можно отнести:

- 1) особый субъектный состав в лице государственных заказчиков;
- 2) использование бюджетных средств и внебюджетных источников финансирования исполнения обязательств по контракту;
- 3) наличие цели, заключающейся в удовлетворении нужд РФ, субъектов РФ, а также нужд заказчиков;
- 4) невозможность заключения контракта по цене выше, чем начальная (максимальная) цена, определенная заказчиком;
- 5) приоритет формы торгов как способа выбора заказчиком контрагента над заключением контрактов с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем) без проведения торгов;

Таким образом, следует согласиться с теми авторами, которые считают, что, несмотря на гражданско-правовую природу, контракт имеет ряд особенностей, не позволяющих полностью отождествлять контракт с гражданско-правовым договором.

Обязательным условием государственного контракта является ответственность сторон за нарушения обязательств. Императивное правило уста-

новлено ч. 4 ст. 34 Закона о контрактной системе. Законодателем в безусловном порядке предписано предусматривать в государственных и муниципальных контрактах такой способ обеспечения исполнения обязательств, как неустойка [4].

При формулировании условия о неустойке в государственном (муниципальном) контракте следует обратить внимание на письмо Федеральной антимонопольной службы России от 21 октября 2014 года № АЦ/42516/14. В нем контрольный орган указал, что согласно п. п. 5, 7, 8 ст. 34 Закона о контрактной системе заказчик обязан установить в контракте:

- размер пени в случае просрочки исполнения заказчиком обязательств, предусмотренных контрактом;
- размер пени, определенный в порядке, установленном постановлением Правительства РФ от 25 ноября 2013 года №1063[5] (далее – Правила № 1063), в случае просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств по контракту;
- размер штрафа в виде фиксированной суммы, определенной в порядке, установленном также Правилами № 1063.

Так же, документом, разъяснившим порядок начисления неустойки за нарушение условий контракта, является письмо Минфина России от 27 ноября 2014 года №02-02-04/60726. Причина появления разъяснений – отсутствие как в Законе о контрактной системе, так и в Правилах №1063 положений о применении штрафа в зависимости от объема неисполненных обязательств. Кроме того, законодательством не устанавливается ограничение по применению ответственности с учетом принципа соразмерности при определении неустойки.

Учитывая названные обстоятельства, Минфин предложил до момента внесения соответствующих изменений в законодательство руководствоваться следующим.

1. Признание неустойки мерой гражданско-правовой ответственности обуславливает ее компенсационный характер. Следовательно, размер неустойки должен соответствовать понесенным потерпевшим (кредитором) убыткам и не допускать его неосновательное обогащение.

2. Договор не является единым обязательством, в рамках договора возникает несколько обязательств из единого юридического факта (п. 2 ст. 307 ГК РФ [6]).

В связи с этим, если контрактом предусмотрены этапы исполнения обязательств, формула начисления неустойки, приведенная в Правилах №1063, применяется по отношению к каждому этапу, а не контракту в целом. За основу необходимо брать цену этапа и сроки его исполнения.

Вопрос об обязательности неустойки в контракте являлся предметом рассмотрения судебных инстанций, так как споры между сторонами возникали в том числе и по этому поводу. Так, например, Пятый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 17 декабря 2014 года по делу № А51-26873/2014 указывает, что Федеральное бюджетное лечебно-

профилактическое учреждение «Санаторий-профилакторий «Золотой берег» Федеральной налоговой службы (далее – истец, учреждение) обратилось с иском в Арбитражный суд Приморского края к обществу с ограниченной ответственностью «РСУ Инжкоммуникации» (далее – ответчик, общество) о взыскании 9465 рублей 14 копеек пени за несвоевременное начало исполнения обязательств по контракту и 347289 рублей 62 копеек пени за задержку приемки выполненных работ от подрядчика. Решением Арбитражного суда Приморского края от 27 октября 2014 года в удовлетворении исковых требований отказано. Не согласившись с вынесенным решением, истец обратился в апелляционный суд с жалобой, в которой просит обжалуемый судебный акт отменить и принять по делу новый судебный акт. В обоснование своей позиции апеллиант указывает на незаконность и необоснованность обжалуемого судебного акта. Указывает также на то, что следующие выводы суда первой инстанции являются неполными, необъективными и противоречащими материалам дела: неустойка (за взысканием которой истец обратился в суд) предназначена для компенсации потерь стороны, потерпевшей от неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства.

Не соглашаясь с доводами апеллианта, суд, в частности, указывает, что норма п. 4 ст. 34 Закона о контрактной системе предусматривает обязательное включение в контракт условия о конкретном размере ответственности заказчика и поставщика в виде неустойки и штрафа, определив их минимальный размер. При буквальном толковании условий контракта в соответствии с требованиями ст. 431 ГК РФ судебная коллегия приходит к выводу о том, что условие об ответственности органа технического надзора за нарушение начального срока производства работ и нарушение конечных сроков в части приемки выполненных работ не сформировано.

Анализируя изложенный пример и аналогичную судебную практику, мы приходим к выводу об обязательности в государственном или муниципальном контракте положения по неустойке, т.к. судебные инстанции отказывают в удовлетворении требования о взыскании неустойки на основании неурегулированности в договоре соответствующего условия. Соответственно, фактически присутствует противоречие между законодательством о контрактной системе и требованиями гражданского законодательства. Во избежание возникновения такой спорной ситуации представляется необходимым указывать в контракте не только общее основание ответственности, предусмотренное ч. 4 ст. 34 Закона о контрактной системе, но и конкретизировать размер неустойки и основания ее выплаты.

Список литературы

1. Кикавец В.В. Административно-правовое регулирование государственного заказа в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 11.
2. Тихомиров А.С. Институт государственного и муниципального заказа в административном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 10.
3. Заботина Н.Н. Правовая природа правоотношений, возникающих в связи с заключением контрактов на поставку товаров для государственных нужд: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2006. – С. 6.

4. Потрашков С. Особенности государственных и муниципальных контрактов: споры // Административное право. – 2015. – №4. – С. 23

5. Постановлением Правительства РФ от 25 ноября 2013 года №1063//СЗ РФ – 2013. – №48. – Ст. 6266.

6. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // СЗ РФ, 05.12.1994, №32, ст.3301

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОСНОВЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛЕГАЛЬНОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Елагин Р.И.

профессор кафедры теории истории права и публично-правовых дисциплин, канд. юрид. наук, доцент, Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Россия, г. Москва

В статье рассматриваются международные основы административно-правового регулирования оборота наркотических средств и психотропных веществ, и делается вывод о том, что общий подход основывается на установлении правил легального (законного) оборота наркотических средств и психотропных веществ с одновременным установлением комплекса мер по противодействию попаданию таких средств и веществ, в сферу незаконной деятельности. Автор указывает на необходимость закрепления в действующем административном законодательстве понятия «легальный оборот наркотических средств и психотропных веществ».

Ключевые слова: наркотическое средство, психотропное вещество, легальный оборот наркотических средств и психотропных веществ, контроль за оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Поднимая вопрос административно-правового регулирования обращения наркотических средств, психотропных веществ, необходимо отметить, что вопросы их оборота в силу их значимости, имеют межотраслевой характер, что, в свою очередь, обуславливает их регулирование различными отраслями права (гражданским, административным, уголовным). При этом следует отметить, что данный вопрос, прежде всего, регулируется на международном уровне.

Анализ международных актов в этой области, позволяет сделать вывод о том, что международное закрепление норм, посвященных обороту наркотических средств и психотропных веществ началось еще в 60 –х годах 20 в.в., а уже потом было имплементировано в национальные законодательства государств мира [4, ст.20-31].

Дальнейшее развитие решение проблемы получило после принятия в 1971 году Конвенции о психотропных веществах (Конвенция 1971 года) в Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Конвенция 1988 года). Конвенция 1988 года – целиком и полностью посвящена проблеме предотвращения утечки прекурсоров в сферу незаконного оборота. В последующие годы был принят ряд междуна-

родных актов в развитие вышеуказанных Конвенций, в частности: Резолюция Комиссии по наркотическим средствам и Экономического и социального совета Организации Объединенных Наций, касающиеся выполнения правительствами статьи 12 Конвенции ООН 1988 г.; Дополнительный регламент Европейской комиссии (ЕЕС) № 3677/90 по контролю внешней торговли предшественниками наркотических средств, Брюссель 3 августа 1995 г.; Доклад Совместного консультативного совещания экспертов Международного комитета по контролю над наркотиками и группы Помпиду в Вене 3-5 мая 1995 г. и др.[3, с. 9].

В указанных международных актах сформулированы принципы механизма международного и национального контроля над оборотом наркотических средств, психотропных веществ, а также выработан общий подход к регулированию оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Следует отметить, что сформированный на международном уровне подход к правовому регулированию оборота наркотических подразделяется на два направления:

1. Установление механизма, обеспечивающие контроль над оборотом наркотических средств, психотропных веществ, как на внутригосударственном, так и на международном уровнях.

2. Установление механизма выявления, пресечения незаконной утечки наркотических средств и психотропных веществ.

Основными, закрепленными на международном уровне, принципами в этой области являются: Утверждение внутригосударственными актами стран Списков наркотических средств и психотропных веществ, подлежащих национальному контролю; Определение, т.е. учреждение соответствующих государственных органов, осуществляющие контроль за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и борьбу с их нелегальным оборотом; Все физические и юридические лица, чья деятельность связана оборотом наркотических средств и психотропных веществ должны быть зарегистрированы в компетентных органах и иметь соответствующие лицензии или разрешения, вести учет и регистрацию всех своих операций, а также сообщать компетентным национальным органам обо всех подозрительных операциях; На все операции по экспорту или импорту наркотических средств и психотропных веществ должно оформляться соответствующее разрешение компетентных органов; Обеспечение государством надлежащего контроля за перемещением через государственную границу наркотических средств и психотропных веществ.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что действующие международные акты в указанной сфере посвящены, прежде всего, установлению международных основ регулирования законного обращения (оборота) наркотических средств, для недопущения их вовлечения в незаконное обращение. Такой подход является обоснованным, потому, что регулирование незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ невозможно, ввиду ничтожности такого оборота.

В этой связи заслуживает внимание точка зрения О.И. Колесова, который полагает, что объектом уголовно-правовой охраны являются именно отношения в сфере легального оборота наркотических средств и психотропных веществ, в связи с тем, что нелегального (незаконного) оборота таких веществ быть не может в виду того, что такой оборот запрещен в силу установленных ограничений оборотоспособности [2, с.78]. Следует отметить, что нормами уголовного права в этой области охраняются административные отношения в области государственного контроля за оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Таким образом, в теоретическом и практическом смыслах следует разграничивать понятия легального (законного) оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и незаконного оборота таких средств и веществ, выражающийся в нарушении установленных правил легального оборота.

При этом следует констатировать, что на сегодняшний день федеральное административное законодательство, в частности Федеральный закон от 8 января 1998 г. N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» не содержит понятия «легальный оборот наркотических средств и психотропных веществ», закрепляя при этом понятие «незаконный оборот ...», «оборот наркотических средств ...» [5, ст.1].

Такой подход приводит к тому, что в том числе рамках уголовно-правового регулирования законодатель подходит к установлению ответственности за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, хотя фактически в УК РФ содержатся нормы об ответственности за нарушения правил легального оборота наркотических средств и психотропных веществ [1, с.17].

В связи с чем, полагаем о необходимым поставить вопрос об имплементации сложившегося международного подхода относительно регулирования легального оборота наркотических средств и психотропных веществ в административное законодательство РФ путем закрепления понятия легального оборота наркотических средств и психотропных веществ в Федеральном законе от 8 января 1998 г. N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ред. от 03.07.2016), что позволит внести терминологическую определенность и, безусловно, отразится на практике регулирования и применения, как административного, так и уголовного законодательства.

Список литературы

1. Егорова Т.И. Направления совершенствования современного правоприменительного подхода к правовой оценке незаконного оборота наркотиков // Российский судья. 2016. N 11. С.17-20.
2. Колесов О.И. Легальный оборот наркотических средств и психотропных веществ, как объект уголовно-правовой охраны» // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2010. № 4. С.75-78.
3. Противодействие незаконному изготовлению наркотических средств и психотропных веществ: Учебное пособие. – Домодедово: МВД РФ, 2004. С.110.

4. Единая Конвенция о наркотических средствах (Нью-Йорк, 30 марта 1961 г. пересмотренное издание, 2013г., Нью Йорк. 2014. 130 с.

5. Федеральный закон от 8 января 1998 г. N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ред. от 03.07.2016).//Собрание законодательства РФ, 12.01.1998, N 2, ст. 219.

УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ

Емельянова О.А.

Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
Россия, г. Иркутск

В статье автор анализирует статью 73 УК РФ «Условное осуждение», а также обстоятельства, которые препятствуют назначению условного осуждения. Статья посвящена проблемам правовой природы условного осуждения, которое рассматривается автором как самостоятельная мера уголовно-правового характера. Освещаются вопросы, связанные с назначением условного осуждения.

Ключевые слова: условное осуждение, наказание, испытательный срок, изоляция от общества, преступление, исправление.

Вопрос о правовой природе условного осуждения является спорным. Одни учёные рассматривают его как особый вид наказания, другие – как отсрочку исполнения наказания, третьи – как средство воспитательного воздействия на исправление осуждённого, четвёртые – как иную меру уголовно-правового характера, пятые – как условный вид освобождения от отбывания наказания, шестые – как особый порядок отбывания наказания, при котором приговор не приводится в исполнение.

Условное осуждение не предусмотрено в исчерпывающем перечне видов наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ, оно не может быть соотнесено по шкале тяжести с другими видами наказаний. При этом приговор приводится в исполнение, так как реализуется дополнительное наказание, иные меры уголовно-правового характера, лицо считается судимым. В системе наказаний УК РФ присутствует схожий по содержанию с условным осуждением вид наказания – ограничение свободы.

Точка зрения, относящая условное осуждение к отсрочке отбывания наказания, является спорной, так как при нормальном течении дела наказание так и не будет реально назначено [1].

Исключительно воспитательный характер данной меры является спорным, так как в отношении осуждённого выносится обвинительный приговор, он порицается от имени государства, лицо считается судимым.

В УК РФ условное осуждение находится в главе 10- «Назначение наказания», вследствие чего многими авторами оно рассматривается как средство индивидуализации уголовного наказания (уголовной ответственности).

Довольно обоснованной является точка зрения, согласно которой условное осуждение является разновидностью освобождения от наказания.

Против неё говорит место условного осуждения в системе УК РФ: отнесение его к главе 10 УК РФ, а не к главе 12 «Освобождение от наказания».

Ввиду этого, условное осуждение скорее можно признать самостоятельной, наряду с наказанием, формой реализации уголовной ответственности- иной мерой уголовно-правового характера [2]. Я полностью придерживаюсь данной точки зрения.

Согласно ст. 73 УК РФ – если, назначив исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы на срок до восьми лет, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, он постановляет считать назначенное наказание условным. Также, при назначении условного осуждения суд устанавливает испытательный срок, в течение которого условно осужденный должен своим поведением доказать свое исправление [3].

Условным считается назначенное по приговору суда наказание, которое не приводится в исполнение в течение определенного испытательного срока, который также устанавливается судом при назначении наказания. В течение испытательного срока условно осужденный должен своим поведением доказать свое исправление. Размер испытательного срока зависит от срока назначенного наказания. Если назначается наказание до одного года лишения свободы или более мягкий вид наказания, испытательный срок должен быть не менее шести месяцев и не более трех лет; если же назначается наказание свыше одного года лишения свободы – испытательный срок устанавливается от шести месяцев до пяти лет (ч. 3 ст. 73 УК РФ). Испытательный срок может быть больше по своему размеру, чем назначенное наказание, может быть равным назначенному наказанию, а также может быть меньше назначенного наказания.

При назначении условного наказания суд должен привести в приговоре мотивы принятого решения. Условное наказание может применяться не ко всем видам наказания, а только к перечисленным в ч. 1 ст. 73 УК РФ [4].

В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1961 г. «О судебной практике по применению условного осуждения» обращалось внимание судов на то, что «условное осуждение, как правило, не должно применяться к лицам, виновным в совершении тяжких преступлений. Суд может применять условное осуждение к отдельным участникам совершения таких преступлений лишь в тех случаях, когда установлена второстепенная роль этих лиц, а также если данные, характеризующие личность виновного, и обстоятельства, при которых было совершено преступление, дают основание считать нецелесообразной изоляцию осужденного от общества» [5].

Условное осуждение применимо только к тем лицам, которым суд доверяет, полагая, что для их исправления нет необходимости в реальном исполнении наказания. При определенной общественной опасности лица учитывается как тяжесть совершенного им преступления, так и его поведение до совершения преступления и после него.

Как правило, нельзя применять условное осуждение к лицам, которые хотя и привлекаются к уголовной ответственности впервые, но до этого упорно в течение длительного времени проявляли себя отрицательным образом, злостно нарушая правила общежития, злоупотребляя спиртными напитками и многое другое. Степень общественной опасности лица иногда определяется и его поведением после совершения преступления. Если виновный проявляет деятельное раскаяние, то это, в ряде случаев, может быть учтено судом при решении вопроса о его условном осуждении.

Вместе с тем, условное осуждение не назначается: осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста; при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в течение испытательного срока при условном осуждении, назначенном за совершение умышленного преступления, либо в течение неотбытой части наказания, назначенного за совершение умышленного преступления, при условно-досрочном освобождении; при опасном или особо опасном рецидиве.

Таким образом, можно сделать вывод, что институт условного осуждения выступает одной из форм реализации уголовной ответственности, а точнее одним из проявлений ее либерализации. Оно призвано, в отличие от наказания, при сохранении в своем содержании минимума уголовно-правовых ограничений, не карать осужденного, а стимулировать его право-послушное поведение в целях исправления. Условное осуждение применяется судом после назначения наказания (ч. 1 ст. 73 УК РФ) для достижения цели исправления. Однако наказание в этом случае не отменяется, а выступает побудительным средством к исправлению, в силу того, что при наличии правонарушений со стороны осужденного оно может быть реально исполнено. Чтобы не утрачивался уголовно-правовой смысл ответственности при применении условного осуждения и не происходило отрыва осужденного ни от содеянного им преступления, ни от назначенного наказания, через применение и исполнение данной меры уголовно-правового характера важно сохранить в этом институте должные акценты на отношении виновного лица и к преступлению, и к наказанию [6].

Судебная практика назначения наказаний свидетельствует о том, что в 2015 г. условное осуждение к лишению свободы назначалось лицам чаще, чем иные виды наказаний – что составило 38 %, хотя по сравнению с 2014 г. произошло некоторое снижение – на 10 %.

В целом же институт условного осуждения является важной и востребованной формой реализации уголовной ответственности. Будучи неотъемлемым видом государственного принуждения, сопряженным с применением наказания, оно имеет и самостоятельное уголовно-правовое и уголовно-исполнительное значение.

Список литературы

1. Комментарий к УК РФ по ред. В.М. Лебедева. М.: Юрлит, 2000.

2. Курс уголовного права. Общая часть. Под ред. Кузнецова Н.Ф., Тяжкова И.М. Том 2, М.: Зерцало, 2002.
3. Обзор судебной практики за 2014-2015 год // СПС Гарант.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. N 2 "О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания" // Российская газета. – N 279. – 11.12.2013.
5. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1961 г. № 1 «О судебной практике по применению условного осуждения» // СПС КонсультантПлюс.
6. Уголовное право России. Общая и особенная часть. Под ред. В.И. Гладких, В.С. Курчеева. Новосибирск, 2015.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – в ред. от 06.07.2016 года // СПС КонсультантПлюс.

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПОНЯТЫХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Емельянчик М.И.

студентка 3 курса Юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, г. Белгород

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права и процесса НИУ «БелГУ», к.ю.н. Лукьянчикова Е.Ф.

В рамках данной статьи рассматриваются проблемы привлечения понятых к производству следственных действий и основные трудности, с которыми приходится сталкиваться следователю в процессе осуществления своей профессиональной деятельности. Кроме того, автором дается анализ деятельности понятых в уголовном судопроизводстве и рассматриваются возможные варианты решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: понятые, уголовный процесс, следователь, институт понятых.

Институт понятых является одним из наиболее стабильных и консервативных институт уголовного процесса Российской Федерации. Как справедливо отмечает Н.Н. Фомкин, это одна из наиболее ранних форм общественного контроля, которая возникла еще в период действия Соборного уложения 1649 года [4, с. 3]. Однако на сегодняшний день институт понятых переживает определенный кризис. Так, еще в 2011 году Д.А. Медведев заявил, что «институт понятых появился в тот период, когда у нас не было другого способа фиксации доказательств; это рудимент прошлого...» [2]. К сожалению, спустя шесть лет после этого заявления, указанные слова остаются актуальными. На сегодняшний день активные дискуссии ведутся о относительно роли понятых в современном уголовном процессе.

Например, известный ученый-процессуалист С.А. Шейфер неоднократно акцентировал внимание на эффективности привлечения понятых к производству следственных действий. Ученый полагает, что именно реализация данного института выступает в качестве гаранта законности и корректности производимого следственного действия [5, с. 57]. Однако с его мнением согласны далеко не авторы. Так, например, А.П. Калугин считал, что ин-

ститут понятых должен носить факультативный характер, так как понятой – это лицо, которое только удостоверяет законность действий следователя (или дознавателя) в случае оказания противодействия расследованию со стороны заинтересованных лиц, а значит, что решение о привлечении понятых следователь или дознаватель должен принимать по своему личному усмотрению [1, с. 12].

Мы считаем такую позицию вполне справедливой, так как существующий в нынешних условиях институт понятых, не реализует в полной мере всех возложенной на него удостоверяющей функции. Кроме того, в практической деятельности очень часто приходится сталкиваться со случаями, когда участие понятых при осуществлении следственного действия ограничивается лишь подписанием протокола следственного действия. Кроме того, не всегда им полно и четко разъясняются их права и обязанности, что в совокупности с юридической неграмотностью подавляющего большинства понятых, не дает им возможности эффективно реализовать возложенные на них уголовно-процессуальным законодательством задачи.

Также следует отметить и проблемы участия понятых при осуществлении отдельных следственных действий. Например, Т.П. Ретунская указывала, что сотрудники правоохранительных органов могут испытывать некоторые трудности, которые связаны с нежеланием граждан принимать участие в производстве обыска в качестве понятых [3, с. 26]. При этом сами следователи и дознаватели не убеждают потенциальных понятых в заведомой неправильности занятой ими позиции. Напротив: они проводят обыск с участием не необходимого количества понятых, а минимального. Таким образом, складывается ситуация, когда при обыске объекта, обладающего значительной площадью, понятые не имеют реальной возможности удостоверить все действия лиц, непосредственно осуществляющих обыск, но протокол обыска они подписывают «будто присутствовали при осмотре всех помещений и изъятии всех объектов» [1, с. 17].

Еще одним аспектом проблемы участия понятых в уголовном процессе является невозможность установления фактической заинтересованности понятого в деле, что нередко приводит к утрате объектами доказательственной силы. Например, в ходе обыска у подозреваемого К. был обнаружен пистолет с патронами. Один из понятых, присутствующих во время осуществления следственного действия, являлся сотрудником магазина, принадлежащего матери подозреваемого. В ходе расследования, К. заявил, что пистолет и патроны ему не принадлежат, а были подкинута ему оперативными сотрудниками. Эту же версию подтвердил допрошенный в качестве свидетеля понятой. В результате, доказательственное значение результатов проведенного обыска было утрачено.

Таким образом, мы не можем не согласиться с тем, что институт понятых в его современном виде существенно «устарел» и нуждается в совершенствовании, однако нельзя полностью от него отказываться. Аргументируем свою позицию тем, что отказ от института понятых – это прямое ущемление

прав участников следственных действий со стороны защиты, так как понятой – это в какой-то мере «ограничитель» противоправных действий следователя и дознавателя, и упразднив рассматриваемый институт, законодатель попросту спровоцирует «следственный тоталитаризм».

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что институт понятых на сегодняшний день вызывает множество разногласий между теоретиками и практиками уголовно-процессуального права. Мы считаем, что одним из способов решения рассмотренных проблем может стать применение видеозаписи в совокупности с участием понятых. Аргументируем мы свою позицию тем, что использование технических средств и «человеческого фактора» позволит гораздо эффективнее осуществлять фиксацию хода и результатов следственного действия, что также значительно упрощает рассмотрение данного доказательства ходе судебного разбирательства, так как видеосъемка носит исключительно объективный характер.

Список литературы

1. Калугин А.П. Понятой в уголовном процессе // Право. 2016. № 11. С. 10-18.
2. Косихин Д.В. Судьба понятых [Электронный ресурс] // Газета «Юрист»: сайт. URL: <http://www.gazeta-yurist.ru/article.php?i=1778>
3. Ретунская Т.П. Проблемы собирания и оценки доказательств // Юрист. 2015. № 2. С. 22-29.
4. Фомкин Н.Н. Институт понятых в российском уголовно процессе: упразднить или сохранить? // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 1. С. 1-4.
5. Шейфер С.А. Следственные действия // Юрист. 2012. № 9. С. 55-61.

МИРОВАЯ ЭКОЛОГИЯ И ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ УЛУЧШЕНИЯ ЖИЗНИ БЕЗДОМНЫХ ЖИВОТНЫХ

Иваненко А.В.

доцент кафедры административного и финансового права, канд. юрид. наук, Волгоградский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Россия, г. Волгоград

Шмалько Е.А.

студентка 3 курса (ЗЮрб-41Д) факультета управления и права, Волгоградский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Россия, г. Волгоград

Статья посвящена исследованию проблем мировой экологии. Особое внимание уделено проблеме бездомных животных в мире и предложены возможные пути ее решения.

Ключевые слова: экология, бездомные животные, движение «doghunters».

Актуальной проблемой в современном мире является экологическая проблема. В мире ежегодно растет уровень экологических правонарушений. Российская Федерация не является исключением. Уровень правонарушений в

стране достаточно велик и это становится проблемой, как населения, так и правоохранительных органов.

В связи с этим растет роль института юридической ответственности за экологические правонарушения. Всё большее признание получает теория экологически безопасного развития общества. Созданная в 1983 г. Международная Комиссия ООН по окружающей среде и развитию (ЮНЭП) в докладе “Наше общее будущее”, опубликованном в 1987 году отчетливо доказала, что невозможно решать экологические проблемы вне их связи с социальными, экономическими, политическими и правовыми вопросами [1].

Особое место занимает решение задач преодоления экологического кризиса, оздоровления окружающей среды, восстановления утраченных природных ресурсов.

Согласно статистике, более 20% территории страны находится в районах экологического бедствия, 80 млн. россиян живут в зоне повышенного загрязнения, увеличивается смертность.

Наряду со значимыми проблемами всего мира является проблема защиты прав животных в разных странах.

Так, например, самый первый закон в защиту животных от жестокого обращения, был принят в Великобритании в 1822 году. Закон предусматривает ответственность за нарушение в виде: крупных штрафов вплоть до тюремного срока.

В Германии, страна стала первым в мире государством, где права животных с 2002 года защищаются Конституцией. По новым законам запрещено (в некоторых случаях – ограничено) использование животных для испытаний косметических средств, бытовой химии и лекарств. Животные в Германии защищаются Законом о защите животных (Tierschutzgesetz). Существует также Распоряжение по содержанию собак (Hundeverordnung). В Германии признана профессия "Защитник животных" [2].

В Италии: за брошенную кошку – год тюрьмы. Тот, кто будет признан виновным, может быть заключен в тюрьму сроком на один год, а также его обяжут выплатить штраф в размере 10 тысяч евро.

Согласно новому закону городского совета итальянского Турина владельцам собак, которые выводят животных на прогулку менее трех раз в день, грозит штраф до 500 евро [3].

Но это практика Европейских стран, а в России многочисленные предприятия собирают заявки на уничтожение бездомных собак и кошек. Но как показывает практика, ни на одно заявления граждан власти не отвечают. Также, закона защищающего право животных в нашей стране нет, и не было.

В Европейских странах решается вопрос с бездомными животными, так германское правительство, к решению данной проблемы подтолкнула активная работа общественных организаций – Общества защиты животных. Так, например, за выброс животного на улицу (такая форма поведения приравни-

вается к издевательствам) или его самовольное уничтожение налагается штраф 25000 Евро (если по каким-либо причинам нет возможности держать дома животное, то по действующему законодательству его следует отнести в приют) [4].

В нашей стране остро стоит проблема с «doghunters» – организацией, которая специализируется на отлове и убийстве бездомных животных. Деятельность движения состоит в технологии массового убийства животных с помощью определенных препаратов изониазида (им лечат больных туберкулезом).

В Украине эти садисты появились в 2011 году. Проводятся специальные тренинги по обучению новых членов движения, на которых говорится, как правильно приготовить и в каких местах лучше всего разбросать отраву. Догхантеры имеют собственный сайт, в закрытых частях данного сайта публикуются объявления, в которых оговариваются места и время по истреблению животных.

Упоминание о «doghunters» можно встретить только в СМИ России и Украины, в других странах такие движения не обнаружены. Функции, которые в наших странах взяли на себя «doghunters», в странах Европы несут органы власти.

Самое распространенное высказывание у «doghunters»: «Мы убиваем только агрессивных и бездомных», но это далеко не так, зафиксировано множество случаев случайного убийства домашних животных.

Например, в апреле 2015 года в селе Лисовичи Вышгородского района Киевской области живодеры сожгли приют, в котором заживо сгорели более 70 собак.

В 2016 году в Ирпене и в Киеве яд забрасывали во дворы частных домов, а в Голосеевском парке были расстреляны белки [5].

Можно сделать вывод, что государственные органы безынициативно относятся к пресечению правонарушений, совершаемых движением, «догхантеры». Вместо того, чтобы устранять причину появления бездомных животных на улицах: проводить чипирование, стерилизовать, ужесточать законодательство за негуманное обращение с животными и вкладывать на это деньги им проще смотреть и позволять идейным лицам убивать бездомных животных.

В итоге государственное санкционирование сносится лишь к, ст. 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными», в которой говорится только о штрафе в 80 тысяч, обязательные работы до 360 часов или ограничение свободы на срок до одного года [6].

Польша, является страной, где налажена централизованная система, сбора информации о бездомных животных является, Польша. В 27 европейских странах обращение с животными, в том числе их защита от жестокого обращения, регулируется законодательством. В 11 странах существуют нор-

мы об опасных и агрессивных собаках, в том числе список пород, запрещенных к разведению. В трех странах: Албании, Армении и Азербайджане подобных законов нет [7].

В ряде стран запрещена торговля животными на рынках и улицах. В 22 странах используется функция чипирования для облегчения государственным службам поиск владельцев брошенных животных. Крайние меры в виде отстрела животных используются в пяти странах (Албания, Армения, Азербайджан, Молдова, Украина).

Одним из способов сокращения численности бездомных животных является Европейская конвенция по защите домашних животных, которая разрешает усыпление здоровых особей. Но в трех странах, к которым относятся (Германия, Греция, Италия), здоровых особей, которые не проявляют агрессии после поимки усыплять запрещено.

На основании выше изложенного можно сделать вывод, что в нашей стране институт защиты прав животных не работает, отсутствуют государственные структуры, занимающиеся этими проблемами как на федеральном, так и на региональных уровнях. Думается, что государственным органам необходимо создать целостную законодательную базу со следующими приоритетными задачами:

1. Разработка закона о защите домашних животных в РФ.
2. Ужесточение наказания за своевольный отстрел и отлов бездомных животных.
3. Выделение статьи в бюджете на строительство питомников для животных, чипирования, стерилизации.
4. Создание единую базу данных с информацией о каждом животном и его владельце.
5. Запрет жителям иметь более двух собак в доме.

Список литературы

1. <http://lektsii.net/2-1194.html> (дата обращения 10.02.2017).
2. http://symphonya.info/publ/prosnis_i_poj/ehto_interesno/prava_zhivotnykh_v_raznykh_stranakh_mira/133-1-0-1805 (дата обращения 12.02.2017).
3. <http://kgo.ru/prava-zhivotnykh-v-raznykh-stranah/> (дата обращения 12.02.2017).
4. <http://animals.kharkov.ua/node/136> (дата обращения 10.02.2017).
5. <https://www.obozrevatel.com/politics/53902-doghanteryi-vyigodnyi-korrumpirovannyim-vlastyam.htm>. (дата обращения 09.02.2017).
6. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // "Российская газета" (N 113, 18.06.1996). (дата обращения 11.02.2017).
7. <https://www.miloserdie.ru/article/chto-delayut-s-bezdomnymi-sobakami-v-evrope-2/> (дата обращения 12.02.2017).

РОЛЬ ДОСМОТРОВОЙ РЕНТГЕННОТЕЛЕВИЗИОННОЙ ТЕХНИКИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ

Иванова К.Д., Жилкина П.Г.

студентки факультета «Таможенное дело», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

Руденок В.П.

канд. полит. наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

В статье роль досмотровой рентгеновской техники при проведении таможенного контроля рассматриваются принципы работы и применения данного технического средства. Рентгеновская техника, благодаря своим свойствам и особенностям, намного упрощает проведение таможенного контроля и позволяет своевременно выявить правонарушения.

Ключевые слова: технические средства, таможенный контроль, таможенный досмотр, досмотровая рентгеновская техника.

Технические средства таможенного контроля являются важным и необходимым инструментом эффективного функционирования таможенных органов. С каждым годом появляются всё новые технические средства, позволяющие пресечь правонарушения в области таможенного дела и обеспечить защиту национальной и экономической безопасности.

Основные положения о технических средствах, закреплены в приказе ФТС России от 21.12.2010 N 2509 (ред. от 15.05.2014) "Об утверждении перечня и порядка применения технических средств таможенного контроля в таможенных органах Российской Федерации". В первой части, которого описаны технические средства таможенного контроля, такие как: Досмотровая рентгеновская техника (ДРТ), Инспекционно-досмотровые комплексы (ИДК), Средства поиска, Средства нанесения и считывания специальных меток, Досмотровый инструмент, Технические средства подповерхностного зондирования, Технические средства идентификации (ТСИ), Химические средства идентификации (ХСИ), Технические средства документирования, Технические средства контроля носителей аудио- и видеoinформации, Технические средства измерения количественных и качественных показателей лесо- и пиломатериалов, Системы считывания и распознавания номерных знаков автотранспортных средств, Технические средства для осуществления транспортного контроля, Система визуального наблюдения, Оптические устройства и приборы, Приборы взвешивания. Во второй части данного приказа ФТС технические средства таможенного контроля делят на средства по поиску радиоактивных материалов (ТКДРМ) и обеспечения радиационной безопасности (Стационарные системы обнаружения ДРМ, Мобильные системы обнаружения делящихся и радиоактивных материалов, Поисковые приборы радиационного контроля, Дозиметры, Радиометры-спектрометры, Спектрометры, Средства индивидуальной защиты). Кроме этого, в вышеупо-

мянупом Приказе есть два приложения: 1) Перечень технических средств таможенного контроля, применяемых таможенными органами Российской Федерации при проведении таможенного контроля, 2) Порядок применения технических средств таможенного контроля в таможенных органах Российской Федерации.

Таким образом, на основании данного правового акта можно сделать вывод о том, что технические средства таможенного контроля разнообразны в своих формах и видах, существует определённый порядок их применения и использования.

Для нашего исследования мы выбрали такой вид ТСТК, как досмотровая рентгенотелевизионная техника (ДРТ). Она включает в себя ДРТ для контроля содержимого ручной клади и багажа, ДРТ для контроля багажа и почтовых отправлений, ДРТ для контроля средне- и крупногабаритных грузов, Передвижная рентгенотелевизионная установка, Переносная рентгенотелевизионная установка. Не секрет, что в наши дни товаро- и пассажирооборот сильно возрос, поэтому непосредственно сами таможенники и кинологическая служба не могут проверять каждый отдельно взятый багаж и каждого пассажира. Кроме того, может сработать человеческий фактор – невнимательность, а с помощью рентгеновской техники процесс проверки сильно ускоряется и позволяет намного детальней увидеть содержание багажа, груза и самого пассажира. В современных условиях это необходимо, ведь не только улучшается качество таможенного контроля, но и появляются новые способы незаконного перемещения товаров (создание различных тайников, второе дно и т.п.).

Так, например, сотрудниками Шереметьевской таможни был пресечён незаконный ввоз антикварных фарфоровых кукол 19 века из Бельгии. При проведении таможенного контроля пассажирского рейса "Брюссель – Москва" сотрудники таможни остановили гражданку РФ, которая пыталась незаконно провезти через таможенную границу ЕАЭС шесть предметов антиквариата. В ходе рентгеноскопии багажа, сотрудник таможни обратил внимание на то, что в багаже находится большое количество однородных товаров. При таможенном досмотре багажа среди личных вещей были обнаружены шесть фарфоровых немецких старинных кукол. В своём объяснении пассажирка заявила, что она является коллекционером и антиквариат приобрела на выставке кукол для своей коллекции. Она также подтвердила, что весь товар антикварный. Назначено проведение товароведческой экспертизы с целью определения рыночной стоимости товаров, а также относятся ли представленные на экспертизу предметы искусства и коллекционирования к культурным ценностям. В действиях гражданки усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного статьей 226.1 УК РФ (Контрабанда культурных ценностей). Шанс обнаружить данный антиквариат без рентгеновской техники был бы намного ниже.

Рентгеновская техника обладает рядом преимуществ:

1. Отсутствие необходимости вскрытия багажа, упаковки;

2. Видны даже мелкие детали содержимого;
3. Оперативность проверки.

Далее для того, чтобы разобраться, как работает досмотровый аппарат, рассмотрим сам процесс.

В рентгеновских установках, содержащих конвейерный транспортер, процесс формирования электронного образа изображения объекта на дисплее ЭВМ предполагает последовательное просвечивание отдельных участков исследуемого объекта с последующей "сборкой" на экране изображения объекта в целом.

Контролируемый объект устанавливается на ленту движущегося конвейера. С его помощью объект контроля перемещается через досмотровый тоннель, где "просвечивается" рентгеновскими лучами, иллюстрирует принцип работы установок сканирующего типа.

Изображение объекта получается в результате соединения на дисплее компьютера изображений отдельных «разрезов» в одну цельную картинку. Изображение содержимого объекта контроля появляется на дисплее не сразу, а по частям. Развертка в горизонтальном направлении обеспечивается за счет перемещения объекта на транспортере по тоннелю. Число горизонтальных «разрезов» зависит от скорости движения и протяженности объекта контроля.

В рентгеновских сканирующих установках рентгеновский излучатель устанавливается на уровне плоскости конвейерной ленты.

В установках конвейерного типа используются излучения, которые гарантируют сохранность даже фотопленки, находящейся в багаже пассажира, и относительно безопасны для оператора установки при случайном облучении.

В досмотровых установках, наряду с монитором для вывода чёрно-белых изображений, имеется монитор для формирования цветных изображений. Известно, что человек обычно способен различить на экране черно-белого монитора примерно 20 градаций серого цвета (от ярко-белого до черного), а цветов – несколько тысяч. Поэтому применение цветных изображений повышает информативность изображений.

Для отображения состава вещества контролируемых объектов используются следующие цвета:

- оранжевый – химические элементы с атомным номером менее 10 (взрывчатые вещества, лекарства, пластмасса, ткань, дерево, вода);
- зеленый – химические элементы с атомным номером от 10 до 17 (алюминий, кремний);
- светло-зеленый – смесь органического и неорганического вещества с преобладанием органического;
- синий – неорганические вещества с большим атомным весом (железо, медь, цинк, никель, сталь и др.). Чем больше плотность вещества, тем более темный синий цвет;
- коричнево-красный – очень высокая плотность (например, свинцовый лист или массивный металлический предмет).

В некоторых установках можно получать сразу два изображения для каждого просвечиваемого объекта [3, с. 121].

Таким образом, досмотровая рентгеновская техника – это первый и основной класс технических средств таможенного контроля, который не потерял необходимости своего использования, а только лишь увеличил свою популярность, благодаря появлению новых улучшенных моделей. Рентген позволяет увидеть скрытые объекты и предотвратить правонарушение, а также ускорить процесс проверки.

Список литературы

1. Малышенко Ю.В. (ред.) Теория и практика применения технических средств таможенного контроля: учебник. М., 2006. 524 с.
2. Официальный сайт ФТС – <http://www.customs.ru>
3. Приказ ФТС России от 21.12.2010 N 2509 (ред. от 15.05.2014) "Об утверждении перечня и порядка применения технических средств таможенного контроля в таможенных органах Российской Федерации".

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА НЕОБХОДИМУЮ ОБОРОНУ

Исаева Н.В.

магистрант кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса,
Байкальский государственный университет, Россия, г. Иркутск

В данной статье рассматриваются отдельные проблемы, возникающие при реализации права на необходимую оборону на современном этапе развития российского законодательства. Проводится сравнительный анализ законов, предоставляющих право на применение силы, при осуществлении оборонительных действий.

Ключевые слова: необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, насилие, оружие, нападение.

Законодательством России закреплен не только приоритет прав и свобод человека, но и обеспечены гарантии их реализации. Поскольку государство в полной мере фактически не способно гарантировать защиту человека от преступных посягательств, им разработаны нормативные положения, предоставляющие каждому возможность для защиты самого себя и других людей. Основой такой возможности в российском законодательстве признается норма, закрепленная в ч. 2 ст. 45 Конституции РФ [1], согласно которой закреплено положение о том, что каждый вправе защищать свои права, свободы и законные интересы всеми возможными способами, не запрещенными законом. Указанное положение является главным гарантом реализации естественного права на оборону.

Дальнейшая детализация предусмотрена в ст. 37 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [2]. Необходимая оборона представляет собой правомерное поведение лица, прибегшего к защите правоохраняемых интересов от общественно опасного посягательства путем причинения вреда посягающему.

Вопросы, связанные с соблюдением прав и свобод человека и гражданина, охраной общественного порядка, актуальны на протяжении всего периода развития правового государства, что подтверждается Федеральным законом № 44-ФЗ от 2 апреля 2014 г. «Об участии граждан в охране общественного порядка» [5], где в п. 2 ч. 3 ст. 11 и п. 2 ч. 6 ст. 12 указано, что одним из основных направлений деятельности общественных объединений правоохранительной направленности и народных дружин является участие в предупреждении и пресечении правонарушений. Осуществление же гражданами своего права на необходимую оборону служит интересам предотвращения и пресечения преступлений.

Следует обратить внимание на то, что практическая реализация права на необходимую оборону сопряжена с определенными сложностями. Вплоть до настоящего времени законодательной конструкции нормы о необходимой обороне свойственно наличие оценочных признаков, которые создают трудности в правоприменительной деятельности, так как трактовка этих признаков зависит от усмотрения правоприменителей. В частности отсутствие закрепленного в законе понятия «нападение», осложняет процесс принятия решения правоохранительными органами о наличии или отсутствии состояния необходимой обороны в действиях лица, причинившего вред другому. Для того, чтобы принять законное и обоснованное решение в таких условиях возникает необходимость обращения правоприменителя к судебной практике.

Из ч. 2 ст. 37 УК РФ вытекает следующее оценочное понятие, связанное с превышением пределов необходимой обороны. В постановлении Пленума Верховного суда РФ №19 от 27 сентября 2012 г. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [6] разъясняется, что превышение пределов необходимой обороны имеет место, когда оборонявшийся прибегнул к защите от посягательства, указанного в ч. 2 ст. 37 УК РФ, такими способами и средствами, применение которых явно не вызывалось характером и опасностью посягательства, и без необходимости умышленно причинил посягавшему тяжкий вред здоровью или смерть. При этом ответственность за превышение пределов необходимой обороны наступает только в случае, когда по делу будет установлено, что оборонявшийся осознавал, что причиняет вред, который не был необходим. Указанное разъяснение опять же содержит оценочный критерий – «явно не вызывалось характером и опасностью посягательства». Для грамотной квалификации действий лица, воспользовавшегося правом на необходимую оборону следует оценивать соразмерность оборонительных действий, приведших к определенным последствиям по отношению к осуществленному посягательству, что требует тщательного сравнительного анализа со стороны правоохранительных органов.

Следующим важным вопросом является проблема использования оружия при необходимой обороне. Согласно ст. 24 Федерального закона «Об оружии» [3] граждане могут применять оружие для защиты жизни, здоровья и собственности в пределах необходимой обороны или крайней необходимо-

сти. Применению оружия должно предшествовать четко выраженное предупреждение об этом лица, против которого применяется оружие, и не должно быть причинение вреда третьим лицам. О каждом случае применения оружия, повлекшем за собой тяжкие телесные повреждения, его владелец обязан не позднее суток сообщить в органы внутренних дел по месту применения оружия.

Фактически единственным оружием, разрешенным законодателем для использования при самообороне, является огнестрельное гладкоствольное оружие, которое разрешено только приобретать и хранить. Более того его владелец обязан хранить оружие в металлическом шкафу (сейфе) отдельно от патронов, что делает практически невозможным его применение при неожиданном нападении, например, в жилище [7, с. 7].

В соответствии с ч. 3 ст. 37 УК РФ правом на необходимую оборону в равной мере обладают все лица, независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти. Для лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность специальными нормативными правовыми актами установлены ограничения не только на применение оружия и специальных средств, но и физической силы.

Согласно ст. 18 Федерального закона «О полиции» [4] сотрудник полиции имеет право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия лично или в составе подразделения (группы) в случаях и в порядке, предусмотренных законодательством. В ч. 5 ст. 23 указанного закона установлен запрет на применение огнестрельного оружия в отношении несовершеннолетних, когда возраст очевиден или известен сотруднику полиции, женщин, лиц с явными признаками инвалидности, за исключением случаев оказания указанными лицами вооруженного сопротивления совершения группового или вооруженного нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан, в том числе и сотруднику полиции. Аналогичный запрет содержится в ст. 24 Федерального закона «Об оружии» касающийся абсолютно всех лиц, наделенных правом на необходимую оборону.

В уголовном законе ничего не указано о дифференциации нападающих по полу, возрасту или другим признакам. Положения Федерального закона «О полиции» рассматриваются как дополнительные условия правомерности действий сотрудников полиции в рамках конкретного обстоятельства, исключающего преступность деяния. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 19 содержится разъяснение о том, что необходимая оборона допускается от посягательств не только несовершеннолетних, но даже и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности (абзац 4 пункта 5). Трудности в реализации указанного положения заключается также в отсутствии легального понятия «нападение».

Следует также обратить внимание, что в состоянии необходимой обороны сотрудник полиции при отсутствии у него необходимых специальных

средств или огнестрельного оружия вправе использовать любые подручные средства, а также применять иное не состоящее на вооружении полиции оружие.

С одной стороны, нормы Федерального закона «О полиции» подтверждают полное распространение на сотрудников полиции положений уголовного законодательства о необходимой обороне и других обстоятельствах, исключающих преступность деяния, а с другой стороны, непосредственно регламентируют условия, при которых возможно применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

ФЗ «О полиции» предусматривает, что сотрудник полиции, реализуя свои полномочия, должен стремиться минимизировать причиняемый ущерб. Статья 37 УК РФ не предусматривает указание о необходимости минимизации вреда (ущерба) посягающему. Причинение посягающему лицу ущерба, который не является минимально возможным в той или иной ситуации, совершенно не обязательно образует превышение пределов необходимой обороны, а потому ФЗ «О полиции» в этом вопросе не согласован с УК РФ [9, с. 897].

Кроме того, данный закон запрещает применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия при значительном скоплении граждан, если в результате применения огнестрельного оружия могут пострадать случайные лица. Если сотрудник полиции все-таки применил огнестрельное оружие при массовом скоплении людей, и он осознавал, что при этом могут пострадать случайные лица, то в данном случае целесообразно производить оценку применения огнестрельного оружия сотрудником полиции по правилам ст. 39 УК РФ о крайней необходимости. Здесь важно установить, что грозившая опасность не могла быть устранена иными средствами. Указанный запрет явно ограничивает возможности правоохранительных органов по пресечению общественно опасных посягательств, особенно совершаемых в общественных местах, в том числе в рамках массовых беспорядков.

Поскольку основания применения сотрудниками полиции оружия и специальных средств отражены в нормах Федерального закона «О полиции» и связаны с наличием нападения, необходимо детально разработать указанное понятие и закрепить его в нормативных актах. Служебная деятельность сотрудников полиции чаще осуществляется в условиях населенного пункта, что исключает возможность точно предполагать отсутствие посторонних лиц вблизи места происшествия.

Стоит учитывать, что нормы ФЗ «О полиции» в определенной степени очерчивают пределы необходимой обороны и поэтому не должны противоречить общим нормам, ограничивать права обороняющегося на защиту от противоправного посягательства. Следовательно, приоритетным при определении правомерности причинения вреда в результате применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в деятельности сотрудников полиции необходимо признавать уголовное законодательство о необходимой обороне.

Список литературы

1. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. (ред. от 21 июля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 4. – Ст. 445.
2. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07 марта 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Об оружии: Федеральный закон РФ от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 06 июля 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 51. Ст. 5681.
4. О полиции: Федеральный закон РФ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 12 февраля 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – №7. – Ст. 900.
5. Об участии граждан в охране общественного порядка: Федеральный закон РФ от 02 апреля 2014 г. № 44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 77. – Ст. 1536.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 11.
7. Дядюн К.В. Право на необходимую оборону: проблемы реализации // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2014. № 5 (6). 4-8 с.
8. Пархоменко С.В. О необходимости законодательного закрепления условий правомерности необходимой обороны. В книге: Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран. Материалы Международной научно-практической конференции. Отв. ред. С.И. Суслова, А.П. Ушакова. 2016. С. 119-123.
9. Триль С.А. Правовая оценка действий сотрудников полиции, совершаемых при реализации права на необходимую оборону // *Молодой ученый*. 2016. №9. С. 894-898.

ПРИМЕНЕНИЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Карасевич Е.Ю.

студент 3 курса Юридического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права
и процесса НИУ «БелГУ», к.ю.н. Лукьянчикова Е.Ф.

В настоящей статье раскрываются проблемы, с которыми сталкивается орган предварительного расследования при применении домашнего ареста в уголовном судопроизводстве. При их рассмотрении были предложены возможные меры для решения существующих проблем, которые реализуются с помощью законодательного закрепления соответствующих норм.

Ключевые слова: домашний арест, меры пресечения, процессуальные действия.

В качестве меры пресечения домашний арест известен Российскому праву еще с 1864 года, когда был принят Устав уголовного судопроизводства. В частности, п. 5 ст. 416 данного правового акта содержала в себе упоминание домашнего ареста как одной из мер, которую мог применять следователь в целях воспрепятствования обвиняемым уклоняться от следствия.

В современном законодательстве регламентация порядка назначения и содержания домашнего ареста содержится в ст. 107 Уголовно-процессуального

Кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Несмотря на то, что данный институт существует в уголовно-процессуальном праве достаточно давно, существует ряд недостатков, которые требуют своего устранения.

Во-первых, начнем с того, что домашний арест определяется как мера пресечения заключающаяся в ограничении пределами жилого помещения свободы передвижения находящегося под домашним арестом лица. Однако в правоприменительной практике нередко возникает вопрос: что следует рассматривать в качестве жилого помещения? Будет ли считаться жилищем благоустроенное домовладение, но с удобствами, расположенными не в самом доме, а на дворовой территории? Исходя из дефиниции, которая содержится в жилищном законодательстве, общая площадь жилого помещения состоит из суммы площади всех частей такого помещения, включая площадь помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в жилом помещении, за исключением балконов, лоджий, веранд и террас [3]. С.А. Макарова считает, что для доступа к данным помещениям разрешения требоваться не должно, вследствие чего суды при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, запрещают ему выход за пределы домовладения, а не жилища [6, с. 75]. Другими словами, обвиняемый или подозреваемый, в отношении которого избрана рассматриваемая мера пресечения, может свободно передвигаться по земельному участку, где расположен его дом, но не имеет права покидать его пределы. В связи с этим, мы считаем, что определение термина «домашний арест» нуждается в уточнении, и ч. 1 ст. 107 УПК РФ должна быть изложена в следующем виде: «...подозреваемого или обвиняемого в полной либо частичной изоляции от общества в жилом помещении или частном домовладении...».

Помимо прочего, весьма спорным представляется вопрос относительно необходимости при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, выяснения согласия собственника жилья. В.М. Быков неоднократно говорил о необходимости дополнения ст. 107 УПК РФ дефиницией, в соответствии с которой при рассмотрении указного ходатайства, суд должен в обязательном порядке привлекать к процессу рассмотрения дела собственника жилого помещения, в котором будет фактически реализована данная мера пресечения [4, с. 12].

Мы полностью солидарны с мнением ученого-процессуалиста и полагаем, что получение согласия собственника жилого помещения является необходимым. Аргументируем свою позицию тем, что право на неприкосновенность жилища – это одно из основополагающих прав гражданина, отраженное в ст. 25 Конституции РФ [1]. Таким образом, применяя меру пресечения в виде домашнего ареста подозреваемого или обвиняемого против его воли, правоохранительные органы в некоторой степени нарушают указанное право. Таким образом, получение согласия позволит в полном объеме соблюсти права и интересы граждан.

Впрочем, привлечение собственника жилого помещения к судебному процессу представляется нам не вполне целесообразным. Считаем, что будет достаточно письменного согласия или отказа.

В контексте рассмотрения данного вопроса, отметим, что законодатель также закрепил возможность содержания подозреваемого или обвиняемого в лечебном учреждении с учетом его состояния здоровья. При этом, почему-то в законе отсутствует указание на необходимость получения соответствующего согласия у администрации лечебного учреждения, что представляется нам не совсем разумным и законным. Вследствие этого, необходимо дополнить ч. 1 ст. 107 УПК РФ следующими словами: «... С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение *при наличии согласия соответствующего лечебного учреждения*».

Ч. 2 ст. 107 УПК РФ устанавливает момент, с которого начинает исчисляться домашний арест: с момента вынесения судом решения об избрании рассматриваемой меры пресечения [2]. Однако с точки зрения практики будет справедливым утверждение, что между принятием судом решения и вынесением соответствующего постановления проходит значительный промежуток времени. Таким образом, фактически лицо, в отношении которого избрана мера пресечения – домашний арест – находится в этом состоянии гораздо дольше срока, изначально устанавливаемого судом. Таким образом, мы полагаем, что в целях полноценного соблюдения прав и свобод подозреваемого и обвиняемого необходимо исчислять срок домашнего ареста с момента начала его фактической реализации.

Следующей проблемой, на которой нам хотелось бы заострить внимание, является вопрос определения термина «частичная изоляция от общества». Л.А. Воскобитова полагает, что обвиняемый или подозреваемый, в отношении которого избрана данная мера пресечения, может посещать место учебы, лечебные учреждения, то есть фактически продолжает вести прежнюю жизнь [5]. С другой стороны, Р.З. Шамсутдинова считает, что под частичной изоляцией от общества следует понимать определенные ограничения, которые связаны со свободой передвижения лица, в отношении которого избрана данная мера пресечения и не предполагающие возможности свободного передвижения лица, в том числе при посещении учреждений образования и здравоохранения [7, с. 14]. Аргументирует она свою позицию тем, что если обвиняемому или подозреваемому будет предоставлено право посещения указанных образований, то с точки зрения психологии и нравственности он не будет считать себя арестованным, вследствие чего сам смысл назначения домашнего ареста теряется.

Что касается непосредственно действующего законодательства, то вопрос о частичной или полной изоляции лица, подвергнутого домашнему аресту, решается неоднозначно даже с позиций судебной практики. Например, некоторые суды ограничивают возможности перемещения подозреваемого или обвиняемого в полном объеме, устанавливая абсолютный запрет на по-

кидание жилого помещения. Другие ограничивают свободу рассматриваемых лиц в меньшей степени, например, посредством установления запрета на перемещение за пределами жилища с 20 часов до 7 часов ежедневно. Также достаточно часто следователям приходится сталкиваться с ситуацией, когда суды отказывают в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, аргументируя свою позицию тем, что данная мера пресечения «не даст обвиняемому в полной мере заботиться и поддерживать жизнеобеспечение своей семьи».

Мы считаем, что домашний арест должен быть непременно сопряжен с запретом для лица покидать место своего жительства без разрешения следователя или суда, за исключением случаев, когда он является единственным кормильцем семьи.

Обобщая вышеизложенное, мы можем констатировать, что домашний арест как мера пресечения, применяемая в российском законодательстве, несмотря на свое нормативное закрепление и апробированность судебной практикой имеет множество недостатков. На сегодняшний день, в качестве наиболее актуальных совершенствований мы рассматриваем:

1. Изложение ч. 1 ст. 107 УПК РФ должна в следующем виде: «...подозреваемого или обвиняемого в полной либо частичной изоляции от общества в жилом помещении *или частном домовладении...*»;

2. Дополнение ч. 1 ст. 107 УПК РФ следующими словами: «...С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение *при наличии согласия соответствующего лечебного учреждения*»;

3. Уточнение ст. 107 УПК РФ, в соответствии с которой домашний арест должен быть непременно сопряжен с запретом для лица покидать место своего жительства без разрешения следователя или суда, за исключением случаев, когда он является единственным кормильцем семьи.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января; 2014, 7 февраля; 2014, 23 июля.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.03.2017) // Российская газета. – 2001, 22 декабря.
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Парламентская газета. – 2005, 15 января.
4. Быков, В.М. Закон о домашнем аресте подозреваемого и обвиняемого // Юрист. 2012. № 9. С. 10-14.
5. Воскобитова, Л.А. Домашний арест в уголовном процессе РФ // Российский следователь. 2013. № 1. С. 47-52.
6. Макарова, С.А. Мера пресечения в виде домашнего ареста // Право. 2013. № 6. С. 67-73.
7. Шамсутдинова, Р.З. Процессуальные особенности применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Научный альманах. 2015. № 6. С. 12-17.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СУДА

Карпенко А.А.

студент Института прокуратуры,
Саратовская государственная юридическая академия, Россия, г. Саратов

Научный руководитель – доцент кафедры гражданского и семейного права
Саратовской государственной юридической академии, канд. юрид. наук,
доцент Гаврилов В.Н.

В данной статье автор обращает внимание на законодательные пробелы и дискуссионные положения, касающиеся возмещения вреда, причиненного незаконными действиями суда. Положения статей 1069 и 1070 Гражданского Кодекса РФ неоднократно были предметом рассмотрения в высших судебных инстанциях, а также поводом для критики со стороны цивилистического сообщества.

Ключевые слова: судья, правосудие, возмещение вреда, специальная деликтная ответственность, личная ответственность судьи, пробелы в законодательстве.

Статья 53 Конституции РФ закрепляет право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц [1]. В отношении судей предусмотрены специальные условия деликтной ответственности. В ч. 1 ст. 1070 Гражданского Кодекса РФ (далее ГК) возмещение вреда для потерпевшего возможно вне зависимости от вины судьи, а особенность части 2 данной нормы заключается в том, что вина судьи должна быть установлена в уголовном судопроизводстве, то есть вообще за пределами производства по иску о возмещении вреда [2]. Проведя аналогию со ст. 447 ГК РСФСР 1964 г. можно заметить, что современный российский законодатель значительно оградил судейский корпус от чрезмерного давления со стороны потенциальных потерпевших, установив преюдициальный характер его ответственности. Однако не нужно забывать, что Конституционный Суд РФ (далее КС) в своем Постановлении от 25.01.2001 № 1-П указал на то, что суды, рассматривая иски о возмещении государством вреда, причиненного лицу незаконными действиями (или бездействием) суда (судьи) в гражданском судопроизводстве, если они не относятся к принятию актов, разрешающих дело по существу, не должны увязывать конституционное право на возмещение государством вреда непременно с личной виной судьи, установленной приговором суда [3].

Известно, что в силу сложившейся правоприменительной практики доказать вину судьи и добиться в отношении него обвинительного приговора остается трудновыполнимой задачей. Согласно статистике Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, приговоры по статье 305 УК РФ («Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта») выносятся крайне редко. В 2014 году за неправосудные решения судили двух

человек. В 2013 и 2012 годах приговоры по делам о незаконных судебных решениях не выносились. В 2011 году были осуждены четыре человека, а в 2010 году суды вынесли шесть приговоров по статье 305 УК РФ [4]. Чтобы возбудить уголовное дело в отношении судьи, председателю Следственного комитета РФ необходимо получить согласие Квалификационной коллегии судей. Согласно ст. 448 УПК, если речь идет о мировом или федеральном судье, то дать согласие на его уголовное преследование может квалификационная коллегия субъекта РФ, где он работает. Если о председателе суда или судье Верховного суда – Высшая квалификационная коллегия судей [5]. Напомним, что в 2011 году КС вынес значимое постановление, в котором указал, что «ни один судья в Российской Федерации не может подвергаться преследованию за судебное решение, которое вступило в законную силу и не было отменено» [6]. Председатель КС Валерий Зорькин, комментируя вышеуказанное постановление, отметил: «Заведомо неправосудное решение означает умысел судьи. Этот прямой умысел и должен быть доказан. Но если ставится об этом вопрос, то очевидно, что должны быть и доказаны незаконность и неправосудность. Они же могут быть установлены только в предусмотренном порядке: кассацией, апелляцией и надзором. Никакой следователь, никто не может возбудить уголовное дело по этой статье при не отмененном судебном решении» [7].

Одной из причин, по которым добиться обвинительного приговора в отношении судьи становится невозможным, является сложность в доказывании заведомости при вынесении неправосудных приговора, решения или иного судебного акта. В данном случае, служитель Фемиды имеет возможность сослаться на свое внутренне убеждение, которым он руководствовался согласно закону и, тем самым, опровергнуть все собранные против него доказательства. Общественный резонанс вызвало дело судьи Кировского района г. Новосибирска Ирины Глебовой, которая в марте 2011 года восстановила в родительских правах трижды судимого наркомана Евгения Глотова, впоследствии убившего свою двухлетнюю дочь. В ходе рассмотрения заявления Глебова не уточнила фактические обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, а именно личностные характеристики Глотова, изменение его образа жизни, отношение к воспитанию ребенка. Между тем мужчина страдал от наркотической зависимости и ранее был судим. Без заключения и в отсутствие представителей государства, участие которых при рассмотрении таких дел является обязательным, по обстоятельствам гражданского дела судья вынесла заведомо неправосудное решение. По версии следователей, судья приняла положительное решение, не изучив как следует материалы, чтобы повысить свой показатель скорости рассмотрения гражданских дел. При этом для придания решению видимости законного Глебова изложила в нем заведомо ложные сведения об оглашении в судебном заседании заключения прокурора о возможности удовлетворения иска Глотова. Однако, даже при таких обстоятельствах, в итоге Новосибирский областной суд оправдал Глебову, так как обвинение не представило доказательств того,

что она умышленно принимала незаконное решение и желала его вступления в силу. Установлено, что в материалах дела о восстановлении родительских прав имелись все материалы, свидетельствовавшие о том, что отец ребенка перестал употреблять наркотики, устроился на работу, привел в порядок жилище. При этом в решении о восстановлении родительских прав не содержалось требования о передаче ребенка отцу сразу после восстановления его в родительских правах [8].

Дискуссионным остается вопрос о личной ответственности лица, осуществляющего правосудие. Неоднократно различного рода общественные организации и деятели требовали ввести изменения в закон, позволяющие взыскивать лично с судей вред, причиненный их незаконными действиями (бездействием). Подобная идея в 2012 году уже получила поддержку в Итальянском парламенте, что вызвало многочисленные негодования со стороны представителей правоохранительной системы [9]. В Заключении Консультативного совета европейских судей (КСЕС) от 19.10.2012 г., закрепляющем стандарты поведения судей и разъяснение порядка применения к ним ответственности, указано, что лично сами судьи должны быть абсолютно свободны от ответственности по искам, предъявляемым против них, в случае добросовестного исполнения ими своих обязанностей. По мнению КСЕС, судья не должен нести какую-либо личную ответственность в связи с осуществлением судебных функций, за исключением случаев умышленного нарушения [10]. Так, в Чешской Республике государство ответственно за ущерб, причиненный незаконным судебным решением или неправомерным судебным действием, но затем оно имеет право предъявить регрессный иск к судье, если и только после того, как правонарушение судьи установлено в порядке уголовного или дисциплинарного разбирательства [11]. В ч. 3 ст. 1081 ГК РФ так же закреплена возможность Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования в случае возмещения ими вреда, причиненного судьей при осуществлении им правосудия, предъявлять к этому лицу обратное требование, если его вина установлена приговором суда, вступившим в законную силу. На взгляд автора, все идеи по поводу возложения на судью личной ответственности перед потерпевшим основаны на эмоциях и, в случае их реализации, приведут к дискредитации его статуса.

Тем не менее, продолжают оставаться неразрешенными некоторые вопросы. К примеру, исходя из логики закона на все незаконные судебные действия, не связанные с осуществлением правосудия (а именно разрешением дела по существу), должно распространяться общее правило о презумпции вины причинителя вреда (судьи), предусмотренное ч. 2 ст. 1064 ГК. Однако КС в Постановлении от 25.01.2001 № 1-П указал, что «положение о презумпции вины причинителя вреда, предусмотренное п. 2 ст. 1064 ГК, в отношении причинения вреда судебными актами, не разрешающими дело, по существу, не действует». Следовательно, вину судьи в этих случаях должен доказывать потерпевший, что противоречит смыслу гражданского законодательства.

Кроме того, существует пробел при возмещении вреда в случае прекращения уголовного дела в отношении судьи по нереабилитирующим основаниям. Если в отношении судьи возбуждено уголовное дело, однако оно прекращено на стадии предварительного расследования вследствие акта амнистии (или, например, смерти судьи), потерпевший лишается возможности получить компенсацию причиненного вреда, поскольку вынесение приговора в отношении виновного судьи становится невозможным.

Таким образом, несмотря на подробное и обоснованное Постановление КС № 1-П, принятое уже 16 лет назад, все еще остаются без разрешения вопросы, связанные с правом на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями суда. Более того, стоит признать, что за долгое время в судебском корпусе сложилась некая «корпоративная солидарность», в результате которой привлечение судьи к уголовной ответственности за неправоудное решение или иной акт становится невозможным, так как «сор из избы принято не выносить», и своих принято наказывать лишь на дисциплинарном уровне.

Список литературы

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26 января 1996 № 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.01.2016) // «Собрание Законодательства РФ», 29.01.1996, № – 5, ст. – 410; 2016, № – 22, ст. – 3094.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 N 1-П "По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова" // "Вестник Конституционного Суда РФ", № 3, 2001.
4. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 28.02.2017).
5. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.10.2011 № 23-П "По делу о проверке конституционности положений статей 144, 145 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина С.Л. Панченко" // «Собрание Законодательства РФ». 2011. № 44, ст. 6319.
7. Шиняева Наталья. «КС запретил преследовать судью за неотмененное решение» // URL: <https://pravo.ru/review/view/62662/> (дата обращения 28.02.17).
8. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 25.06.2013 N 67-АПУ13-5 // СПС «Консультант-Плюс» URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=342841#0> (дата обращения 28.02.17).
9. «Итальянские судьи готовятся к забастовкам» // URL: <http://www.zasudili.ru/news/?ID=1991> (дата обращения 26.02.2017).

10. Официальный сайт Совета Европы // URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?p=&id=1050737&Site=COE&direct=true> (дата обращения 26.02.2017).

11. Закон № 82/1998 Coll. об ответственности за ущерб, причиненный должностными лицами государственных органов в результате решения или неправомерной официальной процедуры // URL: <http://www.czechlegislation.com/ru> (дата обращения 26.02.2017).

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кузнецов С.Д.

студент 3 курса Юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, г. Белгород

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права и процесса НИУ «БелГУ», к.ю.н. Лукьянчикова Е.Ф.

В настоящей статье раскрываются проблемы, с которыми сталкивается правоприменитель в уголовном судопроизводстве. При их рассмотрении были предложены возможные меры для решения существующих проблем, которые реализуются с помощью законодательного закрепления соответствующих норм.

Ключевые слова: освидетельствование, следственные действия, процессуальные действия.

Освидетельствование является одним из новейших институтов уголовно-процессуального права. Однако несмотря на закрепление порядка проведения данной процедуры в законе, по-прежнему дискуссионным остается вопрос относительно его содержания. Более того, неоднозначность в понимании обусловлена тем, что с одной стороны освидетельствование рассматривается как процессуальная категория в качестве самостоятельного следственного действия, а с другой – как категория криминалистическая. В этом случае освидетельствование выступает как разновидность осмотра.

Акцентируем внимание, что посредством освидетельствования может быть получена информация, имеющая принципиальное значение для уголовного дела, в то время как само следственное действие во многом ограничивает права и законные интересы освидетельствуемого лица (подозреваемого или обвиняемого).

Освидетельствование – это следственное действие, закрепленное в ст. 179 УПК РФ, заключающееся в осмотре обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего или свидетеля, чтобы установить на их теле следы преступления (различных повреждений, шрамов, пятен крови и т.п.) или наличие особых примет (например, дефектов телосложения, татуировки и др.) [1].

Одной из наиболее актуальных проблем производства освидетельствования является вопрос относительно участия врача в производстве след-

ственного освидетельствования. Имеется в виду, что на сегодняшний момент в случае, если при производстве освидетельствования необходимо присутствие врача, то следователь вправе пригласить любого специалиста в области медицины вне зависимости от его специализации. На наш взгляд, это положение не соответствует реальной действительности, так как каждый врач является специалистом преимущественно в своей области, и полагать, что он в совершенстве будет знать все медицинские аспекты как минимум глупо.

В практике встречаются весьма курьезные случаи. Так, в 2006 году в производстве одного из следственных отделов Следственного комитета РФ находилось уголовное дело по факту причинения тяжких телесных повреждений гражданину Н. Потерпевший при допросе указал, что лица нападавшего на него преступника не видел, но перед тем, как потерять сознание, успел нанести ему несколько ударов кулаками.

По подозрению в совершении преступления был задержан гражданин Г.. Подозреваемый свою вину отрицал. Было вынесено постановление о производстве освидетельствования, для чего следователь пригласил врач-стоматолога, так как ввиду занятости больница не смогла предоставить иного специалиста. Врач констатировал на теле подозреваемого наличие поврежденных мягких тканей, давность которых оценил в 7-8 дней, что совпало со временем совершения преступления.

Однако адвокат подозреваемого оспорил результаты освидетельствования в судебном порядке, указав, что врач-стоматолог, несмотря на наличие медицинского образования, не является компетентным в данном вопросе и ходатайствовал о проведении освидетельствования специалистом в области судебной медицины. Ходатайство было удовлетворено, и было установлено, что ушибы мягких тканей обладают большей давностью и не могли быть оставлены потерпевшим [3, с. 38].

Данный пример наглядно иллюстрирует, насколько важен грамотный выбор специалиста для производства освидетельствования, что напрямую обеспечивает право подозреваемого на соблюдение его законных интересов.

К сожалению, данные случаи не единичны, в связи с чем, мы считаем необходимым конкретизировать ч. 3 ст. 179 УПК РФ, изложив ее в следующем виде: «Освидетельствование производится следователем. При необходимости следователь привлекает к участию в производстве специалиста в области судебной медицины». Ограничение круга специалистов-медиков, которые могут привлекаться к производству освидетельствования, позволит в полной мере обеспечить безопасность освидетельствуемого лица от некачественного производства следственного действия.

Помимо вышеизложенного, активные дискуссии вызывает вопрос относительно производства освидетельствования до возбуждения уголовного дела. В частности, ч. 1 ст. 179 УПК РФ гласит, что в случаях, не терпящих отлагательства, освидетельствование может быть проведено до возбуждения уголовного дела. Как справедливо отметила В.М. Харзинова, возникает спорный момент: а может ли следователь вынести постановление о произ-

водстве освидетельствования согласно общим нормам УПК РФ? Как утверждает ученый, это невозможно, так как до возбуждения уголовного дела еще не существует ни потерпевшего, ни подозреваемого, ни свидетеля [4, с. 2].

Другими словами, фактически отсутствуют те процессуальные фигуры, в отношении которых может быть проведено рассматриваемое следственной действие. Более того, мы не можем не согласиться с тем, что освидетельствование представляет собой следственное действие, непосредственно связанное с процессуальным принуждением, применение которого допустимо лишь после возбуждения уголовного дела.

Выходом из данной ситуации, на наш взгляд, является проведение медицинского освидетельствования, которое отличается от освидетельствования следственного по следующим признакам:

- Оно осуществляется органами здравоохранения и не регламентировано уголовно-процессуальным законодательством;
- Следственное освидетельствование носит поисковый характер, в то время как медицинское – преимущественно поисково-исследовательский.

Помимо прочего, существенным отличием медицинского освидетельствования от следственного является то, что первое проводится врачом, а второе – следователем.

Мы полагаем, что производить медицинское освидетельствование до возбуждения уголовного дела необходимо для установления наличия каких-либо телесных повреждений, а также выявления состояния алкогольного, наркотического, токсического и иного опьянения. При этом итоги медицинского освидетельствования должны быть занесены в соответствующий протокол [2, с. 17]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что до возбуждения уголовного дела считаем необходимым проведение только медицинского освидетельствования, в то время как после уже появляются процессуальные основания для производства следственного освидетельствования. Аргументируем свою позицию тем, что до возбуждения дела отсутствуют участники, в отношении которых освидетельствование может быть осуществлено, вследствие чего считаем его осуществление нецелесообразным ввиду явного несоответствия правовой нормы реалиям следственной практики.

Таким образом, мы полагаем, что ч. 1 ст. 179 УПК необходимо изложить следующим образом: «В случаях, не терпящих отлагательства, может быть произведено *медицинское* освидетельствование».

Резюмируя вышеизложенное, мы можем констатировать, что освидетельствование как следственное действие имеет ряд существенных недостатков в аспекте его уголовно-процессуальной регламентации. В частности, не урегулирован вопрос относительно квалификации приглашаемого специалиста-медика и целесообразности и процессуальной возможности проведения освидетельствования в случаях, не терпящих отлагательства, до возбуждения уголовного дела.

На основании проведенного исследования, считаем необходимым внести следующие коррективы в ст. 179 УПК РФ:

- Конкретизировать ч. 3 ст. 179 УПК РФ, изложив ее в следующем виде: «Освидетельствование производится следователем. При необходимости следователь привлекает к участию в производстве специалиста в области судебной медицины».

- Изложить ч. 1 ст. 179 УПК следующим образом: «В случаях, не терпящих отлагательства, может быть произведено *медицинское* освидетельствование».

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.12.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2001, 1 января.

2. Рыжаков А.П. Правовая основа освидетельствования на стадии предварительного расследования // Государство и право. – 2012. – № 1. – С. 14-22.

3. Торбин Ю.Г. Защита прав личности при производстве освидетельствования // Закон. – 2013. – № 8. – С. 35-41.

4. Харзинова В.М. Проблемы производства освидетельствования // Юрист-правовед. – 2015. – № 5. – С. 1-6.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И ЕГО ВИДЫ

Кузьмина В.С.

студентка Института права и национальной безопасности,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук, доцент,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

В данной статье рассматривается земельный контроль за соблюдением земельного законодательства, требований охраны и использования земель организациями независимо от их организационно правовых норм и форм собственности.

Ключевые слова: земля, государственное регулирование земельных отношений, Земельный кодекс, земельный контроль, предупредительный, текущий, последующий государственный контроль, муниципальный земельный контроль, производственный земельный контроль, кадастр.

Законодательство о земельной реформе предоставляет собственникам, землевладельцам, землепользователям, арендаторам широкие права по самостоятельному хозяйствованию на земле. Такая деятельность не должна, как указано в ст. 36 Конституции РФ [1], наносить ущерб окружающей природной среде и нарушать права и законные интересы иных лиц. Государственное регулирование земельных отношений, право собственности на землю и вещные права на неё являются основой жизнедеятельности общества [10, с. 213].

«Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) [2] предусматривает один вид контроля (государственный) за использованием и охраной земель. Статья 71 Земельного кодекса Российской Федерации [2] определяет понятие государственного земельного контроля, в которой указано, что специально уполномоченными государственными органами осуществляется государственный земельный контроль за соблюдением земельного законодательства, требований охраны и использования земель организациями независимо от их организационно-правовых норм и форм собственности, их руководителями, должностными лицами, а также гражданами. Земельный контроль – контроль за соблюдением земельного законодательства, требований охраны и использования земель организациями независимо от их организационно-правовых норм и форм собственности, их руководителями, должностными лицами, а также гражданам, дифференцировав его по видам на государственный, муниципальный, общественный и производственный. От целей и времени государственного контроля относительно контролируемого действия различают: предупредительный, текущий и последующий государственный контроль.

Предупредительный контроль осуществляется на этапе проектирования и планирования деятельности, связанной с использованием земель и воздействием на состояние земель, и нацелен на предупреждение возможных нарушений земельного законодательства в процессе реализации проекта.

В процессе реализации деятельности, связанной с землепользованием и воздействием на состояние земель, осуществляется текущий контроль. Его задача – регулярные проверки хозяйственной и иной деятельности на предмет ее соответствия требованиям земельного законодательства и условиям индивидуальных разрешительных документов.

Последующий государственный контроль подразумевает действия государственных контрольных органов и уполномоченных лиц по оформлению правонарушений и привлечению совершивших их лиц к юридической ответственности.

Государственный земельный контроль возложен на специально уполномоченные государственные, муниципальные, общественные и производственные. Они контролируют соблюдение земельного законодательства, требований охраны и использования земель всеми организациями (независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности), их руководителями, должностными лицами, а также гражданами. Земельный контроль осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации и в порядке, установленном Правительством РФ. В соответствии с п. 11 ст. 71 Земельного кодекса Российской Федерации [2] в настоящее время действует Постановление Правительства РФ от 02.01.2015 N 1 (ред. от 15.12.2016) «Об утверждении Положения о государственном земельном надзоре» [5]. Осуществление государственного земельного контроля возложено прежде всего на Федеральную службу земельного кадастра России

(Росземкадастр), утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 25.12.2008 г. № 1847 «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии» [3]. Полномочия которой предусмотрены в Постановлении Правительства РФ от 01.06.2009 N 457 (ред. от 15.02.2017) «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии» (вместе с «Положением о Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии») [6].

В пределах своих полномочий Росземкадастр имеет право:

1) проводить проверки использования земель (независимо от их ведомственной принадлежности) и видов прав на земельные участки, достоверности сведений, вносимых в кадастровую документацию, давать обязательные для исполнения юридическими и физическими лицами предписания об устранении нарушений земельного законодательства;

2) в установленном порядке привлекать к административной ответственности лиц, виновных в нарушении земельного законодательства, рассматривать дела об административных правонарушениях и налагать административные взыскания, либо направлять материалы о нарушении земельного законодательства в правоохранительные органы и суды;

3) в установленном порядке приостанавливать промышленное, гражданское и другое строительство, разработку месторождений полезных ископаемых, эксплуатацию объектов, проведение агрохимических, лесомелиоративных, геологоразведочных, геодезических и иных работ, если они осуществляются с нарушением земельного законодательства, установленного режима использования земель, ведут к их загрязнению и заражению, порче плодородного слоя, засолению, заболачиванию, развитию эрозии почв и другим видам деградации земель;

4) при осуществлении государственного контроля за использованием и охраной земель проверять организации (в том числе в установленном порядке режимные), составлять протоколы по результатам проверок;

5) запрашивать, в установленном порядке у федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц информацию, необходимую для решения возложенных на Росземкадастр задач.

Определенные функции по контролю за рациональным использованием и охраной земель осуществляют некоторые другие федеральные органы и их органы на местах. Так, определенные полномочия возложены на Министерство природных ресурсов РФ. Положением о Министерстве природных ресурсов Российской Федерации, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 22.07.2004 N 370 «Об утверждении Положения о Министерстве природных ресурсов Российской Федерации» [7]. Данное Министерство формирует систему особо охраняемых природных территорий, осуществляет государственное управление и государственный контроль в области организации и функционирования государственных природных заповедников, националь-

ных парков и иных особо охраняемых природных территорий, находящихся в его ведении.

Министерство здравоохранения РФ и центры государственного санитарно-эпидемиологического надзора в пределах своих полномочий осуществляют контроль за выполнением санитарных правил, гигиенических нормативов, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий при размещении объектов промышленности, выборе земельных участков под строительство, планировке и застройке населенных пунктов, установлении санитарно-защитных зон промышленных организаций.

Государственный комитет РФ по строительству и жилищно-коммунальному комплексу организует в пределах своей компетенции контроль за рациональным использованием и охраной земель в городах и сельских поселениях. Он издает инструкции о порядке проведения такого контроля (Постановление Правительства РФ от 18 ноября 2013 г. N 1038 «О Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации») [8].

Муниципальный земельный контроль возложен на местные органы самоуправления. В соответствии с ЗК (ст. 72 ЗК РФ) и Законом от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4] (ст. 6) местные органы самоуправления наделены общими полномочиями по контролю за использованием земель на территории муниципальных образований, что включает соответственно их право контролировать использование не только муниципальных земель, но и земель, принадлежащих государству, физическим и юридическим лицам.

Они также уполномочены осуществлять общий контроль за соблюдением законодательства РФ о градостроительстве. Кроме того, в целях выполнения государственного контроля предусматривается взаимодействие государственных органов с местными органами самоуправления, в том числе в области мониторинга, экспертизы некоторых проектов. Однако ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4] о полномочиях органов местного самоуправления в области регулирования и контроля за использованием земель не находящихся в собственности органов местного самоуправления, умалчивает [11, с. 261]. Общественный земельный контроль законом возложен на органы территориального самоуправления [2], другие общественные организации (объединения) и граждан. Они контролируют порядок подготовки и принятия исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления решений, затрагивающих права и законные интересы граждан и юридических лиц, предусмотренные земельным законодательством, и соблюдение установленных правил использования и охраны земель.

Производственный земельный контроль осуществляется собственником земельного участка, землепользователем, землевладельцем, арендатором земельного участка в ходе осуществления хозяйственной деятельности на земельном участке.

Предметом производственного контроля является проверка правильности использования и охраны земли в пределах территории земельного участка, принадлежащего правообладателю на любом вещном праве.

Лица, использующие земельный участок, обязаны представлять сведения об организации производственного земельного контроля специально уполномоченному органу государственного земельного контроля. Порядок предоставления таких сведений устанавливает Правительство РФ.

Весь порядок взаимодействия органов государственного земельного надзора с органами, осуществляющими муниципальный земельный контроль, регламентировано постановлением Правительства РФ от 26.12.2014 N 1515 «Об утверждении Правил взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих государственный земельный надзор, с органами, осуществляющими муниципальный земельный контроль» [9].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ), Собрании законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017), Собрание законодательства РФ, 29.10.2001, N 44, ст. 4147.
3. Указ Президента РФ от 25.12.2008 N 1847 (ред. от 21.05.2012) «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии», Российская газета от 22.05.2012 г.
4. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2017), Российская газета от 08.10.2003 г., официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> – 29.12.2016 (дата обращения 21.03.2017).
5. Постановление Правительства РФ от 02.01.2015 N 1 (ред. от 15.12.2016) «Об утверждении Положения о государственном земельном надзоре». Собрание законодательства РФ, N 2, 12.01.2015, ст. 514, официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> – 19.12.2016 (дата обращения 21.03.2017).
6. Постановление Правительства РФ от 01.06.2009 N 457 (ред. от 15.02.2017) «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии» (вместе с «Положением о Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии»). Собрание законодательства РФ, 22.06.2009, N 25, ст. 3052, официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> – 17.02.2017 (дата обращения 22.03.2017).
7. Постановление Правительства РФ от 22.07.2004 N 370 «Об утверждении Положения о Министерстве природных ресурсов Российской Федерации», Собрании законодательства РФ – 28.05.2007.
8. Постановление Правительства РФ от 18.11.2013 N 1038 (ред. от 10.02.2017) «О Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации» (вместе с «Положением о Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации»), Собрание законодательства РФ, 25.11.2013, N 47, ст. 6117, официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> – 15.02.2017 (дата обращения 23.03.2017).

9. Постановление Правительства РФ от 26.12.2014 N 1515 «Об утверждении Правил взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих государственственный земельный надзор, с органами, осуществляющими муниципальный земельный контроль». Собрание законодательства РФ, 05.01.2015, N 1 (часть II), ст. 298.

10. Булгаков В.В. Понятие правовых форм использования земель. Вестник ТГУ, выпуск 6 (122), 2013 С.213.

11. Булгаков В.В. Актуальные проблемы государственного рыночного регулирования оборота земель сельскохозяйственного назначения. Вестник ТГУ, выпуск 6 (110), 2012. С. 261.

12. Чубуков Г.В. Земельное право России: учебник для студентов ВУЗов, обучающихся по специальности "Юриспруденция" – М.: Издательство г-на Тихомирова М.Ю., 2002 – 328 с.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ПОЛУЧЕНИЕ БЕСПЛАТНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Кулешова Н.В.

доцент кафедры конституционного и муниципального права,
канд. юрид. наук, доцент, Сибирский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Новосибирск

Корнюкова Д.В.

магистрант кафедры конституционного и муниципального права,
Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Россия, г. Новосибирск

В статье рассматриваются современные проблемы обеспечения лекарственными препаратами людей, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями. В условиях мирового финансово-экономического кризиса повсеместно появляется информация о случаях нарушения прав граждан на обеспечение лекарственными препаратами за счет средств бюджета, следовательно, нарушаются конституционные права граждан на получение бесплатной медицинской помощи. В статье обобщаются меры и мероприятия, способные положительно сказаться на качестве российского законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: медицинская помощь, редкие (орфанные) заболевания, орфанные лекарственные средства.

Сложная социально-экономическая обстановка и общественно-политические условия в нашем государстве, которые практически не перестают быть таковыми со времен перехода нашего государства к рыночным условиям хозяйствования, формирования демократического государства, складывания новых социально-политических реалий, не позволяет полноценно провести задуманные Правительством РФ конституционные реформы.

Системным кризисом оказались поражены практически все сферы жизнедеятельности нашего общества, в числе которых – система здравоохранения. Каждый экономический кризис сопровождается снижением уровня социальной безопасности населения, выражающимся в падении жизненного уровня, значительном ухудшении состояния здоровья россиян, падении показателей рождаемости, и, напротив, положительной динамике по инвалидности и смертности, общем сокращении продолжительности жизни.

Из-за дефицита финансовых ресурсов уровень удовлетворения потребностей российских граждан в медицинской помощи, оказываемой в соответствии с Конституцией РФ бесплатно, существенно снизился.

В связи с этим в социальной сфере появилась необходимость решения чрезвычайно сложной задачи, связанной с разработкой современной российской модели эффективного управления, адекватной рыночным отношениям и позволяющей повысить доступность и качество медицинской помощи для всех слоев населения независимо от места проживания.

Поскольку рамками одной статьи невозможно охватить все проблемы, которые складываются в сфере обеспечения населения бесплатной медицинской помощью, мы хотели бы приурочить изложение к Международному дню редких заболеваний (последний день февраля) рассмотреть вопрос лекарственного обеспечения за счет бюджетных средств, что предусмотрено ст. 44 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ [1].

По состоянию на начало 2017 года в Новосибирской области зафиксировано около 350 случаев редких заболеваний, при этом порядка 50% приходится на детей [2]. По сведениям экспертов, в качестве наиболее часто встречающегося в нашей области заболевания выступает фенилкетонурия, в результате которого происходит нарушение обмена фенилаланина, при котором пациенту необходимо получать особое питание (данный диагноз зафиксирован у 80 новосибирцев).

Громкая история с нашим земляком, тринадцатилетним Сергеем, страдающим мукополисахаридозом 6-го типа, для которого в конце 2016 года Новосибирская область ввиду отсутствия на то денежных средств в бюджете закупила лекарства только после вмешательства Минфина РФ, несмотря на просьбы матери ребенка, а также поручения Минздрава РФ [3], ставит на повестку дня задачу коренного пересмотра российского законодательства в данной области.

СМИ сообщают, что в Казани родители детей, страдающих орфанными (редкими) заболеваниями вынуждены судиться, чтобы получить положенные их детям по закону лекарства [4].

Нетрудно заметить, что за прошедшие несколько лет законодательство в сфере обращения лекарственных средств претерпело достаточно существенные изменения. И законодатель, и исполнительная власть много поработали в направлении изменения и некоторого улучшения, регулирующего отрасль законодательства.

Невзирая на многочисленные и порой вопиющие недоработки и пробелы в правовом регулировании отрасли, все же вектор направленности произ-

веденных властью изменений можно оценить в целом как положительный. Но, несмотря на отмеченные негативные аспекты, состояние российского законодательства об обращении лекарственных средств по-прежнему едва ли можно назвать даже удовлетворительным.

Впрочем, то же самое сегодня можно сказать и о состоянии значительного большинства отраслей российского законодательства, так что правовые отношения в фармацевтической отрасли, по свидетельству теоретиков, не выглядят особенно отсталыми на общем фоне.

Вряд ли можно было ожидать, что всего за полтора-два десятка лет коренной ломки и радикального реформирования общественных и хозяйственных отношений уровень правовой культуры страны или хотя бы уровень правового регулирования отдельных отраслей хозяйственной деятельности достигнет соответствующего уровня ведущих мировых держав.

На сегодняшний день можно заметить, что особенно остро стоит проблема повышения качества механизма предоставления лекарственных препаратов лицам, страдающим редкими (орфанными) заболеваниями [5, с. 176].

Как нам представляется, в данной сфере можно дать ряд рекомендаций теоретического и практического характера.

Во-первых, необходимо предусмотреть в законодательстве дефиницию термина «орфанный препарат». К слову сказать, что само понятие «дефиниция» представляет собой определение некоторого термина, в котором раскрывается его содержание, а также характеризующие его логическую структуру элементы и образующие его сущность признаки.

К примеру, названное ранее понятие можно было бы определить в качестве фармацевтического препарата, предназначенного для целей диагностики, а также профилактики и лечения орфанных заболеваний.

Также законодательством требуется установить специальный порядок регистрации таких лекарственных средств.

Во-вторых, в положениях федерального законодательства должна получить закрепление процедура, при которой регистрация лекарственных препаратов, применимых для целей лечения редких болезней, будет проводиться в упрощенном порядке.

В-третьих, с опорой на накопленный в соответствующей сфере зарубежными странами опыт необходимо закрепить в положениях федерального законодательства систему мотивации российских фармакологических компаний на производство таких орфанных препаратов.

В-четвертых, в пределах Российской Федерации, а также на территории Новосибирской области должен быть сформирован механизм гибкого мониторинга складывающейся на соответствующей территории ситуации вокруг редких заболеваний.

В-пятых, субъектам Федерации, в частности, Новосибирской области, не достаточно собственных бюджетных средств для обеспечения всех проживающих на соответствующей территории лиц, которые страдают орфанными заболеваниями, лекарственными средствами, ввиду чего должна быть

предусмотрена и реализована система межбюджетных трансфертов, позволяющая оперативно переводить денежные средства из федерального бюджета в соответствующий бюджет субъекта Федерации в целях надлежащего исполнения полномочий в данной сфере.

Резюмируя изложенное, можно сказать, что решение перечисленных выше проблем станет первым серьезным шагом по созданию специального механизма эффективного предоставления всем нуждающимся в них орфанных лекарственных препаратов в рамках реализации российскими гражданами права на бесплатную медицинскую помощь.

Список литературы

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Российская газета. № 263. 23.11.2011.
2. В Новосибирской области зарегистрировано 350 случаев редких заболеваний. URL: <https://sibmeda.ru/news/sovremennaya-meditsina/eksperty-rasskazali-о-rasprostranennosti-redkikh-zabolevaniy-v-novosibirskoy-oblasti/> (дата обращения: 20.03.2017).
3. Хроническая недостаточность. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3206428> (дата обращения: 21.03.2017).
4. Родители детей с редкими заболеваниями судятся, чтобы получить лекарства. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1675777/> (дата обращения: 17.03.2017).
5. Подвязникова М.В. Лекарственное обеспечение лиц, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями // Российский юридический журнал. 2014. № 3. С. 174-185.

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ СИЛА ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ТЕОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Лягин К.А.

ассистент кафедры теории и истории государства и права,
Университет управления «ТИСБИ», Россия, г. Казань

Сафина Э.И.

студентка 1 курса юридического факультета,
Университет управления «ТИСБИ», Россия, г. Казань

В статье рассматриваются современные подходы к пониманию права и его воспитательных функций, обоснование которых должно исследоваться прежде всего с учетом актуальных проблем в данной области, а также интересов и потребностей государства.

Ключевые слова: право, правовое воспитание, функции права, права и свободы человека и гражданина.

В современном обществе мы часто сталкиваемся с различными подходами и точками зрения на то, что такое есть право, с каких сторон рассматривается данное понятие, какое значение мы вкладываем в суть этого термина. Этому посвящается значительная часть современных исследований теории права и государства.

Степаненко Р.Ф. рассматривает право в трех ипостасях: как позитивное право (закон), естественное право (природные права и свободы человека) и идеальное право – справедливая и разумная мера равенства и свободы. Такое широкое понимание права автор рассматривает и изучает при помощи междисциплинарного подхода, используемого современной фундаментальной юриспруденцией [2, с. 110].

Корельский В.М. и Перевалов В.Д. в свою очередь определяют право, как «выражающую свободу личности систему регулирования общественных отношений, которой присущи нормативность, формальная определенность в официальных источниках и обеспеченность возможностью государственного принуждения» [4, с. 231].

Восприятие и отношение человека к праву зависит от его правового сознания. Правовое сознание представляет собой совокупность взглядов, идей концепций, оценок, чувств, эмоций людей в отношении всей юридической действительности, демонстрирующей сегодня как позитивные, так и негативные стороны [3, с. 213].

На основании вышесказанного, мы можем отметить, что в российском современном обществе правовое воспитание граждан должно становится общегосударственной задачей, так как показатели и качество правовой воспитанности граждан напрямую влияют на развитие страны, особенно это важно для развития правового государства, цель построения которого провозглашается в статье 1 Конституции Российской Федерации.

Положительное отношение граждан к праву появляется путем формирования правосознания личности. Правильное воспитание каждого отдельного лица ведет к созданию культурно развитого, социально активного и законопослушного общества.

Правовое воспитание – это есть комплексное и системное, воздействие на личность, в целях формирования у нее высокого уровня правосознания, готовности к правовому сотрудничеству с согражданами и государством, высокой правовой культуры.

К воспитательной функции права, по нашему мнению, можно отнести обучающий смысл права. Право обязано содействовать обеспечению культуры в обществе, возвращать почтение к Конституции Российской Федерации – как Основопологающему закону нашего государства, к иным различным законам и подзаконным актам, которые принимаются на территории нашей страны. Воспитательная роль права состоит, прежде всего в формировании у граждан правильного понимания права, в развитии идеи о том, что любой человек имеет право существовать и развиваться, а также уважения к действующему законодательству.

Идеологическое воздействие на правосознание общества, означает правовое воспитание и развитие общественного правосознания индивидов и их групп при помощи как юридического образования и просвещения, так и правовой правоприменительной деятельности.

Иоффе А.Н. дает определение правовое воспитание личности, как «целенаправленную, систематическую деятельность государства, его органов и

служащих, общественных объединений и трудовых коллективов по формированию и повышению правового сознания и правовой культуры» [4]. Исходя из этого определения, можно сделать вывод, что сущность правового воспитания составляют целенаправленная деятельность государства, общественных организаций, отдельных граждан по передаче юридического опыта, систематическое правовое воздействие на сознание и поведение человека в целях формирования позитивных представлений, взглядов, установок, которые бы позволили соблюдать, использовать и исполнять должным образом нормы права.

Благодаря воспитательной функции права, граждане становятся более грамотными как в политической, социально-экономической, культурной, правовой, так и в других сферах деятельности государства. Так же эта функция способствует повышению политической и правовой активности, систематическому участию граждан в выборах и на референдумах, что позволяет характеризовать российское государство как правовое и демократическое.

Воспитательная роль права опосредуется двумя способами. К первому способу относится правовое ограничение (например: наложение санкций), ко второму можно отнести такой способ как правовые стимулы (мотивация).

Хочется отдельно остановить внимание на понимании правовых стимулов. На наш взгляд, такой способ формирования у граждан правового воспитания с одной стороны, может привести к законопослушному поведению, с другой – данный способ может формировать уважение к праву и законам, к соблюдению предписанных норм только через приобретение какой-либо личной выгоды. По нашему мнению, данная проблема должна более подробно изучаться теорией права и государства.

В заключении отметим, что результатом воздействия воспитательной функции права является правомерное поведение гражданина, соблюдение им Конституции Российской Федерации и действующего российского законодательства. Данная функция способствует повышению политической и правовой активности граждан, сознательному их участию в выборах, референдуме. Воспитательная сила права заключается в первую очередь, в том, что изучая и познавая право во всех его проявлениях, постепенно повышается уровень правосознания граждан. Это однозначно положительно влияет на все остальные функции современного российского государства и права. Чем больше воздействует право на поведение индивидов, тем выше развитие правового государства и уровень общественных отношений, что отмечается в современных работах по теории права и государства [1, с. 382].

Список литературы

1. Лягин К.А. Основные направления современной правовой политики России. Инновационные подходы в системе высшего профессионального образования. Материалы итоговой научно-практической конференции преподавателей и аспирантов. Под редакцией Ф.Г. Мухаметзяновой, 2015. С. 382-386.
2. Степаненко Р.Ф. Методология междисциплинарности в общеправовой теории маргинальности. В сборнике: Гармонизация подходов в исследованиях и обучении праву. Жидковские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции. российский уни-

верситет дружбы народов; Институт государства и права РАН. 2015. С. 110-117; Степаненко Р.Ф. проблемы правопонимания в исследовательских практиках общеправовой теории маргинальности: опыт методологии междисциплинарности. Право и государство: теория и практика. 2015 (№6) (126). С. 25-33.

3. Степаненко Р.Ф., Кузьмин Р.И. Правовой идеализм и воспитательная сила права / Материалы XII Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения». – Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2015. – С. 213-219.

4. Теория государства и права: учебник для ВУЗов / Под общей редакцией В.М. Корельского, В.Д. Первалова. Москва. 2002. С. 231.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НОТАРИАЛЬНОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ СДЕЛОК С ЗЕМЕЛЬНЫМИ УЧАСТКАМИ

Маяковский О.А.

магистрант, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия, г. Москва

В статье уделено внимание вопросам непризнания значимости правоподтверждающих и правоустанавливающих документов, имеющих недостатки, в нотариальной практике при проверке у сторон сделки прав на ее совершение. В связи с этим ставится проблема осуществления нотариусом контроля при удостоверении сделок с земельными участками.

Ключевые слова: нотариус, нотариальная форма сделки, нотариальное удостоверение, удостоверение сделок, договор, земельные участки.

В условиях дальнейшего развития и расширения гражданского оборота земельных участков, его усложнения нотариальная форма удостоверения сделок неизбежно продолжает оставаться одним из его важных регуляторов, обеспечивающих стабильность функционирования оборота недвижимости и законность совершаемых с нею сделок.

В связи с реформами российского законодательства последних лет, их продолжением, подготовкой проекта об основах законодательства о нотариате и нотариальной деятельности указанная тема вызывает все больший интерес, так как в условиях рыночной экономики возрастает значение правовых институтов, осуществляющих превентивную защиту прав и законных интересов участников гражданского оборота.

Так, Гражданский кодекс Российской Федерации и проект закона о нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации устанавливает новые понятия нотариальной формы удостоверения сделок, их свойств, средств доказательств, применяемых для фиксации нотариальных действий, вводит дополнительные нотариальные гарантии обеспечения исполнения сделок и расчетов по ним и т. д.

Анализ понятия нотариальной формы удостоверения сделки, данный в ст. 163 ГК РФ, ориентирует на определение нотариальной формы сделки только через описание процедуры нотариального удостоверения. Это обстоя-

тельство требует более глубокого раскрытия указанного понятия не только с процедурной стороны, но и с материально-правовой составляющей, что дает возможность эффективно использовать его для исследования понятия, нотариальной формы удостоверения сделок с земельными участками.

Выяснение сущности и содержания нотариального удостоверения сделки с земельным участком в соответствии с действующим законодательством раскрывает элементы рассматриваемого нотариального действия как сложного, состоящего из ряда последовательных и самостоятельных этапов, которые отсутствуют при совершении других, более простых нотариальных действий. Это может касаться территориальной и предметной компетенции лиц, удостоверяющих сделки с земельными участками, обязательных и добровольных оснований их нотариального удостоверения, юридических фактов, носящих правоподтверждающий характер в отношении земельных участков и т. д.

Решение перечисленных задач позволяет лучше уяснить полномочия нотариуса по проверке, разъяснению и удостоверению действий в ходе производства по нотариальному удостоверению сделки с земельным участком, которая проверяется нотариусом на ее соответствие закону. В связи с этим необходимо исследование и вопросов проверки законности сделок.

Кроме того, нотариальная форма удостоверения сделки с земельным участком как недвижимым имуществом предполагает особые правила по выявлению правового значения сделок, совершаемых в указанной форме, а также определению момента заключения таких сделок, их действительности.

Изложенное позволяет утверждать, что проблемы нотариального удостоверения сделок с земельными участками как объектами права собственности граждан являются актуальными и значимыми для юридической науки и практики.

С точки зрения гражданского права причина обращения к нотариусу является мотивом, который по общему правилу не имеет значения. Однако придание сделке нотариальной формы означает более серьезное отношение сторон к мотивам совершения сделки, поэтому не имеет запретов указание мотива обращения к нотариусу в нотариально удостоверенном соглашении сторон.

Некоторые сделки, требующие обязательного нотариального удостоверения в силу закона или соглашения, получили дополнительное освещение для их более глубокого понимания. Это содействует тому, чтобы при совершении нотариального действия было обеспечено соответствие сделок закону.

Не допускается совершение через представителя сделки, которая по своему характеру может быть совершена только лично, а равно других сделок, указанных в законе. К сделкам, носящим исключительно личностный характер, относятся, например, завещания, брачные договоры. Представляется, что нельзя заключить по доверенности договор пожизненного содержания с иждивением.

Не может быть придана нотариальная форма простому письменному договору по заявлению одной из сторон сделки, обратившейся к нотариусу.

Если в период между заключением договора в простой письменной форме и приданием ему нотариальной формы законодательство изменилось, то нотариус не нарушит требование о соблюдении законности сделки, если будет оценивать условия ее заключения в соответствии с законом, действовавшим в момент совершения сделки, а не нотариального действия.

В ходе нотариального удостоверения совершаемой сделки в понятие ее нотариальной формы включается требование соблюсти и собственно форму сделки, и дополнительные требования к форме. Воля стороны на совершение сделки должна быть собственной и охватывать все содержание сделки. Сделка порождает правовые последствия только в той части, которая охватывается направленной на правовой результат волей субъекта сделки. Именно стороны сделки непосредственно своей волей определяют содержание сделки. Только сторона сделки должна обладать сделкоспособностью, поэтому пороки воли других лиц не влияют на действительность сделки. Права и обязанности, составляющие содержание договора, должны связывать одних и тех же лиц.

Вопрос о том, чья воля воплощена в сделке, будет решаться различно для законного представительства с одной стороны и договорной с другой. Юридически воля законного представителя заменяет волю представляемого. При совершении сделки договорным представителем воля представляемого лица может быть проверена в момент выдачи доверенности.

В ходе разъяснения сторонам смысла и правовых последствий сделки нотариус выясняет каузу сделки, которую стороны хотят совершить, то есть непосредственную ближайшую правовую цель. Если мотив имеет значение для достижения сторонами правовых целей, то он может быть оговорен в тексте сделки, становясь ее условием.

В ходе нотариального удостоверения нотариус требует в правоохранных целях предоставления объяснений сторонами причин отклонения цены. В главе 33 проекта Закона о нотариате гарантируется честность в проведении расчетов между сторонами нотариальной сделки путем принятия денежных средств в депозит нотариуса с целью осуществления расчетов между сторонами сделки.

Содержание действий по нотариальному удостоверению сделок с земельными участками, обеспечивая законность и порядок гражданского оборота, обладает определенной спецификой по сравнению с иными нотариальными действиями. Эта специфика диктуется особыми свойствами земельных участков. Так, при удостоверении сделки с земельным участком нотариус обязан проверить принадлежность этого имущества собственнику. Однако нотариусу недостаточно обращения только к правоустанавливающим документам, например договорам, он должен также убедиться в наличии государственной регистрации соответствующих земельных прав в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее ЕГРП). При этом выписка из ЕГРП должна содержать сведения не только о государственной регистрации прав на недвижимое имущество, но и о нали-

чий ограничений, обременений, арестов в отношении земельной недвижимости. Нотариус проверяет также наличие кадастрового плана земельного участка и, истребует справку о стоимости земельного участка, если сделка является возмездной. Правоподтверждающие акты, выданные ранее в соответствии с законодательством до начала выдачи свидетельств о государственной регистрации прав по действующей форме, признаются действительными и имеют равную юридическую силу с последними.

Факт использования поддельных документов лицами, обратившимися к нотариусу, может и не быть установлен нотариусом, если это было невозможно сделать в данном конкретном случае без использования специальных познаний и средств, что должно подтверждаться заключением эксперта, а также отсутствовали обстоятельства, которые могли бы дать основание сомневаться в личности обратившихся к нему лиц.

Сама по себе личность представителя не имеет значения, если законом не будет установлено ограничений к данному случаю.

Вторая стадия нотариального удостоверения сделки – определение юридического состава, необходимого для совершения нотариального производства – направлена на установление нотариусом условий ее действительности, осуществляемое нотариусом в пределах тех полномочий, которые предоставлены законодательством.

В ходе нотариального производства учитываются правила, по которым совершаются письменные сделки, подлежащие нотариальному удостоверению.

Форма договора, объектом которого является земельный участок, определяется гражданским законодательством. В соответствии с действующим гражданским законодательством сделки, связанные с отчуждением земельного участка, могут быть совершены в простой письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами. Нотариус удостоверяет сделки, для которых законодательством РФ установлена обязательная нотариальная форма. По желанию сторон нотариус может удостоверить другие сделки.

Правила относительно простой письменной формы действуют применительно к нотариальной форме сделки, если законом или соглашением сторон для письменного документа, представляемого для нотариального удостоверения, не установлены дополнительные требования.

Следует различать письменный документ – договор и доказательства его заключения на тех или иных условиях: расписки, расчетные финансовые документы и т. д. Последние документы не могут рассматриваться как полноценная письменная форма договора.

При необходимости нотариус вправе истребовать от физических и юридических лиц сведения и документы, необходимые для совершения нотариальных действий.

В нотариальном производстве правила допустимости доказательств требуют, чтобы все обстоятельства совершения нотариального действия подтверждались определенными письменными доказательствами, выданными

компетентными должностными лицами, органами исполнительной власти или местного самоуправления, засвидетельствованные надлежащим образом, и т. п. Проект федерального закона о нотариате устанавливает обязательность требований нотариуса по представлению документов для всех субъектов права (ст. 154 Проекта).

Договор с земельной недвижимостью будет считаться заключенным при соблюдении ряда условий:

- согласование всех существенных условий;
- придание соглашению письменной формы (а нотариальная форма является ее квалифицированной разновидностью);
- выполнение требования о государственной регистрации договора, если с ее совершением связывается вопрос о заключении для данного вида договора.

В ходе нотариального удостоверения сделки нотариус осуществляет проверку действительной воли сторон. Прежде чем проверить соответствие волеизъявления сторон их воле, нотариусу необходимо установить их истинную волю, что является важным условием формирования юридически обоснованного волеизъявления, приобретающего свойство достоверности для всех третьих лиц. Независимо от того, на каком этапе формирования волевого решения стороны сделки обращаются к нотариусу, он обязан разъяснить им права и обязанности, предупредить о последствиях совершаемых нотариальных действий с тем, чтобы юридическая неосведомленность не могла быть использована им во вред.

Нотариус, составляя по их желанию проект сделки, участвует в формировании сторонами решений, касающихся сделки.

Нотариальное законодательство содержит требования, которые предъявляются к тексту нотариально удостоверяемого акта, а также документам, на основании которых он составляется. Так, нотариусы не принимают для совершения нотариальных действий документы, имеющие подчистки либо подписки, зачеркнутые слова и иные неоговоренные исправления, а также документы, исполненные карандашом. Если документ, подлежащий нотариальному удостоверению или засвидетельствованию, изложен неправильно или неграмотно, нотариус предлагает обратившемуся лицу исправить или составить новый. По просьбе лица, обратившегося за совершением нотариального действия, новый документ может быть составлен нотариусом.

Разъяснение (ясность) проекта сделки является обязательным элементом проверки содержания сделки действительным намерениям сторон и отсутствия противоречия требованиям закона. Условия договора нотариус удостоверяет, а условия обязательства – разъясняет.

Нотариус участвует в формировании воли сторон на предмет ее законности. Воля того, кто участвует в сделке, находит в ее содержании непосредственное выражение, поэтому участие нотариуса в формировании воли сторон следует отличать от участия в сделке. Если гражданин ставит вопрос перед нотариусом о нотариальном оформлении сделки, то рассматриваемая си-

туация представляет собой оказание в этот момент квалифицированной юридической помощи.

Нотариус, обеспечивая законность сделки, связан не только содержанием сделки, но и проверкой соответствия закону ее предмета, формы и т. д., то есть элементов сделки, незаконность которых будет порочить сделку, вести к спорам между сторонами сделки и третьими лицами. Он призван устранить расхождения в понимании тех юридических последствий сделки, которые стороны имели в виду, принимая решение о совершении сделки, и теми, которые в действительности наступят в силу императивных норм объективного права. Нотариус предлагает различные юридические формы, устанавливая, какие из них в большей степени отвечают намерениям сторон.

При совершении сделок по отчуждению недвижимого имущества нотариус дополнительно проверяет наличие документов, подтверждающих права отчуждателя на распоряжение недвижимостью.

В ходе нотариальной деятельности по разъяснению норм гражданского права применительно к сторонам сделки ст. 10 ГК РФ ориентирует нотариуса на принципы добросовестности и разумности участников оборота. При этом сама по себе процедура нотариального удостоверения не дает оснований подвергать нотариусу сомнению добросовестность участников гражданского оборота. Принцип разумности ориентирует нотариуса действовать с оглядкой на конкретного человека, обратившегося к нему, а не на общие условия гражданского оборота.

В работе сформулированы вопросы, входящие в разъяснительную деятельность нотариуса, а также положения, определяющие момент возникновения прав и обязанностей по совершенной нотариальной сделке с земельной недвижимостью.

Если при проверке документов нотариусом будет установлено, что документы не соответствуют предъявляемым требованиям, то нотариус должен отказать в совершении нотариального действия и предложить лицу, представившему документы, обратиться в организацию (орган), выдавшую документ, для того чтобы неустойчивые оговорки в документе были удостоверены и заверены печатью организации.

Все большее значение для доверия третьих лиц приобретает не только выявление, но и фиксация истинной воли сторон сделки. Так, в проекте закона о нотариате предлагается в ходе нотариального производства фиксировать волю в заявлении о возбуждении нотариального производства (ст. 205), в протоколе нотариального действия (ст. 184), в аудио- и видеозаписях (ст. 185).

Заключенная сделка предполагает наличие подписи, которая выполняет две функции: позволяет идентифицировать субъекта, изъявившего волю, а также подтверждает факт законченности волеизъявления.

Момент, когда нотариальная форма сделки считается соблюденной, момент оформления удостоверительного акта. Удостоверительная надпись представляет собой форму правоприменительного акта нотариуса. Затем делается запись нотариального действия в реестре регистрации нотариального

действия. С точки зрения нотариального производства придание сделки нотариальной формы – процесс, выполнение нотариусом обязанностей, составляющих содержание нотариального действия. Нотариальная форма предполагает, что процесс формирования и изъявления воли происходит особым образом, под контролем авторитетного лица – нотариуса. Его действия не добавляются к действиям сторон. Они включаются в процесс совершения сделки.

Таким образом, в соответствии с внесенными положениями закона сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, теперь по общему правилу является оспоримой, а не ничтожной. В связи с этим необходимо учитывать, что законодательство, действовавшее на момент возникновения спорных правоотношений, по-иному могло определять вопросы заключения сделок (достижение всех существенных условий и необходимость их регистрации), а также их действительности (соответствие условий сделки закону). В таком случае правила прежнего закона сохраняют свое действие в отношении спорных сделок, если закон, установивший новые правила, не имеет обратной силы.

Список литературы

1. "Основы законодательства Российской Федерации о нотариате" (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 03.07.2016).
2. Федеральный закон от 03.07.2016 N 332-ФЗ "О внесении изменений в статьи 188 и 189 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате".
3. Федеральный закон от 02.10.2012 N 166-ФЗ (ред. от 21.12.2013) "О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации".
4. Закон СССР от 19.07.1973 "О государственном нотариате".

ВОЕННЫЕ ТРИБУНАЛЫ В СИБИРИ (1920-1930 гг.)

Михеев Д.Ю.

доцент кафедры теории и истории государства и права, канд. ист. наук,
Военный институт войск национальной гвардии, Россия, г. Новосибирск

В статье исследуется деятельность военных трибуналов, их место и роль в советской судебной системе.

Ключевые слова: суды, военные трибуналы, чрезвычайная юстиция, советское государство.

Деятельность военно-судебных органов, как части советской судебной системы, связана с множеством проблем, определяемых становлением социалистического государства. В 1920-е годы в Сибири возникла система управления советско-партийного типа, в которой судебные органы играли чрезвычайно высокую роль. После Октябрьской революции 1917 г. учреждались два вида судов: народные суды и революционные трибуналы. Народные суды со-

здавались как общегражданские суды, а ревтрибуналы – для рассмотрения наиболее важных дел, главным образом, контрреволюционных. Руководящим центром органов юстиции в Сибири стал сибирский отдел юстиции Сибревкома. К лету 1920 г. были созданы участки народных судов, народных следователей и губернские советы народных судей [5, с. 77]. В докладе председателя Алтайского губсуда Лисина, сделанном в 1923 г., этот период характеризовался так: «Советский суд создавался почти стихийно... Руководство судебными органами было не налажено и последние запестрили. ...Комиссии по борьбе с дезертирством, ЧК, ...губревтрибы, военревтрибы, желдорвоенревтрибы, народный суд, особые сессии совнарсуда...» [3]. В середине 1918 г. стали образовываться военно-судебные органы. Для организации единого управления приказом N 94 от 14 октября 1918 г. РВС учредил военно-революционный трибунал. Возникли параллельные системы военных судебных органов: в действующей армии и в тыловых частях. В 5-й армии Восточного фронта, освобождавшей Новониколаевск (будущий Новосибирск), Реввоен трибунал возник в августе 1918 г. В конце 1920-х гг. на территории Сибири действовало более 280 судебных и более 160 следственных участков [9, с. 793; 8, с. 45]. В Сибири показатели нагрузки на суды были гораздо выше, чем в целом по РСФСР. Судебные участки в Сибири охватывали территорию от 15 до 18 тыс. кв. км, а в центральной России около 4 тыс. кв. км [7, с. 41]. Многие районные суды в Западной Сибири обслуживали население в радиусе 100 км, а в Восточной Сибири иногда и более одной тыс. км (Бодайбо, Туруханск). Деятельность революционных трибуналов на огромной территории Сибири требовала создания единого руководящего органа. В Омске 10 апреля 1920 г. был сформирован Чрезвычайный Сибирский Революционный трибунал, позже переехавший в Новониколаевск. В составе Реввоен триба Сибири действовал 1-й армейский реввоен трибунал, на основе которого был сформирован военный трибунал Западно-Сибирского военного округа. Закрепило структурные преобразования постановление ВЦИК от 23 июня 1921 г. «Об объединении всех революционных трибуналов Республики». НЭП обусловил возврат к общепринятым принципам законности. Сибирские партийные органы, в частности, Алтайский губком в постановлении от 11 декабря 1921 г. констатировал: «губком считает необходимым ... допущение частной адвокатуры, нотариата и пр. под руководством и контролем советских органов» [4]. 11 ноября 1922 г. ВЦИК утвердил «Положение о судоустройстве РСФСР», в соответствии с которым устанавливалась единая система судебных учреждений [10]. Основной ячейкой становился народный суд. В Сибири они рассмотрели в 1923 г. 96,3 % дел. К 1923 г. система губернских революционных трибуналов была ликвидирована по мере рассмотрения имевшихся в производстве дел [1]. В октябре 1925 г. после образования Сибирского края начал функционировать краевой суд [2]. В деятельности военных трибуналов, продолживших работу, утверждалось своеобразное понимание социалистического права: объективное содержание правовых норм отвергалось под предлогом, что это является буржуазным пониманием права.

Л.М. Каганович, обращаясь к юристам в Институте советского права 4 ноября 1929 г., сформулировал важный тезис: «Мы отвергаем понятие правового государства. Если человек, претендующий на звание марксиста, ... применяет понятие правового государства к советскому государству, то это значит, что он ... отходит от марксистско-ленинского учения о государстве» [6, с. 8].

Подчиняясь партийному руководству, военные трибуналы осуществляли свою деятельность исключительно на «классовой» основе. Они одинаково активно боролись с контрреволюцией и самогоноварением, спекуляцией, участвовали в проведении политических кампаний. Таким образом, сложившаяся военно-судебная система оказалась восприимчивой к вмешательству в свою деятельность со стороны партийных органов, представителей местных органов власти, командования войск. В деятельности судов в этот период наблюдаются две взаимоисключающие тенденции. С одной стороны, многие судьи пытались стоять на страже закона, бороться с произвольным толкованием законодательства. А с другой, в массовом порядке выносили неправомерные приговоры, обосновывая свои решения не юридическими, а политическими аргументами. В этом вряд ли можно было обвинять самих судей, такова была общественно-политическая ситуация.

Список литературы

1. ГАНО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 554. Л. 74.
2. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 276. Л. 69.
3. ЦХАФ АК. ФР. 32. Оп. 2. Д. 8. Л. 21-23об.
4. ЦХАФ АК. ФР. 109. Оп. 1. Д. 43. Л. 16.
5. Жизнь Сибири. 1923. № 6/7.
6. Каганович Л. Двенадцать лет строительства Советского государства и борьба с оппортунизмом // Советское государство и революция права. 1930. N 1. С. 7-43.
7. Местный бюджет Сибирского края на 1927/28 бюджетный год. Новосибирск, 1928.
8. Местный бюджет Сибирского края на 1928/29 год. Новосибирск, 1929.
9. Сибирский край: статистический справочник. Новосибирск, 1930.
10. СУ РСФСР. 1922. № 69. С. 902.

АНАЛИЗ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Нарижний А.А.

магистрант Академии права и национальной безопасности,
Южный университет (ИУБиП), Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье проводится краткий анализ нормативно-правовой базы, обеспечивающей правовое регулирование публично-частного взаимодействия, приводится перечень основных актов, подчеркивается комплексный характер такого регулирования.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, публичное право, частное право, концессионные соглашения.

На всех этапах развития российской экономики первоочередной задачей было эффективное взаимодействие бизнеса и государства, которое создавало бы условия для развития и приносило бы прибыль всем участникам такого союза. Время от времени в России появлялись различные формы такой кооперации, которые трансформировались с учетом потребностей общества и государства. Сам механизм подобного взаимодействия берет свои истоки еще в Древнем Риме [3, с. 16], когда муниципалитеты (самоуправляющиеся общины) практиковали заключение концессий на объекты транспортной инфраструктуры (порты, почтовые станции), объекты торговли и сферы услуг (рынки, бани) [4, с. 5]. Примеры концессионных соглашений можно найти и в Европейских государствах средних веков, и в дореволюционной России, и в советский период истории российского государства. Так, в 1923 – 1937 гг. действовал Главный концессионный Комитет при СНК СССР – ведомство, занимавшееся предоставлением концессий иностранным физическим и юридическим лицам для торговой и производственной деятельности. Им было рассмотрено более 2200 заявок и более 10% из них были реализованы [4, с. 6]. Современные формы публично-частного партнерства применяются во многих государствах мира.

На современном этапе развития государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) широкое распространение получает и в России. По мнению З.А. Саидова, именно ГЧП «помогает государству, бизнесу, а также институтам гражданского общества совместно решать задачи, которые необходимы всему обществу, а также в конечном итоге отдельно взятому гражданину. Государственно-частное партнерство формирует форму для конструктивного сотрудничества самых различных субъектов, реализующих свой потенциал в сфере экономики» [5, с. 32].

Говоря о нормативно-правовом регулировании ГЧП, нельзя не отметить его комплексный характер, разноотраслевую принадлежность норм, которые охватываются как частными, так и публичными отраслями права. На смену нормативно-правовым актам, регулирующим отдельные аспекты ГЧП, пришел единый закон, в котором скомпилированы основные правила взаимодействия в этой сфере. Так, если Федеральный закон от 21 июля 2005 года № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» [6] предусматривал только особенности, порядок заключения и исполнения таких соглашений, то Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ГЧП) [7] допускает публично-частное взаимодействие в различных формах, хотя, по сути, содержание закона все равно сводится лишь к некоторым уже известным.

Обращает на себя внимание тот факт, что концессионные соглашения, как следует из ст. 2 Закона о ГЧП, будут по-прежнему регулироваться законом о концессиях. Данное положение вызывает сомнения у ряда ученых, которые отмечают нецелесообразность закрепления такого правила. Так, в

комментарии к Закону о ГЧП авторы указывают, что «концессионным соглашениям может быть посвящен отдельный законодательный акт. Однако это не должно исключать возможность применения положений Закона о публично-частном партнерстве (положений общего законодательного акта) к концессионным отношениям как разновидности отношений публично-частного партнерства, регулируемым Законом о концессионных соглашениях (специальным законодательным актом)» [2, с. 10].

Нельзя не отметить, что задолго до появления единого нормативного акта на федеральном уровне, в ряде субъектов РФ уже были приняты и эффективно работали. С 2006 года действуют региональные законы Томской области от 16 октября 2006 года № 244-ОЗ «Об основах государственно-частного партнерства в Томской области», Закон Санкт-Петербурга от 25 декабря 2006 года № 627-100 «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах». К 2010 году законы были приняты в 22 регионах РФ, а в 2011 году – в 20 регионах [3, с. 18].

Комплексный характер правового регулирования частно-публичного взаимодействия нашел свое отражение в перечне нормативных актов, которые будут регулировать данную сферу отношений. Ст. 2 Закона о ГЧП относит к ним положения Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Бюджетного кодекса Российской Федерации, Земельного кодекса Российской Федерации, Градостроительного кодекса Российской Федерации, Лесного кодекса Российской Федерации, Водного кодекса Российской Федерации, Воздушного кодекса Российской Федерации. Прямое указание на то, что законодательство о ГЧП состоит из Закона о ГЧП, других федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, муниципальных правовых актов, дает основания полагать, что оно отнесено к совместному ведению РФ и ее субъектов.

Причем как подчеркивают некоторые авторы можно выделить: а) о структуру собственно законодательства РФ о публично-частном партнерстве (специальном законодательстве) и б) о законодательство, выступающее основой законодательства РФ о публично-частном партнерстве (общее законодательство) [2, с. 11].

Кроме того, в литературе выделяется ряд дискуссионных вопросов по поводу формулировки ст. 2 Закона о ГЧП. Так, авторы комментария к Закону о ГЧП указывают: «... Конституция РФ и кодексы непосредственно не входят в систему правового регулирования государственно-частного партнерства, но законодательство о государственно-частном партнерстве не должно им противоречить. Такой подход законодателя вполне понятен. Что касается Конституции РФ, то здесь все довольно очевидно – в силу ее свойства юридического верховенства ее положениям должны соответствовать все без исключения нормативные акты в Российской Федерации. Что касается кодексов, то, предположительно, законодатель упомянул их в связи с тем, что це-

льный ряд правоотношений, возникающих в связи с реализацией государственно-частного партнерства, имеют отраслевую природу» [1].

Целый блок общественных отношений в сфере ГЧП регулируется подзаконными актами. В частности, постановлениями Правительства РФ урегулировано значительное количество технических вопросов, таких как утверждение формы того или иного заявления, правил проведения тех или иных действий в рамках проекта государственно-частного партнерства (например, Постановление Правительства РФ от 3 декабря 2015 г. № 1309 «Об утверждении Правил проведения уполномоченным органом переговоров, связанных с рассмотрением предложения о реализации проекта государственно-частного партнерства, проекта муниципально-частного партнерства на предмет оценки эффективности проекта и определения его сравнительного преимущества», Постановление Правительства РФ от 19 декабря 2015 г. № 1386 «Об утверждении формы предложения о реализации проекта государственно-частного партнерства ...» и ряд других).

Таким образом, можно сделать вывод, что комплексный характер правоотношений, складывающихся в сфере ГЧП, сказывается на его правовом регулировании, которое носит сложный многоотраслевой характер и осуществляется на уровне не только РФ, но и ее субъектов.

Список литературы:

1. Батрова Т.А., Антропцева И.О., Воробьев Н.И., Шапкина Е.А., Пушкин А.В., Артемьев Е.В., Рузанов И.В., Канделаки Г.Г., Богатырева Н.В., Котухов С.А. Комментарий к Федеральному закону от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2016.
2. Комментарий к Федеральному закону «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (научно-практический, постатейный) / Е.В. Гриценко и др.; под ред. В.Ф. Попондопуло, В.В. Килинкарлова. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 352 с.
3. Миронова С.М. Муниципально-частное партнерство в России: современное правовое регулирование и новеллы законодательства // Право и экономика. 2015. № 8. С. 16-20.
4. Практика применения концессионных соглашений для развития региональной инфраструктуры в России. М., 2014.
5. Саидов З.А. Новый порядок административно-правового регулирования государственно-частного партнерства в сфере экономики // Административное право и процесс. 2016. № 9. С. 32-39.
6. Федеральный закон от 21 июля 2005 года № 115-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О концессионных соглашениях» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3126.
7. Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 224-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4350.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Порохнявая Е.Л.

аспирант кафедры отраслей права,
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассмотрены проблемы, возникающие при согласовании с органами прокуратуры проведения внеплановых выездных проверок по поступившим в Роспотребнадзор обращениям. Также затронуты проблемы, связанные с отсутствием в правовых актах РФ законодательно закрепленных полномочий по разработке субъектами РФ программ по защите прав потребителей.

Ключевые слова: внеплановая проверка, административное расследование, программы по защите прав потребителей.

Федеральным законом от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» установлено требование о согласовании с органами прокуратуры проведения внеплановых выездных проверок в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по поступившим в контрольно-надзорные органы обращениям, содержащим сведения о возникновении угрозы причинения вреда жизни и здоровью граждан, животным, растениям, окружающей среде, объектам культурного наследия и др. [6].

Управлением Роспотребнадзора по Приморскому краю в период с 2010 г. по 2015г. в прокуратуру Приморского края было направлено 138 заявлений о согласовании проведения внеплановых выездных проверок по поступившим обращениям, содержащим сведения о возникновении угрозы причинения вреда жизни и здоровью граждан, из них отказано в согласовании – 33, что составило 23,9%. Причиной отказа от согласования явилось отсутствие оснований для проведения внеплановой выездной проверки. Прокуратура не усматривает в поступивших обращениях сведений о наличии непосредственной угрозы причинения вреда жизни и здоровью граждан.

В направляемых в органы прокуратуры материалах содержались сведения о нарушениях санитарно-эпидемиологических требований. Согласно определению, приведенному в статье 1 Федерального закона от 30.03.1999 N 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»: «санитарно-эпидемиологические требования, несоблюдение санитарно-эпидемиологических требований создает угрозу жизни или здоровью человека, угрозу возникновения и распространения заболеваний [3]. Необходимо отметить, что санитарно-эпидемиологические требования, разработанные государственными научно-исследовательскими институтами, являются «по своему характеру медицинскими нормами и правилами» [2, с. 22-23].

В целях рассмотрения поступающих обращений, специалисты Управления Роспотребнадзора по Приморскому краю вынуждены расширять практику проведения административных расследований (2010г. – 295, 2011г. – 1102, 2012г. – 1598, 2013г. – 1189, 2014г. – 919, 2015г. – 932).

Необходимо отметить, что результаты практической деятельности свидетельствуют о большей эффективности проведения внеплановых проверок по отношению к административным расследованиям. Преимущество проведения внеплановых проверок по отношению к административным расследованиям заключается в следующем.

Во-первых, при выявлении нарушений обязательных требований по итогам проведения внеплановой проверки, должностным лицом, проводившим проверку, выдается предписание об устранении выявленных нарушений. По истечении срока выполнения предписания, проводится внеплановая проверка его исполнения.

В свою очередь, при выявлении нарушений обязательных требований, должностным лицом, проводившим административное расследование, выносится представление об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения. В соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [5] должностные лица не наделены правом проводить проверки выполнения вынесенных представлений, соответственно не могут проверить достоверность представленной информации об устранении выявленных нарушений.

Во-вторых, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (статья 19.5) за невыполнение в установленный срок законного предписания органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль), муниципальный контроль об устранении нарушений законодательства, предусмотрено наложение административного наказания в виде штрафа на граждан, должностных лиц, юридических лиц. При этом, за непринятие мер по устранению причин и условий, способствующих совершению административного правонарушения статьей 19.6 КоАП РФ предусмотрено наложение административного штрафа только на должностных лиц, не предусмотрена ответственность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Для решения указанной проблемы мы предлагаем разработать совместно с органами прокуратуры методический документ, определяющий основные критерии, а также перечень нарушений требований санитарно-эпидемиологического законодательства, которые представляют непосредственную угрозу причинения вреда жизни и здоровью людей. Предусмотреть в статье 19.6 КоАП РФ административную ответственность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей за непринятие мер по устранению причин и условий, способствующих совершению административного правонарушения.

Следующей проблемой, снижающей эффективность проводимой работы по защите прав потребителей, является отсутствие в правовых актах, ре-

гулирующих вопросы защиты прав потребителей, законодательно закрепленных полномочий по разработке субъектами Российской Федерации программ по защите потребителей.

Как в Законе РФ от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей» [1], так и в Федеральном законе от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [4] не конкретизированы полномочия субъектов РФ по защите прав потребителей.

В Законе РФ «О защите прав потребителей» (ст. 42.1) определено, что высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ осуществляет мероприятия по реализации, обеспечению и защите прав потребителей и, в пределах своих полномочий, принимает определенные меры. В Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (ст. 21) установлено, что высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ осуществляет в пределах своих полномочий меры по обеспечению государственных гарантий равенства прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

По нашему мнению, для решения существующей проблемы требуется внесение дополнений:

- в статью 42.1 Закона РФ от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей», определив, что к полномочиям высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации относится право разработки, утверждения и реализации региональных программ защиты прав потребителей;

- в пункт б части 2 статьи 21 Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», после слов разрабатывает ... проекты программ социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, – «включающие в себя, в том числе, вопросы защиты прав потребителей».

Полагаем, что законодательное закрепление полномочий субъектов РФ по разработке региональных целевых программ по защите прав потребителей позволит обеспечить системное и последовательное участие органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и общественных объединений потребителей в решении проблемных вопросов в данной сфере.

Список литературы

1. Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – N 15. – ст. 766.
2. Гладун З.С. Правовое положение санитарно-эпидемиологической службы // Гигиена и санитария. 1985. № 5. С. 22-25.
3. Собрание законодательства РФ. 1999. – N 14. – Ст. 1650.
4. Собрание законодательства РФ. 1999. – N 42. – Ст. 5005.

5. Собрание законодательства РФ. – 2002. – N 1 (ч. 1). – Ст. 1.
6. Собрание законодательства РФ. – 2008. – N 29 (ч. 1). – Ст. 4359.

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Рыбак С.В.

доцент кафедры теории и истории государства и права, канд. юрид. наук,
доцент, Ростовский филиал Российской таможенной академии,
Россия, г. Ростов-на-Дону

Гончаренко И.А.

магистрант юридического факультета,
Ростовский филиал Российской таможенной академии,
Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье исследуется антикоррупционная политика в системе государственной службы. Антикоррупционная политика рассматривается как одна из разновидностей общегосударственной политики Российской Федерации. Значительное внимание уделяется нормативно-правовой и организационной основе антикоррупционной деятельности в системе государственной службы. Проводится сравнительный анализ мер, направленных на противодействие коррупции в системе государственной службы в зарубежных странах. Намечены основные пути решения исследуемой проблемы.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционное законодательство, государственная служба, государственное управление.

По данным Международной неправительственной организации Transparency International уровень восприимчивости коррупции в государственном секторе в Российской Федерации по итогам 2016 г. составил 29 баллов, в соответствии с чем, в списке из 176 стран Россия заняла 131 место (на одной строке с Непалом, Казахстаном и Ираном). Наименее коррумпированными государствами стали Дания и Новая Зеландия (90 баллов из 100).

Следует отметить, что по итогам 2015 г. также Дания была признана наименее коррумпированным государством, а Российская Федерация занимала 119 строчку рейтинга. Интересно то, что по данным этой же организации еще в 2004 г. Россия по уровню восприимчивости коррупции занимала 90-е место в списке из 145 стран [1]. Можно по-разному относиться к указанным выше данным (многие известные отечественные политики, вообще призывают их полностью игнорировать), однако на наличие данного «хронического заболевания» не однократно указывало и политическое руководство страны.

В современной юридической литературе, а, равно как в и текущем законодательстве, коррупция справедливо представлена как многоликое явление: взяточничество, растрата, фаворитизм, мошенничество, вымогательство,

произвол, злоупотребление правом, использование конфликта интересов, льготы и незаконные вознаграждения и т.д. И все вышеуказанные «ипостаси» объединяет то обстоятельство, что отдельные лица, находясь на государственной службе и осуществляющие государственно-властные полномочия, умышленно используют свое положение в преступных целях.

Коррупция, по мнению целого ряда отечественных исследователей, неотъемлемо присуще любому государству не только древности, но и современности и в каком-то смысле является его порождением [2, с. 104]. Феномен антагонизма российского чиновника и общества в целом не плохо изучен [3, с. 68]. Государственная власть, представленная иерархией чиновников, являлась практически неограниченной. По этому поводу В.П. Мельников, подчеркивает, что для чиновников «были характерны атмосфера деспотизма, насаждалось безоговорочное послушание, преследовалось собственномыслие, полная зависимость продвижения по службе от начальства, и, следовательно, угодничество, составление отчетов о несуществующих достижениях и т.д.» [4, с. 19].

Так, век от века, несмотря на изменения, происходящие в системе государственного управления неизменным оставалось желание российских чиновников использовать государственно-властные полномочия в своих целях, что, безусловно, стимулировало отечественного законодателя к решению данной проблемы [5, с. 339] и проведению целенаправленных кампаний по борьбе с мздоимством особенно в XVIII-XIX вв. Не взирая на предпринимаемые решительные меры (пытки, конфискация имущества, штрафы, позорящие наказания и др.) существенных результатов не последовало. Размах мздоимства был такой, что, по словам отечественных историков, даже, император Николай I однажды якобы пожаловался своему наследнику: «Похоже, в России не крадут только двое – ты да я».

Существенные изменения произошли только после 1917 г. и в особенности с 30-х гг., когда последовало ужесточение уголовного наказания за должностные преступления. Однако, либерализация уголовной политики, начавшаяся с середины 50-х гг., вновь актуализировало проблему коррумпированности чиновничества. В связи с этим значительный интерес представляет мнение авторитетного западного исследователя Луиза Н. Шелли – директора Центра исследования проблем коррупции в США, который среди основных причин развала СССР, назвал слабость государства и коррупцию. Уровень коррупции, по мнению данного автора, особенно вырос после вступления России в глобальную экономику [6, с. 10].

В современных условиях, по справедливому замечанию ряда исследователей коррупция приобрела «системный характер» [7, с. 122], что породило проблему недоверия населения как к государству в целом, так и представляющим его должностным лицам, в частности. В конечном итоге коррупция обесценивает и дискредитирует в глазах общества такие институты, как пра-

во и государство. Так что знаменитое «Воруют» Н.М. Карамзина, как и несколько веков назад все также актуально.

Системный характер коррупции требует такого же системного подхода к ее преодолению. В этой связи чрезвычайно важную роль призвана сыграть тщательно продуманная антикоррупционная политика, являющаяся особой разновидностью общегосударственной политики и представляющая собой систему мер законодательного и организационного характера. Антикоррупционная политика, что не менее важно, должна выражать политическую волю руководства страны.

Существует в целом довольно богатая палитра мнений современных российских исследователей относительно природы и понятия антикоррупционной политики. Как правило, при определении антикоррупционной политики авторы обращают внимание на разнообразие и последовательность мер государства и общества не только по противодействию коррупции, но и, что не менее важно, ее предупреждению. Кроме того, данная политика должна быть научно обоснованной [8, с. 547]. Однако, несмотря на многолетнюю упорную борьбу с коррупцией, последняя все еще характеризуется своей непоследовательностью, а самое главное неэффективностью.

Так что же необходимо для того, чтобы антикоррупционная политика государства стала системной и эффективной? Во-первых, выяснить причины, порождающие коррупцию. Здесь больших проблем нет – все старо, как мир: экономическая нестабильность, неэффективное функционирование отдельных институтов власти, бюрократизация государственного аппарата, распределение бюджетных средств, государственные заказы и закупки, эксклюзивные права и льготы, огульная приватизация государственной собственности, банковская сфера и т.д. Кроме того, всему этому крайне благоприятствует низкий уровень правового сознания населения, а также «стойкое подчинение чиновника не закону, а начальнику» [8, с. 548].

Во-вторых, соответствующая нормативно-правовая и организационная основа. Казалось бы, что именно здесь все более или менее в порядке, потому как недостатка в нормативных правовых актах, направленных на противодействие коррупции в современном российском государстве нет. Весьма впечатляюще в целом выглядит современная правовая основа противодействия коррупции: от Конституции РФ до актов органов местного самоуправления и все они направлены на борьбу с коррупцией. Выработана «Национальная стратегия противодействия коррупции» и с 2010 г. реализуются «Национальные планы противодействия коррупции», в которых поставлены весьма конкретные задачи, направленные на противодействие коррупции (обеспечение выполнения всеми без исключения норм антикоррупционного поведения, надлежащее исполнение антикоррупционного законодательства и ряд других). В соответствии с вышеуказанными задачами сформирована и организационная основа противодействия коррупции. При Президенте РФ даже создан Совет по противодействию коррупции.

В-третьих, развитое гражданское общество, которое должно не только «умерить аппетиты» взорвавшихся чиновников, но и вовсе свести к нулю явление коррупции. На формирующиеся в современных условиях институты гражданского общества возложены особые надежды на искоренение коррупции в системе государственной службы. Не плохо себя зарекомендовал Общероссийский Народный фронт, однако, слабость и неразвитость институтов гражданского общества в России в целом не позволяет взваливать на него это непосильное бремя. Вот и получается, что все-таки чистка от этой «коррозии» должна быть проведена самим государством.

В этой связи, крайне познавательным является опыт противодействия коррупции в системе государственного управления в современных зарубежных странах. Следует отметить, что антикоррупционная политика целого ряда зарубежных государств строится на таких принципах, как: публичность и подконтрольность обществу органов власти; независимость судебной власти; неотвратимость наказаний за совершение коррупционных действий; презумпция виновности чиновников в коррупции и др.

Крайне показателен опыт Швеции, в которой в ходе государственной модернизации была заложена новая основа государственного регулирования (на стимулах честного и ответственного управления – через налоги, льготы и субсидии), а для граждан был открыт доступ к внутренним документам государственного управления, позволивший всем желающим понимать, как работает государство и создана независимая и эффективная система правосудия. Одновременно шведский парламент и правительство установили высокие этические стандарты для чиновников и стали добиваться их исполнения. Результаты не заставили себя ждать. Сегодня Швеция обладательница одного из самых низких уровней коррупции в мире.

У Дании, которая добилась выдающихся успехов в борьбе с коррупцией, есть свой «рецепт»: датские компании придерживаются политики «абсолютной нетерпимости» (неприемлемости взяточничества в пределах собственной компании или в сотрудничестве с внешними партнерами). Серьезную поддержку датским компаниям, сталкивающимся с угрозой коррупции в процессе интернационализации, оказывает Торговый совет Дании, основное содержание деятельности которого заключается в проведении разнообразных консультаций и оказании реальной помощи по противодействию коррупции.

Кроме того, в стране имеются специальные контрольно-надзирающие органы, высокая гражданская инициатива, гласность и открытость на уровне правительства, а для чиновников, как и в Швеции, действуют своеобразные этические кодексы и кодексы чести.

Еще одним государством, которое смогло обуздать коррупцию, стал Гонконг, где помимо отмены презумпции невиновности для чиновников, была создана независимая комиссия по борьбе с коррупцией, которая вправе осуществлять проверки в любых органах государственной власти, если есть хотя бы малейшее подозрение на взяточничество. Сама же комиссия подкон-

трольна общественным организациям, куда входят представители различных слоев населения [9].

Безусловно, представленные методы и способы противодействия коррупции не имеют универсального характера, именно поэтому каждое отдельное государство вырабатывает собственную стратегию антикоррупционной политики и соответствующих ей мер. Вместе с тем, полагаем, есть наиболее действенные, «проверенные» средства, к числу которых можно отнести следующие: во-первых, широкомасштабная гласность, предусматривающая необходимость для чиновников публиковать документы, объявления, уведомления, давать четкие обоснования административных решений, с анализом их мотивов; во-вторых, совершенствование системы информирования граждан, обеспечение им доступа в государственные учреждения и т.д. [10, с. 33]; в-третьих, подотчетность, включающая в себя внутренний и внешний контроль для выявления злоупотребления властью, причем не только со стороны таких же государственных органов, организаций и учреждений, но и со стороны заинтересованных групп граждан и их представителей; в-четвертых, постоянная работа специально созданных групп общественного контроля; в-пятых, свобода прессы и всех средств массовой информации; в-шестых, независимость судебной власти; в-седьмых, эффективная правоприменительная практика; в-восьмых, высокий уровень политической и правовой культуры не только государственных служащих, но и всего населения страны.

Список литературы

1. Transparency International: Индекс восприятия коррупции 2015, 2016 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: World Wide Web. URL: <http://gtmarket.ru>.
2. Коррупция и борьба с ней. Российская криминологическая ассоциация. М., 2000. 320 с.
3. Окусов А.П. Чиновник. Ростов-н/Д, 2004. 200 с.
4. Государственная служба в России: опыт организации и кадрового обеспечения. Документы повествуют. Н. Новгород, 1994. 328 с.
5. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX-XIV в.: монография. М., 2003. 416 с.
6. Шелли Л. Коррупцированное государство не может не быть сильным: власть и коррупция в современной России // Организованная преступность и коррупция: социально-правовой альманах. 2000. Вып. 4. С. 10.
7. Косарев А.И. Идеология жизни в судьбах народов. М., 2009. 176 с.
8. Толкачев В.В. Правовая политика в сфере борьбы с коррупцией // Правовая политика России: монография / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. 752 с.
9. Зарубежный опыт противодействия коррупции. Доклад Московского бюро по правам человека. 20.08.2012. Режим доступа: World Wide Web. URL: <http://p.120-bal.ru/voda/16024/index.html?page=1>.
10. Баранов П.П., Рыбак С.В. Деятельность органов внутренних дел по обеспечению прав и свобод граждан России: монография. Ростов-н/Д: РЮИ МВД России, 2001. 192 с.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОНФЛИКТА НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ (МУНИЦИПАЛЬНОЙ) СЛУЖБЕ

Саушкин С.А.

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Московский гуманитарный университет, Россия, г. Москва

В статье конфликт на государственной (муниципальной) службе рассматривается в качестве теоретического и правового понятия, констатируются его юридические свойства, причины, условия предотвращения и урегулирования.

Ключевые слова: государственная служба, муниципальная служба, конфликт, интерес, права и свободы граждан, ответственность.

Формирование демократического правового государства в России невозможно без совершенствования всех видов служебной деятельности, поскольку от качества выполнения своих обязанностей служащими государственных и муниципальных органов во многом зависит судьба политических, экономических и социальных реформ в стране.

С юридической точки зрения государственная (муниципальная) служба представляет собой комплексный правовой институт, категорически исключающий саму возможность удовлетворения личных финансовых и иных противозаконных интересов с использованием служебного положения, в противном случае речь идет о конфликте интересов. Профессор И.Б. Кардашова по этому поводу указывает: «Правовое государство представляет собой такую организацию политической власти, которая создает условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина и недопущения их нарушения с помощью права. Это воплощается в жизнь путем ограничения государственной власти самими правами и свободами человека» [2, с. 237].

Конфликт интересов в сфере государственной (муниципальной) службы является относительно новым институтом современного российского служебного права. Его появление в отечественном законодательстве обусловлено не только правовой необходимостью, но и наличием международных обязательств России. В частности, в Конвенции ООН против коррупции от 31.10.2001 [3] закрепляется положение, согласно которому каждое государство-участник данной Конвенции стремится в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства создавать, поддерживать и укреплять такие системы, которые способствуют прозрачности и предупреждают возникновение конфликтов интересов. Аналогичные нормы содержатся в Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках, принятой организацией экономического сотрудничества и развития 21.11.1997 [4], Конвенции ООН об уголовной ответственности за коррупцию от 27.01.1999 [5] и некоторых других актах.

Конфликт интересов на государственной (муниципальной) службе представляет собой довольно сложную теоретическую и практическую, а

также правовую проблему. Это мало разработанная правовая категория, обладающая неоднозначной характеристикой, размытыми границами между частными, государственными и общественными интересами, тяжело поддающаяся внутреннему и внешнему контролю, имеющая нечеткий, неясный и неполный механизм предотвращения и урегулирования [9, с. 19].

Мнения ученых-представителей юридической науки относительно содержания и причин конфликта на государственной (муниципальной) службе разнятся. Так, по мнению Ю.С. Щеколдина анализируемое понятие следует рассматривать как ситуацию, при которой «личная заинтересованность государственного служащего влияет на объективное исполнение им должностных обязанностей и противоречит интересам государства» [10, с. 8]. Представляется, что подобный подход не совсем точно отражает сущность конфликта, поскольку причины этого явления могут быть самыми различными, и оценивать их влияние на развитие событий следует с учетом специфики конкретной сложившейся ситуации.

Конфликт интересов на государственной (муниципальной) службе можно определить как «ситуацию, при которой гражданин и организация выступают одновременно в нескольких лицах, цели которых не совпадают либо противоречат друг-другу» [9, с. 34].

Субъективным компонентом конфликта на службе может быть отмечен интерес. В принципе, он может быть и вполне правомерным – стремление к финансовому благополучию, карьерному росту, продвижению по службе, получению государственной награды. Элементом конфликта выступает интерес, не согласующийся с предназначением государственной или муниципальной службы.

С позиций противопоставления государственных и частных интересов в сознании конкретного государственного (муниципального) чиновника рассматривают конфликт интересов ученые-правоведы, объясняющие негативное влияние этого конфликта на функционирование механизма защиты прав и свобод человека и гражданина, попавшего в зависимость от действий власти на любом ее уровне [1, с. 287].

Схожая позиция озвучена в ч. 3 ст. 19 Федерального закона РФ от 27.07.2004 №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [6] и в ст. 14.1 Федерального закона РФ от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [7]. В приведенных нормах фактически акцентируется внимание на том, что личная заинтересованность влияет или может повлиять на объективное исполнение служебных обязанностей.

Компиляция взглядов ученых и содержания правовых норм на конфликт в аппарате государственной (муниципальной) службы позволяет выделить следующие основные характеристики этого понятия: а) данный конфликт является разновидностью социального; б) обладает правовой природой; в) обладает внешним выражением (является реальным, а не надуманным); г) в основе

его лежит личный интерес, противоречащий закону и интересам службы; д) конфликт может иметь место в государственном или муниципальном органе любого уровня; е) его разрешение предполагает следование определенной процедуре и соблюдение ряда требований, предусмотренных законом; ж) при неурегулированности конфликт способен причинить существенный вред интересам государственной (муниципальной) службы; и) интерес в ситуации конфликта может касаться как самого государственного или муниципального служащего, так и третьих лиц (например, родственников).

Таким образом, *конфликт интересов на государственной (муниципальной) службе – это ситуация правового характера, при которой личная заинтересованность (прямая ли косвенная) государственного (муниципального) служащего влияет или может оказать негативное влияние на исполнение им должностных (служебных) обязанностей в точном соответствии с законом, и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью государственного (муниципального) служащего и правами, свободами и законными интересами граждан, организаций, общества или государства, способное привести к причинению вреда правам и законным интересам граждан, организаций, общества или государства.*

Представляется, что подобное определение в силу его объективного и исчерпывающего характера может быть рекомендовано для включения в текст законов, регламентирующих порядок прохождения государственной или муниципальной службы.

Список литературы

1. Вахрамеев Р.Г. Доступ к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления как основа реализации конституционного права на информацию: проблемы и пути решения // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы итоговой научно-теоретической конференции (Сыктывкар, 24 – 25 октября 2013 г.). Сыктывкар: ГАОУ ВПО КРАГСИУ, 2013. С. 287–294.
2. Кардашова И.Б. Конституционно-правовое регулирование деятельности прокуратуры в правовом государстве // Вопросы юриспруденции: история, теория, современность: сборник статей. Краснодар: Краснодарский ЦНТИ, 2012. С. 237–246.
3. Конвенция ООН против коррупции от 31.10.2001 // Собрание законодательства РФ. 26.06.2006. № 26. Ст. 2780.
4. Конвенция ООН по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках от 21.11.1997 // Собрание законодательства РФ. 23.04.2012. №17. Ст. 1899.
5. Конвенция ООН об уголовной ответственности за коррупцию от 27.01. 1999 // Собрание законодательства РФ. 18.05.2009. №20. Ст. 2394.
6. Федеральный закон РФ от 27.07.2004 №79-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Российская газета. № 162, 31.07.2004.
7. Федеральный закон РФ от 02.03.2007 (в ред. от 30.06.2016) № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Российская газета. №47, 07.03.2007.
8. Храбкин А.А. Противоречие коррупции в госзакупках. М.: Юриспруденция, 2011. 129 с.

9. Чаннов С.Е. Предотвращение и урегулирование конфликта интересов на государственной и муниципальной службе: новеллы антикоррупционного законодательства // Административное право. 2009. №2. С. 19-1.

10. Щёколдин Ю.С. Конфликт интересов в государственных служебных отношениях: материальные и процессуальные аспекты: автореф. дис... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011. 24 с.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПУТЕМ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Симонова Е.С.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук,
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
Россия, г. Орел

В статье анализируется роль Конституционного Суда Российской Федерации в определении баланса частных и публичных интересов, определяется значение решений суда для совершенствования действующего законодательства в целях достижения баланса конкурирующих интересов граждан, юридических лиц, общества и государства в целом, исследуются критерии определения баланса интересов.

Ключевые слова: конкурирующие интересы, баланс интересов, частные и публичные интересы, условия ограничения прав

Конституционный Суд РФ в своей практике все чаще сталкивается с проблемой множественных конкурирующих прав и интересов и определения их оптимального соотношения и гармонизации с учетом норм закона и общепризнанных принципов права. Как справедливо отмечает, П.А. Астафичев, «конституционное право содержит в себе ряд конкурирующих принципов, которые обусловлены наличием в обществе несогласованных, противоречивых, конфликтующих ценностей и интересов» [1, с. 79]. В самой основе правового регулирования лежит идея справедливого баланса частных и публичных интересов. Тем не менее, в настоящее время ни один нормативно-правовой акт не дает законодательного определения рассматриваемой категории, не закрепляет его сущностных характеристик и критериев его определения. В условиях пробельности и коллизионности существующего законодательства Российской Федерации, противоречивого взаимодействия международного и внутреннего законодательства возрастает количество споров между различными субъектами права, требующих судебных разъяснений.

В сложившейся ситуации особое место отводится судебной практике Конституционного Суда РФ. Связано это, прежде всего, с тем какое значение его решениям придает Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 года №1-ФКЗ. Указанный нормативный правовой акт в ст.79 устанавливает, что «решение Конституционного Суда Российской Федерации окончательно и не подлежит обжа-

лованию, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами» [14]. Кроме того, установлено, что акты, которые полностью или частично признаны не соответствующими Конституции РФ, утрачивают юридическую силу. В случае несоответствия конституционным положениям международного договора, не вступившего в силу, такой договор не может быть введен в действие на территории Российской Федерации, а его нормы не подлежат применению. Если Судом установлена неконституционность нормативного акта либо выявлена объективная необходимость ликвидации пробела правового регулирования, то государственным органом или должностным лицом, принявшим такой акт, должен быть решен вопрос о принятии нового нормативного акта. В этом случае, должна быть учтена соответствующая позиция Конституционного Суда РФ.

Например, рассматривая проблему баланса частных и публичных интересов в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 30 марта 2016 года №9-П, указал, что федеральному законодателю надлежит внести в правовое регулирование производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции необходимые изменения, вытекающие из настоящего Постановления, касающиеся винодельческой продукции с длительными сроками выдержки. До внесения соответствующих изменений, Судом предписано применение правовой модели, предусмотренной статье 238 ГК РФ [6]. При этом, Суд обратил внимание на то, что федеральный законодатель, осуществляя в рамках предоставленных ему полномочий регулирование права на осуществление предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и права частной собственности (статья 71, пункты «в», «ж», «о»), обязан обеспечить разумный баланс частных и публичных интересов в этой сфере и соблюдать вытекающее из ее статьи 55 (часть 3) требование о возможности ограничений прав и свобод человека и гражданина только соразмерно конституционно значимым целям. Кроме того, при выборе средств и способов правового воздействия на субъекты предпринимательской деятельности необходимо учитывать как сложившуюся в России отраслевую систему правового регулирования и общие принципы соответствующих отраслей права – публичного или частного, так и социальные, экономические и иные факторы, определяющие объективные пределы его конституционных полномочий.

Особая ценность решений Конституционного Суда РФ, как отмечает, Н.В. Витрук состоит в том, что «они содержат специальные правовые нормы, юридическая сила которых равна юридической норме самой Конституции» [2, с. 73].

Таким образом, осуществляя толкование норм права Конституционный Суд с учетом меняющихся условий действительности может оказывать влияние и на законодательный процесс. В последствие, если сложившиеся под влиянием судебной практики положения, оправдывают свое существование, следует их закрепление на законодательном уровне. Необходимо обратить

внимание и на тот факт, что основанные на положениях нормативных актов признанных неконституционными решения судов и иных органов не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральным законом случаях. Таким образом, не вызывает сомнений особая ценность решений КС РФ, в связи с присущими ему полномочиями, и объективной необходимостью преодоления несовершенства правового регулирования.

Анализ сложившейся практики Конституционного Суда РФ позволяет говорить об ориентированности конституционного правосудия на соблюдение баланса интересов государства, общества и отдельно взятого гражданина.

Проблема определения оптимального соотношения частных и публичных интересов затрагивалась Конституционным Судом РФ неоднократно и применительно к различным сферам жизнедеятельности человека. Данный вопрос рассматривался применительно к правам граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территории РФ [4]; в сфере аудиторской деятельности [13]; в сфере налоговых правоотношений [10]; в сфере социального страхования [5], в сфере земельных отношений [11], принудительного прекращения гражданских прав [3]; в сфере жилищных отношений [7] и т.д.

Необходимо отметить, что в судебных решениях баланс интересов не сводится к их приравниванию. Более верно рассматривать баланс интересов как наиболее оптимальное соотношение прав и интересов граждан, юридических лиц, общества и государства в целом, гарантирующем реализацию прав частных лиц при устойчивом развитии и функционировании гражданского общества. При этом, определение такого соотношения должно осуществляться в каждом конкретном случае с учетом специфически сформировавшихся для этого случая условий.

Например, касаясь вопроса оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции в случае неполучения лицензии на новый срок, КС РФ в своем Постановлении от 30 марта 2016 года № 9-П указал, что баланс интересов в данном случае обеспечивается предоставлением юридическому лицу двухмесячного (с момента прекращения действия лицензии) срока на реализацию остатков произведенной продукции, который – имея в виду его обязанность адекватно планировать свою хозяйственную деятельность в пределах действия ранее полученной лицензии и необходимость соблюдения лицензионных требований в целях получения новой, а также при должном соотношении цены и качества произведенной продукции – является разумным и достаточным для реализации остатков такой продукции, полный цикл производства которой не выходит за рамки этого срока. В тоже время, Суд обращает внимание на то, что сделанный вывод не может быть автоматически распространен на продукцию, технологический процесс производства которой предполагает стадию выдержки.

В большинстве рассмотренных случаев, баланс частных и публичных интересов раскрывается через анализ статей 17, 19, 55 и 56 Конституции РФ. Фактически под ним понимается возможность разумного и соразмерного

ограничения прав и свобод человека и гражданина исходя из общих принципов права, при соответствии с требованиями справедливости, адекватности, и необходимости для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе частных и публичных прав и законных интересов других лиц.

В тоже время, анализ решений Конституционного Суда РФ за последние десять лет позволяет говорить, что «баланс частных и публичных интересов» рассматривается им в двух различных аспектах: 1) как цель правового регулирования (см. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2016 года № 27-П [5]; Постановление Конституционного суда РФ от 30 марта 2016 года № 9-П [6]); 2) как условие ограничения прав граждан и юридических лиц (Определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2014 года № 628-О [4]).

Рассматривая данную категорию в качестве цели правового регулирования, Суд указывает на обязанность законодателя, при регулировании ряда отношений соблюдать баланс частных и публичных интересов. Примером может служить Постановление Конституционного суда РФ в своем постановлении от 30 января 2009 № 1-П [10].

В тоже время Судом выработана позиция, согласно которой вмешательство государства в отношении собственности, не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению; во всяком случае правовое регулирование в этой сфере не должно посягать на само существо права или свободы и приводить к утрате их реального содержания (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 34-П). Таким образом, на федерального законодателя возлагается обязанность по обеспечению разумного баланса частных и публичных интересов.

Баланс частных и публичных интересов как условие ограничения гражданских прав рассматривается судом через ч.3 ст.55 Конституции РФ, позволяющей ограничивать права и свободы человека и гражданина на основе федерального закона в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Согласно выработанной судебной позиции, федеральным законом могут быть предусмотрены лишь те средства и способы такой защиты, которые исключают несоразмерное ограничение прав и свобод; соответствующие правоограничения оправдываются публичными интересами, если они обусловлены именно такими интересами и способны обеспечить социально необходимый результат (Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2012 года № 14-П).

Исследование сложившейся практики КС РФ свидетельствует о возможности преваширования тех или иных интересов при отсутствии общего дисбаланса, в связи с чем возможно выделение следующих групп решений.

Первая группа включает в себя решения, в которых предпочтение отдается публичным интересам (Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2009 г. N 8-П [12]; Постановление Конституционного Суда РФ от 3 марта 2004 г. № 5-П [13] и др.). Для данной группы характерно, что баланс интересов выступает условием ограничения прав граждан в пользу общественных или государственных интересов.

Вторая группа включает решения, в которых Суд в целях достижения баланса частных и публичных интересов отдает предпочтение частным интересам (Постановления Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2016 года № 27-П [5]).

Третью группу образуют решения, в которых Конституционным Судом найден определенный компромисс конкурирующих интересов (Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 N 12-П [8]).

Таким образом, именно исходя из конкретных жизненных обстоятельств, Конституционным Судом РФ принимается решение о соблюдении баланса частных и публичных интересов в рассматриваемых отношениях либо возможности его обеспечения путем принятия соответствующего постановления либо делается вывод о необходимости совершенствования действующего законодательства. На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что Конституционный Суд не только определяет оптимальное соотношение конкурирующих интересов, но и выступает гарантом реализации принципа баланса частных и публичных интересов.

Список литературы

1. Астафичев П. А. Баланс конкурирующих принципов, интересов и ценностей в конституционном праве России // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. №22 (193).
2. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991–2001 гг.). Очерки теории и практики. М., 2001.
3. Определение КСРФ от 28 февраля 2017г. N 283-О//СПС «КонсультантПлюс»
4. Определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2014г. №628-О // СПС «КонсультантПлюс»
5. Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности п.1 ч.8 ст.14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 227 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кировского областного суда от 30 ноября 2016 года № 27-П // СЗ РФ.2016. N 50. Ст. 7170.
6. Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности п.5 ст. 20 ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» в связи с жалобой ООО «СГИВ»» от 30 марта 2016 года № 9-П// Вестник Конституционного Суда РФ. N 4. 2016.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 4 июня 2015г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений ст.31.1 ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой граждан В.А. Князик и П.Н. Пузырина» // СЗ РФ. 2015. № 24. Ст. 3548.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П «По делу о проверке конституционности ч.2 ст.99, ч.2 ст.100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой ООО «Заполярье» // СЗ РФ. 2015. № 24. Ст. 3547.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2009г. №8-П//Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 3.

10. Постановление Конституционного Суда РФ в своем постановлении от 30 января 2009 № 1-П // СЗ РФ. 2009. N 7. Ст. 889.

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004г. № 14-П // СЗ РФ. 2004. № 30. Ст. 3214.

12. Постановлении Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2004 г. №8-П// СЗ РФ. 2004. № 18. Ст. 1833.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 апреля 2003 г. № 4-П // СЗ РФ. 2003. № 15. Ст. 1416.

14. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 года №1-ФКЗ // СЗ РФ. 1994 г. №13. Ст. 1447; 2012 г. №53 (ч. 1). Ст. 7572.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА

Тараната В.Г.

студент 3 курса группы 01001405 Юридического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права
и процесса НИУ «БелГУ», к.ю.н. Лукьянчикова Е.Ф.

В рамках данной статьи рассматриваются проблемы участия защитника при производстве обыска и основные трудности, с которыми приходится сталкиваться следователю в процессе осуществления своей профессиональной деятельности. Рассматриваются возможные варианты решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: обыск, следственные действия, следователь, защитник.

Обыск – это следственное действие, порядок производства которого предусмотрен ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ). Легального определения понятия обыска в современном уголовно-процессуальном законодательстве не предусмотрено. Наиболее оптимальным нам представляется толкование, предложенное Ю.К. Якимовичем, согласно которому, обыск – это следственное действие, состоящее в обследовании помещений либо лиц (личный обыск) в целях обнаружения предметов (документов), имеющих какое-либо значение для уголовного дела [5, с. 1].

Процесс его производства скрывает множество проблем теоретического и практического характера. В рамках данной статьи нам бы хотелось акцентировать внимание на проблеме участия защитника при производстве обыска. Так, п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК устанавливает право защитника участвовать

в любых следственных действиях, производимых с участием его подзащитного. Применительно к производству обыска это право защитника подтверждается в ч. 11 ст. 182 УПК [1].

Так как одной из обязанностей следователя является разъяснение участникам следственного действия их прав и обязанностей, то следователь обязан уведомить и защитника о предстоящем обыске с участием его подзащитного. Следовательно, приступить к осуществлению обыска следователь имеет право только по прибытии на место защитника, что в практической деятельности происходит далеко не всегда. Например, обыск должен производиться безотлагательно в силу наличия объективных причин, однако защитник не имеет возможности присутствовать на нем (болезнь, участие в другом судебном разбирательстве и пр.). Также следователь может не располагать сведениями о местонахождении защитника, вследствие чего сообщить ему о предстоящем обыске не представляется возможным.

Примечательно, что действующий УПК РФ не содержит никаких указаний на то, каким образом разрешить данную коллизию, хотя в практической деятельности она встречается достаточно часто [2, с. 20]. Следователь неизменно становится перед выбором – отложить обыск до тех пор, пока не сможет прибыть защитник или же произвести следственное действие без его участия. К сожалению, оба варианта влекут за собой негативные последствия.

В первом случае, как справедливо замечает Г.М. Меретуков, в случае несвоевременного обыска могут быть безвозвратно утрачены предметы и следы, имеющие доказательственное значение для уголовного дела [4, с. 51]. Во втором же случае, обнаруженные предметы и следы, по ходатайству адвоката, могут быть признаны судом недействительными в соответствии с ч. 2 ст. 75 и ч. 4 ст. 165 УПК РФ [4, с. 52].

Считаем, что норма ч. 11 ст. 182 УПК РФ также должна быть дополнена указанием на то, что в случаях, не терпящих отлагательства и невозможности обеспечить участие защитника подозреваемого или обвиняемого в следственном действии, обыск может быть произведен без его участия.

Определенный интерес вызывает точка зрения А.Н. Иванова, который предлагает оповещать защитника «в самый последний момент», когда все участники обыска находятся на месте его производства и фактически готовы реализовать данное следственное действие [3, с. 25]. Ученый указывает, что в случае, если у лица, у которого производится обыск, отсутствует защитник или его присутствие по каким-либо причинам невозможно, следователь обязан обеспечить присутствие иного защитника, в противном случае обыск должен быть отложен.

Мы полагаем, что предложенное решение проблемы участия защитника в производстве обыска как минимум нецелесообразно, так как с точки зрения практической деятельности ни один адвокат не приедет «по вызову следователя, если ему сообщат о производстве обыска в последний момент».

Вследствие этого, обыск придется откладывать неограниченное количество раз, результатом чего может стать безвозвратная утрата большей части доказательственной базы.

Далее хотелось бы акцентировать внимание на положении УПК РФ, в соответствии с которым защитник и адвокат имеют право нахождения в помещении, в котором производится обыск (ч. 11 ст. 182 УПК РФ).

В случае, если следователь отказывает ему в этом праве, протокол обыска может быть признан недопустимым доказательством, так как недопущение защитника в производство обыска – это прямое нарушение права обыскиваемого лица на защиту. Кроме того, недопустимым может быть признан протокол обыска в тех случаях, когда обыск осуществляется в разных частях одного помещения, и в каждой из обыскиваемых комнатах не было обеспечено присутствие понятых. В контексте данной проблемы не совсем ясно, как же в этом случае быть защитнику, ведь как справедливо замечает Т.Г. Дабижа, «он не может разорваться на несколько частей и одновременно присутствовать во всех частях обыскиваемого жилого помещения» [2, с. 24]. На сегодняшний день, эта проблема является практически неразрешимой. Так, обвязывание следователя производить последовательный обыск жилого помещения, комнату за комнатой, существенно затянет производство следственного действия. Привлечение же нескольких защитников (или адвокатов) также чрезмерно «загрузит» процесс реализации следственного действия, хотя это может быть вполне допустимо, когда обыск производится одновременно в нескольких обособленных зданиях (например, в квартире и на даче подозреваемого лица).

На наш взгляд, в целях преодоления рассмотренной проблемы, норма ч. 11 ст. 182 УПК РФ, также должна быть дополнена указанием на то, что в случаях, не терпящих отлагательства и невозможности обеспечить участие защитника подозреваемого или обвиняемого в следственном действии, обыск может быть произведен без его участия. Кроме того, нуждается в совершенствовании порядок привлечения и участия защитника к производству обыска одновременно в нескольких жилых помещениях или его частях.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.03.2017) // Российская газета. – 2001, 22 декабря.
2. Дабижа Т.Г. Процессуальные гарантии реализации полномочий адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2012. № 4. С. 19-28.
3. Иванов А.Н. Проблемы реализации отдельных следственных действий: криминалистические аспекты // Вестник криминалистики. 2014. № 6. С. 23-27.
4. Меретуков Г.М. Производство обыска с участием защитника // Право и закон. 2011. № 7. С. 49-54.
5. Якимович Ю.К. Участие адвоката в уголовном процессе // Уголовная юстиция. 2015. № 8. С. 1-5.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА, ЕЕ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА МИРОВЫХ СУДЕЙ

Уракчеева Д.Р.

Педагогический институт имени В.Г. Белинского,
Пензенский государственный университет, Россия, г. Пенза

В статье рассматриваются предпосылки проведения судебной реформы начала XX века, какие именно положения в отношении мировых судей она закрепляла. Роль данной судебной реформы заключается в учреждении мировых судов как судебного органа, основывающего свою деятельность на справедливости, и органа, близкого к народу.

Ключевые слова: судебная реформа, судебная система, преобразования, мировой судья, мировой суд, судебное производство.

Начало второй половины XIX в. характеризуется целым рядом реформ, толчком к проведению которых послужило поражение России в Крымской войне 1853-1856 гг. Было очевидно, что государственный строй требует некоторых преобразований. В последствии военной неудачи началась подготовка отмены крепостного права, были проведены реформы в сфере финансов, местного самоуправления, образования, полицейская реформа и др. Особое внимание правительство уделило судебным преобразованиям, которые, по мнению историков, правоведов, юристов, носило самый демократичный характер среди проведенных реформ 60-70-ых гг. XIX в.

Проекты преобразования системы правосудия были предложены еще в начале XIX в. Так, М.М. Сперанским были предложены идеи преобразования судебной системы, включенные в проект «Плана государственного преобразования» [5, с. 359], фактически предполагающий превращение самодержавной монархии в монархию конституционную. Законченный к осени 1809 года план предусматривал создание трех сторон власти – законодательной, исполнительной и судебной. Судебную власть должны были представлять волостные (носящие третейский характер), уездные и губернские суды, состоящие их выборных судей и действующие с участием присяжных. Высшую судебную инстанцию согласно «Плану государственного преобразования» представлял Сенат, члены которого должны были избираться пожизненно Государственной думой и утверждаться императором.

Достаточно интересным является проект М.А. Балугьянского «Рассуждение об учреждении губерний», подготовленный в 1827 году. Согласно данному проекту судебная система должна состоять из двух инстанций – высшей (Сената или Верховного Суда) и нижней (судебной палаты). Так же предлагалось учреждение в городах магистратских судов, состоявших из назначаемого Министром юстиции председателя и избираемых из населения заседателей без учета их сословной принадлежности. В целом, положения проекта М.А. Балугьянского были значительным шагом в преобразовании судебной системы и могли бы повысить эффективность судебного производства, если бы не отклонение проекта Николаем II.

Кроме М.М.Сперанского и М.А.Балугьянского идеи преобразования судебной системы были предложены декабристом Н.М.Муравьевым в проекте Конституции, составляемом в 1822-1825 гг., министром внутренних дел Д.Н.Блудовым, и другими государственными лицами.

В 1861 году была создана комиссия для разработки «Основных положений преобразований судебной части в России», одним членом которой был статс-секретарь Государственного Совета С.И.Зарудный, внесший огромный вклад в развитие судебного устройства страны [2, с. 124]. Под его руководством в 1862 году были выработаны новые принципы судоустройства и судопроизводства [2, с. 128].

Проект судебных преобразований были одобрен Александром II. Данный документ предусматривал бессловность суда, его независимость от административной власти, несменяемость судей и судебных следователей, равенство всех сословий перед законом, устный характер, состязательность и гласность судебного процесса с участием в нем присяжных заседателей и адвокатов (присяжных поверенных). Провозглашаемые принципы были шагом вперед к развитию судебной системы по сравнению с «феодалным сословным судом, его безгласностью и канцелярской тайной, отсутствием защиты и бюрократической волокитой» [1, с. 129].

В результате судебной реформы по стране создавались общие (коронные) и местные (мировые) суды. Вторые создавались для рассмотрения незначительных уголовных и гражданских дел с иском до 500 рублей в уездах и городах с упрощенным судопроизводством. Е.В. Хаматова подчеркивает, что «одной из заслуг судебной реформы 1864 года было введение в российскую судебную систему мировой юстиции, которая должна была освободить общие суды от большого количества малозначительных гражданских и уголовных дел и максимально приблизить правосудие к народу» [6, 7].

В компетенцию мировых судей помимо гражданских дел входило рассмотрение дел и неисполнении законов, распоряжений, требований, постановлений властей, об оскорблении полицейских и других служащих, а также преступления, наказанием за которые были выговор, замечание, внушение, денежные взыскания не свыше 300 рублей, арест до 3 месяцев и заключение в тюрьму на срок до 1 года.

Дела возбуждались по жалобам частных лиц, полицейских и других административных органов, по усмотрению самого мирового судьи. Рассмотрение дел мировыми судьями проходило единолично, процесс был платным, публичным и допускалось участие поверенных [3, с. 639].

Председателем на заседаниях суда был сам мировой судья, он выступал посредником между сторонами и стремился примирить конфликтующие стороны. Как уже выше отмечалось, мировой судья был выборным, что делалось в целях назначения на должность человека, внушающего доверие, знающего условия местной жизни, знакомого с бытом и нравом окружающих людей. Мировой судья выбирался не всем населением, а его представителями – зем-

скими собраниями и городскими думами. Срок избрания – 3 года, по истечении которых судья мог снова избираться населением на должность, если оправдывал их доверие и надежды.

Вполне справедливо будет сказано, что судебная реформа 1864 года была наиболее последовательной и эффективной из всех реформы второй половины XIX века. Но следует подчеркнуть, что все же ей не удалось пережить некоторые сословные пережитки [1, с. 134]. Так, все еще продолжали существовать военные судебные органы, которым подсудны были дела военнослужащих, консистории в епархиях, рассматривавшие дела священнослужителей [4, с. 441], помимо этого, сохранялся Верховный уголовный суд, к ведению которых относилось рассмотрение дел, заведенных отношении государственных лиц, генералов, сенаторов и министров.

Мировые суды просуществовали до 12 июля 1889 года, до принятия «Положения о земских начальниках», в результате чего произошла ликвидация мирового суда. Возобновление деятельности мировыми судами ознаменовывается 1912 годом.

Судебная реформа 1864 года предоставила населению близкое, доступное и не связанное особыми формальностями рассмотрение споров и правонарушений. Особенностью их становления явилось то, что они порождены были сверху и, в то же время, осуществляли свою судебную деятельность на справедливости, традициях мирного рассмотрения конфликтов. Мировой судья являлся, таким образом, не чуждым для населения чиновником, назначенным свыше, а лучшим, наиболее честным человеком, возведенным самим населением в высокое звание.

Список литературы

1. Бабенко В.Н. Судебная система России: история и современность. М.: РАН. ИНИОН, 2007. 264 с.
2. Дорошков В.В. Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения. М.: Норма, 2001. 272 с.
3. Козявин А.А. Судьба судебных реформ в России: век XIX и век XXI // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. URL: http://portal-msal.ru/10-7256/article_10072.html (дата обращения: 5.03.2017).
4. Свод законов Российской Империи: Свод законов гражданских: С примечаниями и ссылками на позднейшие узаконения и оглавлением. Т. 10: Ч. 1. СПб.: Рус. Кн. Товарищество «Деятель», 1892. 441 с.
5. Сперанский М.М. План государственного преобразования (введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М.: типо-литография И.Н.Кушнерев и К.Пимен, 1905. 359 с.
6. Хаматова Е.В. Уголовное судопроизводство в мировом суде: история и современность. М.: Права человека, 2003. 108 с.

МЕДИАЦИЯ И ИНСТИТУТ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

Федоренко Н.В.

заведующая кафедрой гражданского процесса, д-р социол. наук, профессор,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Россия, г. Ростов-на-Дону

Дзюба Л.М.

старший преподаватель кафедры гражданского процесса,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Россия, г. Ростов-на-Дону

Фатыхова Е.М.

Федеральный судья Таганрогского городского суда Ростовской области;
канд. филос. наук, доцент кафедры гражданского права,
Ростовский государственный университет правосудия,
Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье приводится общая характеристика медиации, анализируется ее отличие от других способов урегулирования споров. Особое внимание уделяется анализу роли медиации в процессе банкротства предприятий и организаций, раскрываются возможные направления применения медиации для повышения эффективности института несостоятельности (банкротства) в России.

Ключевые слова: медиация, несостоятельность, банкротство, спор, конфликт, мировое соглашение, медиативное соглашение, должник, арбитражный управляющий, решение суда.

Институт несостоятельности (банкротства) - это совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с несостоятельностью (банкротством) юридических и физических лиц [1].

Несостоятельность (банкротство) - это признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам [2].

Исходя из содержания Постановления Конституционного Суда РФ от 22.07.2002 №14-П и от 19.12.2005 №12-П, законодатель должен гарантировать баланс их прав и законных интересов [3]. Однако в настоящее время существует высокий уровень конфликтности в отношениях несостоятельности. Основной причиной возникновения таких конфликтов является отсутствие работающих механизмов регулирования потребительского банкротства, т.к. субъекты конфликта лишены цивилизованного способа решения конфликта и удовлетворения интересов. Это приводит к появлению различных проблем в сфере экономики, в связи с чем, сложилась соответствующая практика по урегулированию данных отношений.

1. *Досудебные методы*, как правило, включают в себя переговоры с должником и претензионную переписку. Такие меры обычно применяются к

добросовестным должникам и направлены на заключение мирового соглашения и медиативного соглашения.

2. *Судебные методы* включают в себя подачу иска к должнику. В рамках судебного разбирательства кредитор вправе потребовать обеспечения иска, т.е. запрет должнику совершать какие-либо действия, которые связаны с предметом иска, арест имущества, денежных средств и прочих различных активов.

3. *Внесудебные методы* представляют собой уголовное преследование должника и обращение в различные агентства экономической безопасности либо продажа долга.

Особое внимание следует уделить таким способам урегулирования споров, как мировое и медиативное соглашение, так как они направлены на предотвращение конфликта между сторонами.

Мировое соглашение – процедура, применяемая в деле о банкротстве на любой стадии его рассмотрения в целях прекращения производства по делу о банкротстве путем достижения соглашения между должником и кредиторами [4].

Таблица 1

Заключение мирового соглашения в суде	
Преимущества	Недостатки
1) прекращение производства по делу о банкротстве 2) восстановление прежнего объёма дееспособности и полномочий органов управления должника 3) отмена ограничений и контроля со стороны суда, кредиторов, арбитражного управляющего	1) мировое соглашение не распространяется на кредиторов, не включенных в РТК 2) недобросовестность кредиторов (обращение с иском об оплате долга) 3) систематическая неисполнимость мировых соглашений 4) угроза восстановлению платёжеспособности должника 5) отмена определения об утверждении мирового соглашения путем обжалования 6) расторжение мирового соглашения 7) возобновление дела в той же процедуре, в которое было заключено мировое соглашение (загруженность судов)

Институт медиации на территории Российской Федерации является относительно новым альтернативным способом разрешения различных споров, в том числе споров, возникших по экономическим основаниям. Федеральный закон № 193-ФЗ определяет медиацию как «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» [5]. Отличительной особенностью медиации является переговорная часть процесса, позволяющая субъектам конфликта удовлетворить свои интересы путем принятия взаимовыгодного решения [6]. В условиях конфликта в отношениях несостоятельности данный факт имеет решающее значение, т.к. стороны не всегда имеют возможность для равного удовлетворения интересов, что приводит к обострению отношений. Следующей отличительной особенностью процедуры меди-

ации является то, что медиатор не принимает никаких решений по спору. Другими словами, решения имеют право принимать только конфликтующие стороны, которые при помощи медиатора самостоятельно вырабатывают и обсуждают наиболее приемлемые пути решения сложившейся проблемы [7]. Это также важный фактор в урегулировании конфликтов, т.к. добровольность принятия решений является гарантией их исполнения. Медиация, таким образом, предоставляет конфликтующим сторонам возможность равноправно участвовать в процессе разрешения конфликта, что позволяет не только разрешить возникшие противоречия, но и сохранить партнерские отношения, если это необходимо. Помимо этого, процедура медиации занимает значительно меньше времени, чем полноценное судебное разбирательство.

При разрешении конфликта путем медиации стороны договариваются сами, медиатор лишь создает им для этого условия. Поскольку он владеет специальной технологией, стороны, желающие договориться, обязательно договорятся.

Отличие процедуры медиации от судебного разбирательства в том, что применение медиации является добровольным.

Медиация является наиболее эффективным способом для разрешения конфликта. При судебном разрешении конфликта суд принимает за стороны решение, с которым они не могут одновременно согласиться, что ведет к обжалованию, затягиванию дел и т.п. В этом случае, даже после окончательного отсуживания какого-либо решения, конфликт все равно не будет разрешен, что может проявляться впоследствии.

Таблица 2

Аспект	Медиация	Судебное разбирательство
Срок	определяется медиативным соглашением.	Большая протяженность во времени, которую может занимать судебный процесс
Результат	При вынесении медиативного решения, и должник и кредитор остаются довольны вынесенным решением медиатора	Непредсказуемость результата процесса, который зачастую не зависит ни от судей, ни от юристов, ни от кредитора с должником
Исполнение	Медиативные решения исполняются на добровольной основе. При согласовании должника с кредитором.	Судебные решения являются принудительной формой разрешения конфликта. Для исполнения судебных актов требуется длительное время, и результат исполнения не всегда положительный.
Взаимодействие сторон	обе стороны остаются довольны вынесенным решением.	Суд и высокооплачиваемые юристы, не всегда дают возможность договориться кредитору с должником.
Финансы	Отсутствие дополнительных финансовых затрат.	Оплата государственных расходов, услуг представителей и т.д

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Медиация является наиболее эффективным способом для разрешения конфликта. Следовательно, необходимо реализовать через поправки в Закон о банкротстве сделать обязательной попытку применения процедуры медиации перед обращением сторонами в суд. Для совершенствования института банкротства и повышения его эффективности необходимы как совершенствование системы подготовки кадров арбитражных управляющих в части повышения их медиативной компетентности, так и законодательные инициативы, которые закрепили бы на нормативном уровне использование досудебной медиации в процедуре банкротства [8].

Список литературы

1. Юлова Е.С. Правовое регулирование несостоятельности банкротства / Учебник. М.: Юрайт. 2016. 389 с.
2. Федеральный закон №127-ФЗ от 26.10.2002 «О несостоятельности /банкротстве/» Актуальная редакция закона 127-ФЗ от 03.07.2016 с изменениями, вступившими в силу с 01.01.2017.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2002 №14-П и Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 №12-П
4. Федеральный закон №127-ФЗ от 26.10.2002 «О несостоятельности /банкротстве/» Актуальная редакция закона 127-ФЗ от 03.07.2016 с изменениями, вступившими в силу с 01.01.2017.
5. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника /процедуре медиации/» от 27.07.2010 № 193-ФЗ /последняя редакция/.
6. Аллахвердова О.В. Карпенко А.Д. Медиация – переговоры с участием посредника. – СПб.: Роза мира, 2007.
7. Каменков, В.С. Медиация и иные АРС в банковской деятельности// Банковский вестник – 2012. – № 10. – С. 4
8. Медиация и эффективность института банкротства /Рондарь Н. В., Рондарь В. Н. // «Имущественные отношения в Российской Федерации», 2014.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ В ДОКТРИНЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА И РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Шепелин И.В.

соискатель, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя,
Россия, г. Москва

В статье анализируются современные научно-практические проблемы, касающиеся реализации права участников уголовного судопроизводства на подачу (принесение) различного рода обращений. Комплекс исследуемых проблем сфокусирован на досудебных стадиях уголовного процесса.

Ключевые слова: обращения, уголовное судопроизводство, должностные лица, права, личность.

Стремление Российской Федерации занять достойное место в мировом сообществе предполагает необходимость радикальной ревизии действующего

законодательства в контексте расширения возможностей для защиты прав и законных интересов личности посредством задействия обращений различного рода. Подобная установка наполняется особым содержанием в уголовном судопроизводстве как особом виде правоохранительной деятельности.

Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (далее – Конституция РФ) [3], предоставляет право гражданам России обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33). Производство по уголовному делу на досудебных стадиях – часть уголовного процесса, на которой формируется доказательственный фундамент будущего приговора, реализуются меры принуждения, государство в лице уполномоченных должностных лиц вынужденно вторгается в частную жизнь людей, ограничивая их права. Но именно, начиная с нее, должна обеспечиваться возможность каждого обращаться за защитой, информировать о нарушенных правах, а для лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, – взаимодействовать друг с другом официальным образом, посредством установленных законом обращений.

В современной России, «ориентированной на построение правового государства, публичная природа уголовного судопроизводства корректируется конституционной обязанностью государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ). В связи с этим возникает еще одна цель в правовом регулировании уголовно-процессуальных отношений – защита конституционных прав и свобод человека и формируется комплекс прав участников судопроизводства и полномочий должностных лиц, обеспечивающий достижение обозначенной цели» [1, с. 45].

В доктрине российского права наметились различные походы к определению понятия «обращение». Так, К. Подъячев констатирует его в качестве различных формы артикуляции интересов, выраженных «в виде юридически оформленного требования гражданина или группы граждан, направленного структурам публичной власти» [6, с. 9].

Исходя из такого определения можно заключить, что обращение ориентировано исключительно за защиту публичных интересов, а частные интересы в силу «производного» характера учитываются в нем, когда обладают «коллективной» значимостью.

По мнению М.А. Миронова обращение гражданина – есть не что иное, как конституционно-правовой институт, т.е. «законное действие по восстановлению, защите или реализации его конституционных прав» [5, с.3].

В уголовном судопроизводстве обращение как проявление активного поведения имеет место преимущественно в действиях юридически осведомленных лиц, а также в действиях профессиональных защитников – адвокатов, из иных участников производства по уголовному делу этим право чаще других пользуются обвиняемые. Причины подобной парадоксальной, на первый взгляд, ситуации «изначально кроются в отсутствии единой научно обоснованной концепции правового наполнения и дальнейшей реализации положений института обращения граждан» [4, с.3].

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) [7] не содержит в ст. 5 «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе» определение термина «обращение». Вместе с тем, рассматриваемый термин активно задействуется в научных работах, правотворческой и правоприменительной деятельности.

Государство, даже самое совершенное, правовое и демократическое, обладающее аппаратом надлежащим образом подготовленных компетентных чиновников, не в состоянии учесть все пожелания, разрешить проблемы, ответить на вопросы участников производства по уголовному делу. В подобной ситуации нравственные нормы могут становиться запретами, а процессуальные нормы в своем реализационном механизме – «апеллировать» к нормам профессиональной этики следователя, судьи. Здесь весьма важно, чтобы каждый участник проявлял должную активность, использовал предоставленные законом возможности для отстаивания собственных, представляемых или защищаемых интересов. Применительно к следователю, дознавателю и прокурору данное требование означает надлежащее исполнение служебных обязанностей, прежде всего, при принятии решения по обращению.

Значимость процессуальных решений, выступающих юридической формой реагирования на обращения удачно подмечена А.А. Козявиным: «Эффективность всей системы правосудия во многом определяется качеством конкретных уголовно-процессуальных решений, механизм принятия которых отличается сложностью, тонкой социально-правовой природой, в конечном итоге особой социальной значимостью» [2, с.99].

Обращение – приемлемая и адекватная форма «побуждения» к уголовному преследованию, разрешения технических вопросов, возникающих в ходе производства по уголовному делу, а также форма процессуального (процедурного) общения между различными участниками, но главное, это форма защиты прав, охраняемых законом интересов лиц и организаций.

Таким образом, *обращение в уголовно-процессуальном праве предполагает*: а) признание его дефиницией данной отрасли права; б) удостоверение его видов и форм; в) законодательное закрепление; г) обеспечение юридическими гарантиями; д) создание единого организационно-правового механизма рассмотрения, разрешения и принятия адекватных мер по каждому обращению; е) признание его правореализационным каналом прямой и обратной связи между ведущими и иными участниками уголовно-процессуальных отношений; ж) наличие признаков персонифицированности; з) рассмотрение его в качестве понятия, характеризующего степень активности участников процесса; и) признание обращений фактором, олицетворяющим процессуальную свободу личности; к) рассмотрение его в качестве юридического факта;

Элементарная справедливость требует облачения обращения в правовую форму посредством дополнения этим понятием ст. 5 УПК РФ. Практически подобное возможно посредством дополнения ст. 5 пунктом 32.1 следующего содержания: «32.1) процессуальное обращение, заявленное до воз-

буждения уголовного дела, – добровольное, законное действие гражданина, сообщающего в правоохранительные органы о совершенном им или другим лицом (лицами) преступлении, подлежащее рассмотрению в соответствии с настоящим Кодексом; процессуальное обращение, заявленное по возбужденному уголовному делу, – законное действие участника производства по уголовному делу, выраженное в устной или письменной форме, направленное на восстановление, защиту или реализацию его прав, исполнение обязанностей, а также на обоснование своей позиции по уголовному делу».

Законодательное удостоверение обращений – первый шаг на пути реформирования уголовно-процессуального законодательства, которое следует осуществить в ближайшее время.

Список литературы

1. Вершинина С.В. Обязательность порядка судопроизводства как гарантия осуществления правосудия по уголовным делам // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: материалы V Международной научно-практич. конф. (Курск, 11 –13 апреля 2013 г.). Курск: ЮЗГУ, 2013. С. 44-45.
2. Козявин А.А. Уголовно-процессуальные решения и политическая функция уголовного судопроизводства // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти докт. юрид. наук, проф. П.А. Лупинской. М.: Элита, 2009. С.99-106.
3. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием. 12.12.1993 (в ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. №31. Ст. 4398.
4. Маслов Б.В. Институт обращений граждан в административном праве: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2002. 23 с.
5. Миронов М.А. Обращения граждан как конституционно-правовой институт: Проблемы реализации: автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2002. 48 с.
6. Подъячев К. В. Обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления как форма гражданского участия: автореф. дис... канд. полит. наук. М., 2007. 25 с.
7. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 (в ред. от 07.03.2017) // Российская газета. №249, 22.12.2001.

РОЛЬ НЕТИПИЧНЫХ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Шурдумов А.Х.

магистрант группы П-ЮРП-м-о-151, Институт сервиса, туризма и дизайна
(филиал) Северо-Кавказского федерального университета,
Россия, г. Пятигорск

Степанова Л.П.

доцент кафедры ГПП, кандидат юридических наук, доцент,
Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского
федерального университета, Россия, г. Пятигорск

Быстрые темпы развития общества показывают, что установленный стандарт трудовых правоотношений является не эффективной формой регулирования труда. Отноше-

ния между работником и работодателем постепенно трансформируются от устойчивой занятости к неустойчивой. И в связи с возникшей ситуацией прослеживается необходимость в разработке ряда важных вопросов, связанных с неустойчивой занятостью, а именно: во-первых, определить на законодательном уровне понятие и содержание правовых дефиниций, во-вторых, разработать механизмы регулирования, в-третьих, классифицировать разновидности нестандартных трудовых правоотношений. Обозначенные элементы нам представляются важными, так как развитие современных трудовых правоотношений диктует нам условия более пристального исследования вопросов, относящихся к неустойчивой занятости.

Ключевые слова: работник, работодатель, трудовой договор, нестандартная занятость, трудовое правоотношение, глобализация экономики.

В течение длительного времени отношение к нестандартным трудовым правоотношениям менялось в ту или иную сторону. Обсуждение данного вопроса является актуальной и по настоящее время. Если брать, к примеру, США то там заемный труд, как одна из форм нетипичных трудовых правоотношений, появилась в начале 20-го века, а в Европе в середине этого же столетия. Если брать Россию, то заемный труд в нашей стране появился в конце 90-х годов прошлого столетия. И с каждым годом прослеживается увеличения нетипичных трудовых правоотношений на рынке занятости. И в связи с этим стали появляться различные агентства по предоставлению временных работников. Их сфера распространения настолько сильно стало увеличиваться, что запретить труд временных работников представлялось очень непростой задачей. И государство в свою очередь стало задумываться над тем, что если нельзя искоренить нетипичные трудовые правоотношения, то необходимо придумать механизмы его правового регулирования, закрепив их в основных нормативно-правовых актах регулирующих трудовую деятельность граждан.

В зарубежной литературе классификация трудовых отношений несколько отличается от классификации приводимой отечественными учеными-трудовиками. Как показывает практика последних лет, в российской правовой литературе в полном объеме не отражена специфика нестандартных трудовых правоотношений.

Трудовой кодекс Российской Федерации основан на концепции стандартного правоотношения. Он признает сторонами трудового отношения работника и работодателя. Конструкция трехстороннего трудового договора законодательством пока не регулируется. Данное явление объясняется тем, что российская правовая доктрина значительно позже обратилась к вопросам нетипичной занятости, чем зарубежная.

На сегодняшний день есть исследовательские работы, в которых занятость характеризуется как особо важная социально-экономическая категория, с ориентацией на стандартную занятость, со следующими основными чертами: работа у одного работодателя; стандартная нагрузка в течение дня, недели или года; работа в производственном помещении работодателя. Но нам

представляется возможным отметить, что данные утверждения в полной мере не соответствуют сложившимся реалиям, а темпы развития современных трудовых правоотношений показывают нам другую ситуацию, где работники предпочитают нестандартную занятость, с работой у нескольких работодателей в нескольких организациях, с не нормированным рабочим днем.

Следует отметить, что в России предпринимаются попытки регулирования нетипичных трудовых правоотношений, так на законодательном уровне, с введением Федерального закона от 05.05.2014 N 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в Трудовой Кодекс России была введена статья (ст. 56.1), в которой было закреплено, что в России заемный труд запрещен [3, с. 30].

Здесь следует отметить, что вышеуказанным Федеральным законом была введена новая глава в Трудовой Кодекс РФ, это глава 53.1 «Особенности регулирования труда работников, направляемых временно работодателем к другим физическим лицам или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала)». Следуя логике можно отметить, что в данном случае работник заключает трудовой договор с одной компанией, а выполняет свои трудовые обязанности в другой компании. Важным моментом, для организаций, предоставляющих такие услуги, является необходимость прохождения аккредитации. Только после прохождения аккредитации частные агентства занятости смогут заниматься своей деятельностью в полном объеме [1, с. 93].

Необходимо различать формы использования труда работников частными агентствами занятости. Это аутстаффинг и аутсорсинг. В первом случае – это когда компания предоставляет персонал, на время и выполнения определенной работы, а во втором случае – это когда компания предоставляет определенные услуги.

Модификацией традиционных признаков трудовых правоотношений является и использование на практике договора, в котором предусматривается работа в режиме «уплотненной рабочей недели». Данный вид нетипичного трудового договора предполагает, что нормированная продолжительность рабочего времени работника распределяется на сокращенное число рабочих дней в неделю при увеличении продолжительности рабочего дня с 8 часов до 10-12 часов.

Трансформацию классических признаков трудовых правоотношений можно проследить и в трудовых договорах на условиях неполного рабочего дня или неполной рабочей недели (ст. 93 Трудового кодекса Российской Федерации), средняя продолжительность рабочего времени которых за учетный период (неделя, месяц, год), меньше, чем установленная законодательством о труде нормальная продолжительность рабочего времени работающих на условиях полного (нормального) рабочего времени. Данная форма трудового

договора характерна для выполнения не требующая многочасовых затрат, для ее успешного совершения.

Довольно значительным примером изменения классических признаков трудового договора срочный трудовой договор. Несмотря на то, что данный вид трудового договора давно закреплён в Трудовом Кодексе РФ, на сегодняшний день возникают очень много вопросов относительно его сферы применения. Многие работодатели при приеме на работу предпочитают заключать срочные трудовые договоры, не имея на то оснований, закреплённых в Трудовом Кодексе. Это является прямым нарушением прав работника. Разрешение данной проблемы является одним из основных направлений усовершенствования трудового законодательства [2, с. 102].

Условие о сроке в трудовом договоре, не меняет содержание трудового правоотношения, но влияет на характер связи между работником и работодателем. Хотя индивидуализация условий труда посредством определения временных рамок прав и обязанностей сторон уменьшает стабильность трудового правоотношения, делая его более гибким. К этой же группе модификации можно отнести и сезонных работников.

Таким образом, можно отметить, что нетипичные трудовые правоотношения – это такие правоотношения, которые отличаются новизной своей конструкции и содержания, что продиктовано многообразием реалий экономической действительности. Заключение таких соглашений стимулируется стремительными изменениями в технологии и новых системах управления в ответ на растущие требования, предъявляемые конкуренцией. В настоящее время необходимо на законодательном уровне закрепить конструкцию нестандартного трудового договора и дифференцированно определить его разновидности.

Сегодня, когда на типичное трудовое отношение влияют различные социально-экономические процессы, то и правовое положение отдельных категорий работников нуждается в дополнительном правовом регулировании. В последние годы стандарт трудовых отношений, а именно устойчивой занятости, постепенно замещается, неустойчивой занятостью. А чтобы механизмы, разработанные для регулирования нестандартных трудовых отношений, заработали на полную адекватную мощность, должно пройти еще немало времени.

Список литературы

1. Куренной А.М., Маврина С.П., Сафонов В.А., Хохлов Е.Б. «Комментарии к Трудовому кодексу Российской Федерации» постатейный. // 3-е изд., пересмотр. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2015.
2. Рыженков А. Я., Мелихов В. М., Шаронов С. А. Трудовое право: краткий курс лекций // 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2015. 246 с.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации. М.: РИПОЛ классик; Издательство «Омега-Л», 2016. 223 с.

МОРАЛЬ И ПРАВО КАК СОЦИАЛЬНЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ ОБЩЕСТВА**Юн Л.В.**

аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Университет управления «ТИСБИ», Россия, г. Казань

В статье рассматриваются сходства и различия морали и права как двух наиболее важных социальных регуляторов общества. Изучение двух данных явлений позволяет формулировать основы нравственного воспитания личности, основанные на нормах морали и права, что становится базисным элементом развития современного общества.

Ключевые слова: право, мораль, нравственность, социальные регуляторы общества.

В современном обществе существуют определённые регуляторы поведения: мораль, право, нравственность и др. Мораль и право, как два наиболее важных компонента эволюции общества, имеют различия и сходства. Прежде чем провести между ними различие, вначале уясним определения морали и права как социальных регуляторов общества.

Мораль – это система нравственных традиций, обычаев, а также норм, которые не имеют нормативного закрепления в правовых актах государства.

Право же, как социальный элемент – это совокупность норм, принципов, правил поведения, закреплённых в нормативно-правовых актах государства. В обществе с помощью права граждане выстраивают между собой различные взаимоотношения, основанные на установлениях действующего законодательства.

Мораль и право обладают рядом признаков, которые необходимы для урегулирования тех или иных вопросов общества. Для того, чтобы понять в чём заключается сущность морали и права необходимо найти в них отличия и сходства, установить их взаимодействие в социальном регулировании общественных отношений. Для морали характерно наличие следующих признаков:

- исходит от самой личности и является её потребностью;
- не имеет непосредственного нормативного закрепления в правовых источниках государства, но способствует регулированию общественных отношений;
- строится на нравственных началах взаимоотношений между всеми субъектами;
- основывается на сложившихся обычаях и традициях общества и др.

Право же как социальный регулятор общества имеет следующие отличительные черты:

- имеет нормативное закрепление в виде законов и подзаконных нормативных актов государства;
- регулирует отношения между субъектами права, складывающиеся на основании определенных источников права (нормативно-правовые акты, договоры, правовые обычаи, правовые прецеденты);
- чётко следует принципам законодательства, издаваемого государственными органами.

Но, несмотря на все их различия, сходство морали и права заключается в том, что: 1) оба этих феномена являются социальными регуляторами общества; 2) регулируют отношения между личностями; 3) обеспечивают стабильность в государстве и обществе. То есть имеют единую цель.

В числе сходств морали и права можно также назвать то, что они оба обладают регулятивной функцией. Но необходимо разграничивать её по способу взаимодействия между взаимоотношениями субъектов в обществе. Мораль опирается на мнение общества, в то время как право регулирует поведение людей в нём путем государственно-управленческого принуждения.

Мораль (от лат. – *moralitas*) – это совокупность норм или принципов поведения людей по отношению друг к другу, к окружающим, обществу, человечеству, санкционированных личным убеждением, общественным мнением и традициями. Н. С. Шабанова отмечает, что: «Моральные нормы – это способ проявления социального в целостности личности. В морали субъективное «Я» конкретного человека идёт от самого социума, соединяясь в нём через духовный потенциал и трансцендирование» [5].

Исходя из проблемы регулятивного воздействия на общество в структуру морали включаются такие её нравственные элементы как: нормы, идеи, принципы, идеалы и т.д. Эти нравственные формы содержатся чаще всего в религиозных запретах, например, в виде Десяти библейских заповедей и т. п. Иными словами, это правила поведения, которые устанавливаются в обществе в соответствии с личностными представлениями о добре, зле, справедливости, содержащиеся в исторических источниках, воспитывающих нравственные качества (добродетели) человека. Если говорить иначе, то под ними понимаются желательные черты характера и то, каким человек должен быть.

Нравственные принципы – это более обобщенное выражение нравственного совершенствования, относящиеся не к отдельным ситуациям и поступкам, а к самой направленности деятельности человека, его жизненной ориентации. К числу общих начал нравственности относятся:

- гуманизм – признание человека высшей ценностью;
- альтруизм – бескорыстное служение ближнему;
- милосердие – сострадательная и деятельная любовь, выражающаяся в готовности помочь каждому в чем-либо нуждающемуся;
- коллективизм – сознательное стремление содействовать общему благу; отказ от индивидуализма – противопоставление индивида обществу, всякой социальности;
- запрет эгоизма – предпочтений собственных интересов интересам всех других.

Нравственные идеалы как цели развития личности указывают на конечную цель самовоспитания человека [2].

Право, считает Л.Т. Бакулина, можно рассмотреть с позиций таких категорий как: «субъективное право» и «объективное право». Изучая мнение В.В. Леонтовича, автор отмечает «*«Субъективное право»* означает меру разрешенного государством поведения в обществе и одновременно меру сво-

бодного социального бытия личности». Его характерным элементом можно назвать то, что человек, который обладает этим правом вправе отказаться от него, не имея каких-либо обязательств перед кем-либо. Мнение Ю.И. Гревцова, заключается в том, что: «С точки зрения «объективного права» оно понимается как «система общих юридических норм, в которых отражается опыт правового развития общества и получают закрепление результаты согласованных интересов и их неизбежное ограничение»» [1].

Мораль и право – важные ценностные нормы общечеловеческого бытия, которые связаны между собой в деятельности человека, но в ходе цивилизации и эволюции российского общества они стали приобретать дифференцированный характер. В связи с развитием позитивистского подхода, который как правило не признает нормативно – ценностных регуляторов общества, нормы морали заменяются законодательством, а мораль отторгается отдельными неправовыми законами несмотря на то, что такие социальные нормы как: религия, традиции, обычаи и др. играют важную роль в нашем социуме, они достаточно ограничиваются позитивистским правопониманием [1], зачастую обуславливая конфликт интересов государства, общества, личности.

Такое «противостояние» обуславливает негативные явления в социально – правовой сфере. Современные теоретические исследования останавливают на их изучении пристальное внимание. Так, исследователи общеправовой теории маргинальности, рассматривая существенные характеристики «правовой маргинальности» отмечают, что расхождения между морально – нравственными и юридическими ценностями с неизбежностью влекут за собой формирование негативных правонарушающих свойств в структуре правового сознания субъектов правоотношений. В свою очередь, изучение данных проблем представляется важным с позиций формирования общественной и индивидуальной правовой культуры граждан [3, 4].

Исходя из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что мораль и право, как два социальных регулятора непосредственно взаимосвязаны между собой и установление их взаимодействия – одна из целей современных государств.

Список литературы

1. Бакулина Л.Т. Проблемы теории права и правореализации: Учебник – М.: Статут, 2017. 384 с.
2. Головащенко Н.В. Мораль и право, как нормативно-ценностные регуляторы поведения человека в условиях реформирования российского общества: социологический анализ: автореферат дис. ... канд. соц. наук: 22.00.08 / Пятигор. гос. технол. ун-т. Пятигорск, 2006. 26 с.
3. Степаненко Р.Ф. Проблемы общеправовой теории маргинальности. Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 4. С. 177-179.
4. Степаненко Р.Ф. Особенности правового сознания и правовой культуры маргинальной личности. Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24. С. 25-30.
5. Шабанова Н. С. Духовный потенциал личности: специфика и проявление // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2011. № 4 (10). Ч. II. С.186-190.

АКТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Яковлева Т.А.

магистрант кафедры теории и истории государства и права,
Курский государственный университет, Россия, г. Курск

В статье рассматриваются решения Конституционного суда РФ в качестве источника российского права. Решения Конституционного суда в нашей стране являются актами, не имеющими аналогов и выполняющими своеобразную роль. Эта роль обусловлена особым положением Конституционного Суда, который будучи судебным органом, выполняет функцию нормоконтроля и, более того, правотворческую функцию.

Ключевые слова: акты Конституционного Суда, решение Конституционного Суда, источник права.

Правоведы довольно часто относят акты, изданные Конституционным судом Российской Федерации (далее КС РФ), к источникам права. Вместе с тем, с давнего времени ведутся споры, относительно правовой природы решений, устанавливающих неконституционность правовых норм: можно ли считать их судебными прецедентами, нормативными актами, правоприменительными актами, правовыми преюдициями, правовыми констатациями или же следует признать их новым источником права? Высказываются идеи о наличии у них свойств нескольких источников права. Четкой, однозначной позиции по этому вопросу так и не сформировалось, так как данный институт достаточно новый в нашей стране, присутствует противоречивость законодательства, в том числе отличия в правовой природе различных видов решений Конституционного Суда.

Прежде чем определить, относятся ли акты Конституционного Суда РФ к источникам права, необходимо определиться с содержанием самого понятия «источник права».

Источник права – это внешние (объективированные) формы проявления права, задачи которых представляют собой назначение, преобразование или завершение функционирования права конкретного содержания, в итоге появляется новое упорядочивание общественных отношений.

Наличие у решений Конституционного Суда РФ свойств источника права, на мой взгляд, не вызывает сомнений. Это подтверждается целым рядом обстоятельств.

В соответствии с положениями Федерального Конституционного Закона о Конституционном Суде РФ[1]: решения КС РФ являются общеобязательными; решение КС РФ окончательно и не подлежит обжалованию; решение КС РФ действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами; решения КС РФ подлежат публикации в официальных изданиях; неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решения КС РФ влечет ответственность, зафиксированную федеральным законом. Эти обстоятельства позволяют

предполагать возможность придания нормативного значения содержанию решений, выносимых КС РФ, и возможность включения таких решений в состав источников права [3].

Однако определенные сложности вызывает определение места решений Суда в системе других источников права.

Распространенной является позиция, согласно которой данные акты имеют силу прецедента. Б.С. Эбзеев полагает, что решению Конституционного Суда РФ свойственна материально-правовая сила закона, тем не менее это решение не обозначается нормативным актом и чаще всего принимается во внимание в роли прецедента, содержащего нормативно-регулирующее значение [7, с. 91]. В.Д. Зорькин высказывает мнение о том, что решения Конституционного Суда по делам о проверке конституционности нормативных актов содержат нормативные черты и в то же время приобретают прецедентное значение [4, с. 4]. И Г.А. Гаджиев в свою очередь приурочивает решения Конституционного Суда к прецедентному праву [2, с.100].

Козлова Е.И. указывает на то, что «решения Конституционного Суда нельзя считать судебными прецедентами, они не могут заменять закон при решении конкретных дел. Исключительно его решениями не могут обосновываться решения судов, как это имеет место при существовании института прецедента» [6, с. 30].

По моему мнению, решения КС РФ, фиксирующие неконституционность существующих норм права, не могут восприниматься как судебный прецедент. Понятие судебный прецедент представляет собой решение высшего судебного органа по определенному делу, которое в последующем является необходимым для судов при разрешении такого же рода дел.

Решение Конституционного Суда от судебного прецедента различаются по следующим показателям:

1) отсутствие сходности в процессе дальнейшего обращения к рассматриваемому виду решений Конституционного Суда;

2) решение Конституционного Суда затрагивает и суды, и правоприменителей;

3) Конституционный Суд при вынесении одного из «отказных» определений не использует свое исходное решение как прецедент, в определении он отмечает то, что конкретная ситуация была уже изучена, по ней было принято решение, которого достаточно, чтобы вторично оспариваемая норма считалась утратившей силу;

4) решения Конституционного Суда о неконституционности всегда нацелены на изменение совокупности правовых норм, регулирующих общественные отношения. Нежели, судебный прецедент, который наступает в связи с рассмотрением конкретного дела.

Т.Г. Морщакова придерживается суждения о том, что правовая позиция Конституционного Суда является особым видом преюдиции [5, с. 3]. Преюдициальность принято понимать как «обязательность для всех тех судов, которые рассматривают дело, принять без доказательств и проверки факты, ра-

нее установленные вступившим в законную силу приговором или судебным решением по другому делу» [8, с. 380]. С моей точки зрения, решение Конституционного Суда РФ не наделено признаками правовой преюдиции, потому как решение Суда общеобязательно (нормативно) по своему характеру, а преюдиция связана с вопросом факта.

Можно сделать вывод, что в решениях Конституционного Суда РФ прослеживаются некоторые признаки других источников права, тем не менее данных отдельных признаков определено недостаточно, чтобы причислить решения Суда к какому-либо одному из «классических» источников права. Я согласна с позицией В.В. Захарова в том, что «существование особенных последствий принятия, юридической силы и сферы действия таких решений придает данному правовому явлению относительно самостоятельное, новое и уникальное качество». В тоже время, для источника права характерен признак многократного применения, который отсутствует у решений Конституционного Суда РФ, устанавливающих неконституционность действующих правовых норм. Все вышеизложенное дает возможность констатировать существование в отечественном праве особого рода источника права, а именно решения Конституционного Суда РФ.

Список литературы

1. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994г. №1-ФКЗ «О конституционном суде Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание Законодательств РФ – 1994. – №13 – ст. 1447.
2. Гаджиев Г.А. Феномен судебного прецедента в России // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 98-106.
3. Голубев А.В. Решение Конституционного Суда Российской Федерации как источник бюджетного права // Финансовое право. 2016. № 5. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26190139> (дата обращения: 15.03.2017)
4. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. – М.: Норма, 2004. – № 12. – С. 3-9.
5. Морщакова Т.Г. Интервью с заместителем Председателя Конституционного Суда РФ Т.Г. Морщаковой // Законодательство. – М., 1999. №5. – С. 2-7.
6. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник. – М.: Юристъ, 2003. – 585 с.
7. Эбзеев Б. С. Конституционный Суд РФ – судебный орган конституционного контроля // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1995. – № 2-3. – С. 91-105.
8. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред.: А.Я. Сухарев. – 2-е изд., доп. – М., 1987. – 528 с.